МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ им. М. В. ЛОМОНОСОВА

Русский язык
и культура речи

Под редакцией **Г. Я. Солганика**

б а з о в ы й к у р с

Министерство образования и науки РФ рекомендует

Учебник

БАКАЛАВР

Юрайт
издательство

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ им. М. В. ЛОМОНОСОВА

Т. И. Сурикова, Н. И. Клушина, И. В. Анненкова

РУССКИЙ ЯЗЫК И КУЛЬТУРА РЕЧИ

УЧЕБНИК ДЛЯ БАКАЛАВРОВ

Под редакцией **Г. Я. Солганика**

Допущено Министерством образования и науки Российской Федерации в качестве учебника для студентов высших учебных заведений, обучающихся по гуманитарным направлениям и специальностям

Книга доступна в электронной библиотечной системе biblio-online.ru

Москва ▪ Юрайт ▪ 2015

УДК 811.161.1
ББК 81.2Рус-5я73
Р89

***Авторы*:**

Сурикова Татьяна Ивановна — кандидат филологических наук, доцент кафедры стилистики русского языка факультета журналистики Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (главы 1, 3 (3.5.1—3.5.3), 5, словарь);

Клушина Наталья Ивановна — доктор филологических наук, профессор кафедры стилистики русского языка факультета журналистики Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (главы 2, 3 (3.1—3.3));

Анненкова Ирина Васильевна — кандидат филологических наук, доцент факультета журналистики Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (глава 4).

***Ответственный редактор*:**

Солганик Григорий Яковлевич — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой стилистики русского языка факультета журналистики Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

Русский язык и культура речи : учебник для бакалавров / Р89 Т. И. Сурикова, Н. И. Клушина, И. В. Анненкова ; под ред. Г. Я. Солганика. — М. : Издательство Юрайт ; ИД Юрайт, 2015. — 239 с. — Серия : Бакалавр. Базовый курс.

ISBN 978-5-9916-2183-0 (Издательство Юрайт)
ISBN 978-5-9692-1386-9 (ИД Юрайт)

В учебнике полно и системно изложен курс «Русский язык и культура речи», включающий в себя также основные разделы функциональной и практической стилистики. Главная задача книги — развить стилистическую грамотность в области как письменной, так и устной речи, научить оценивать литературные качества текста.

Соответствует Федеральному государственному образовательному стандарту высшего профессионального образования третьего поколения.

Для студентов высших учебных заведений.

УДК 811.161.1
ББК 81.2Рус-5я73

ISBN 978-5-9916-2183-0
(Издательство Юрайт)
ISBN 978-5-9692-1386-9
(ИД Юрайт)

© Сурикова Т. И.,
Клушина Н. И.,
Анненкова И. В., 2012
© ООО «ИД Юрайт», 2015

Оглавление

Предисловие 5

Глава 1. Культура речи: общие понятия 7

1.1. Предмет курса и его задачи. Уровни владения языком 7

1.2. Язык и речь 14

1.3. Литературный и национальный язык 37

1.4. Литературная норма и ее роль в становлении и функционировании литературного языка 43

1.5. Устная и письменная формы литературного языка 46

1.6. Нормативный, коммуникативный, логический и этический аспекты речевой культуры 48

Вопросы и задания для самоконтроля 56

Глава 2. Функциональные стили. Общие особенности ... 59

2.1. Понятие функционального стиля 59

2.2. Структура функционального стиля 60

2.3. Понятие о норме и идеале функционального стиля 62

Вопросы и задания для самоконтроля 65

Глава 3. Характеристика функциональных стилей 66

3.1. Научный стиль 66

3.2. Публицистический стиль 69

3.3. Разговорно-бытовой стиль 73

3.4. Литературно-художественный стиль 79

3.5. Официально-деловой стиль 84

3.5.1. Унификация содержания и языка документов (виды текстов, их оформление, речевой этикет в документе) 87

3.5.2. Унификация языка документов 104

3.5.3. Язык инструктивно-методической документации и коммерческой корреспонденции. Телефонный разговор. Речевой этикет делового письма и разговора 106

Вопросы и задания для самоконтроля 120

Глава 4. Устная публичная речь 123

4.1. Подготовка речи. Оратор и аудитория. Виды аргументов 123

4.2. Логика материала. Виды вспомогательного материала 159

4.3. Изобразительность убеждающей речи. Риторические фигуры и тропы, риторические приемы 177

Вопросы и задания для самоконтроля 183

Глава 5. Регулирование коммуникации со стороны общества. Нормы публичного общения и ответственность за их нарушение 185

5.1. Этика и закон как формы общественного регулирования речевой коммуникации: норма и ее важнейшие свойства 185

5.2. Должное и сущее в коммуникации 190

5.3. Нравственный закон в контексте коммуникации и в науках о языке. Научная и наивная этика 192

5.4. Язык законодательной и этической нормы, его коммуникативные особенности: общее, отличия, проблемы 193

5.4.1. Язык закона и научной этики как проявление делового стиля 193

5.4.2. Наивная этика в соотнесении с научной. Язык наивной этики как не маркированный деловым стилем 198

5.5. Контролируемое и неконтролируемое речевое поведение и его этические следствия, наивный цинизм 206

Вопросы и задания для самоконтроля 209

Литература 210

Терминологический словарь смыслового анализа текста 214

Предисловие

Предлагаемый учебник «Русский язык и культура речи» написан в соответствии с программой этого курса и рассматривает традиционные разделы данной дисциплины: литературную норму, функциональные стили, критерии хорошей речи, мастерство выдающихся ораторов. Актуальность этой научной отрасли заключается в том, что она представляет собой область духовной культуры, связанной с применением языка. Она отвечает на вопрос: какими качествами должна обладать речь, чтобы обеспечить цели общения, его эффективность?

Образцовой речь может быть при учете по крайней мере следующих условий: соответствие нормам литературного языка, целям и обстоятельствам общения и национальным представлениям о красоте речи, соблюдение этических установлений, сложившихся в обществе. Другими словами, при изучении культуры речи выделяют языковой, коммуникативный, этический и эстетический факторы, каждый из которых подробно рассматривается в данном учебнике. Любая речь сводится в конечном итоге к выбору одного из возможных вариантов. Для того чтобы осуществить этот выбор, надо иметь представление о делении национального языка на литературный язык и нелитературные разновидности (диалекты, жаргоны, просторечие). Все эти и другие общие понятия рассматриваются в первой главе.

Основу книги составляет анализ функциональных стилей русского литературного языка. Главная особенность современного литературного языка — функционально-стилевое расслоение, определяющее его состояние и развитие. Большое значение это расслоение имеет и в аспекте культуры речи — выбор того или иного функционально-стилевого варианта. Этим объясняется серьезное внимание, уделяемое описанию и разбору функциональных стилей, своеобразных стилистических регистров, владение которыми обеспечивает богатство, выразительность, уместность и точность речи.

Наиболее подробно анализируются в учебнике официально-деловой стиль и публичная речь (ораторский стиль, судебное красноречие), что связано с социальной важностью этих разновидностей литературного языка, с их практической целесообразностью. Сфере деловой речи, например, мы отдаем дань в течение всей жизни (необходимость писать деловые бумаги, письма и т.д.). Ораторский стиль важен для обучения устной речи, умению грамотно излагать мысли, эффективно строить выступление. В демократическом обществе эти умения и навыки весьма востребованы.

После каждой главы учебника предлагаются контрольные вопросы, назначение которых — проверка усвоения материала, стимулирование самостоятельной работы студентов.

Глава 1
КУЛЬТУРА РЕЧИ: ОБЩИЕ ПОНЯТИЯ

В результате изучения данной главы обучающийся должен:

— **знать**, как традиционно понимают термин «культура речи», каковы основные аспекты предмета; язык как целостную, разноуровневую систему, обеспечивающую процесс вербальной коммуникации, ее исторической и стилистической изменчивости и гибкости;

— **уметь** отличать явления языка и речи, литературное и нелитературное, нормированное и ненормированное, уместное и неуместное, не соответствующее коммуникативной ситуации использование языковых ресурсов; правильно ориентироваться в живой ситуации общения; а также в системе языковых словарей и справочников;

— **владеть** основополагающей терминологией предмета; системой критериев языкового анализа устного или письменного высказывания на предмет соответствия требованиям культуры речи.

1.1. Предмет курса и его задачи. Уровни владения языком

Предмет изучаемого курса является культура речи — понятие многозначное и многогранное.

Традиционно **культура речи**[1] рассматривается как свойство участников речевого общения (коммуникантов) и предполагает свободное владение нормами литературного языка и в устной, и в письменной разновидностях, а также его стилистическими ресурсами. Такое владение позволяет, ориентируясь на коммуникативную ситуацию, сферу деятельности, тему речи, целеустановки говорящего, особенности адресата, выбирать наиболее целесообразные из стилистических средств, чем достигается наибольший коммуникативный эффект наименьшими средствами, обеспечивается как адресату, так и адресанту психологический комфорт и взаимопонимание в процессе общения.

[1] См.: Культура речи // Русский язык : энциклопедия / гл. ред. Ю. Н. Караулов. М., 2000. С. 204.

Культура речи занимается проблемами нормализации языка, разрабатывает рекомендации по рациональному пользованию его ресурсами и в этой сфере пересекается с такими дисциплинами, как стилистика, прежде всего практическая, ортология — теория правильной литературной речи, речевой этикет, риторика, психолингвистика. Также много общих вопросов у культуры речи с теорией коммуникации.

Как практическая учебная дисциплина культура речи, во-первых, ставит задачу систематизированно, кратко представить необходимую теоретическую информацию из названных выше наук, ориентированную на проблематику грамотного, эффективного, цивилизованного, уважительного по отношению ко всем участникам речевого общения в устной и письменной форме в различных сферах (от бытовой до деловой) и коммуникативных ситуациях. Во-вторых, курс культуры речи нацелен на развитие основных навыков, или компетенций, в области культуры речи, которые позволят обучающемуся эффективно применить теоретические знания на практике.

В самом общем виде культура речи предполагает несколько аспектов. Прежде всего, это **владение ресурсами национального, и прежде всего литературного, языка** (см. ниже об уровнях владения языком) — словарем и грамматикой, **а также литературной нормой** (см. 1.4) — общепринятыми, проверенными временем правилами произношения и написания слов, словоупотребления, построения предложения и текста. Это исходный набор навыков, без которого невозможно успешное речевое общение, но который успех еще не гарантирует.

Использование ресурсов языка в речи всегда осуществляется в определенных коммуникативных условиях, которые ограничивают и направляют выбор говорящего. Это **коммуникативный аспект культуры речи** (см. 1.6). Исходя из конкретной речевой ситуации, говорящий из всего многообразия средств языка выбирает наиболее уместные, убедительные и выразительные для данных коммуникативных условий. Чтобы этот выбор был успешным, необходимо учитывать следующее: 1) форму речи (устную или письменную); 2) тему речи и ее цель; 3) обстановку речи; 4) коммуникативные ожидания и цели адресата. Все эти параметры в самом общем виде учтены языком в системе функциональных стилей и жанров речи.

Один и тот же текст может быть по-разному понят и воспринят разными людьми, поэтому выбором стиля и жанра учет коммуникативных условий не ограничивается: нужно как можно четче и подробнее представлять себе основные психологические, интеллектуальные и социальные качества адресата, которые влияют на интерпретацию речи. Например, речь будет по-разному пониматься и оцениваться в зависимости не только от того, насколько глубоко адресат знает ее предмет (это само собой разумеется), но даже от того, как он к этому предмету относится.

Традиционно в понятие «культура речи» включается и **этический аспект** (см. 1.6) — уважительное по отношению друг к другу речевое и паралингвистическое (мимика, жесты, позы и другие сопровождающие речь реакции) поведение коммуникантов. Этика — это основа любого взаимодействия, в том числе и речевого. Назначение этики — создание психологически комфортных условий коммуникации для всех ее участников даже в конфликтной ситуации, а важнейшая речевая ее составляющая — речевой этикет, система правил и устойчивых формул общения, предписанных в каждой конкретной ситуации, например обращения, приветствия, прощания.

На основании преподавательского и редакторского опыта мы бы, со своей стороны, включили в понятие «культура речи» еще и **логический аспект** — владение основными правилами и законами правильного мышления, которые позволяют контролировать текст не только со стороны выбора средств выражения мысли, но и со стороны самих мыслей и их выстраивания в целостное сообщение. Это представляется уместным, по крайней мере, в практически ориентированном учебном курсе, традиционно сочетающем многие научные направления.

Культура речи говорящего напрямую зависит от того, насколько он владеет ресурсами языка, способен к пониманию сообщений на нем, а также к выбору и оценке вариантов языкового оформления мысли как с точки зрения их правильности, так и с точки зрения уместности. Все это определяется понятием **уровень владения языком**. Традиционно это понятие используется для оценки степени владения иностранным языком. Существуют международные классификации таких уровней от простейшего, ниже среднего до уровня, сравнимого с владением языком родным. Каждый из уровней определяется достаточно четкими кри-

териями, характеризующими лексический запас, сложность грамматических конструкций, круг тем, которыми владеет человек, и его способность общения на иностранном языке в разных коммуникативных ситуациях.

По отношению к родному языку понятие «уровень владения языком» тоже употреблялось достаточно давно, но преимущественно без выделения конкретных языковых компетенций говорящего. Ю. Д. Апресян первым, а вслед за ним Л. П. Крысин[1] и другие отечественные лингвисты во владении языком выделили три основных умения.

1. **Навык выражать определенный смысл разными способами**, **т.е. его перефразировать.** Чем больше вариантов выражения одного содержания может найти говорящий, тем в большей степени развита у него эта способность, определяющаяся прежде всего владением синонимической системой языка и на уровне словоупотребления, и на уровне выбора грамматических конструкций, а также текста. Например, фразу *И глупец, когда молчит, может показаться умным* можно перефразировать по-разному: *Когда глупец молчит, можно принять его за умного. Молчащего глупца можно ошибочно посчитать умным. Если глупец молчит, вы не поймете, что он глуп. Глупость можно скрыть от окружающих, если не открывать рот. Смолчи — за умного сойдешь* и т.д. Приведенные примеры перефразирования нейтральны по стилю и поэтому пригодны для любой речевой ситуации. Однако этой мысли можно придать любую окраску, например, так: *Набери в рот воды — и народ не догадается, что ты дуб* или *Храни молчание — береги реноме умного человека. Глупцу предписано молчать во избежание обнаружения его недалекости.* Способность к перефразированию мы применяем, когда рассказываем об одном и том же по-разному, исходя из того, в какой ситуации, кому и зачем мы что-либо говорим.

2. **Способность интерпретировать высказывание**, в частности, проявляется в умении видеть общее содержание в различных по форме мыслях (примеры выше). На такой общности содержания, с одной стороны, основана лексическая и грамматическая синонимия языковых

[1] *Крысин Л. П.* Социальный аспект владения языком. Социальные ограничения в семантике и в употреблении языковых единиц // *Его же.* Русское слово, свое и чужое. М., 2004. С. 411—436; *Его же.* Социальные ограничения в семантике и в употреблении языковых единиц // Там же. С. 437—467.

средств. С другой стороны, важно в сходных по языковому выражению высказываниях видеть различие, скажем, различать значения многозначных слов и омонимов — одинаковых, но не родственных слов с разными значениями. На омонимии, в частности, построен каламбур В. С. Черномырдина *А и Б сидели на трубе, а теперь на никеле*. Под *А* и *Б* имелись в виду Р. А. Абрамович и Б. А. Березовский, под трубой — нефтедобыча, а под никелем — его добыча и переработка.

Способность интерпретировать высказывание — сложнейший мыслительный процесс, не ограничивающийся навыком различать синонимы и омонимы. Помимо вышеназванных чисто языковых умений результаты интерпретации зависят и от социальных факторов: возраста, образования, профессии, жизненного опыта интерпретатора, а также от ситуации речи.

Дело в том, что в любом слове есть компоненты значения, не названные в определении, но предполагаемые как истинные и влияющие на его понимание. Например, в России термин семейного права **супруг** предполагает, что супругов только двое и что это мужчина или женщина, состоящая в законном браке. В некоторых странах Европы второй из названных компонентов значения в этих терминах перестал подразумеваться, после того как там были законодательно разрешены однополые браки. В 2010 г. Совет Европы внес предложение — упразднить в законодательстве понятия **мать** и **отец**, заменив их термином **родитель**, **один из родителей**. В мусульманских странах, где разрешено многоженство, понятие **супруг** соответственно не предполагает, что лиц, состоящих в браке, только двое.

Еще более сложная картина предполагаемых компонентов значения создается в высказывании и тексте, поскольку они подразумевают не только то, что заложено в словах, но и то, что возникает на уровне выше слова. К примеру, простая фраза *Завтра Новый год* в России обозначает, что сегодня 31 декабря. Этот компонент значения предполагается языковой семантикой фразы и будет интерпретирован всеми. Однако каждый человек присовокупит к смыслу высказывания те выводы, которые следуют из его социального опыта: для ребенка — это подарки под елкой, для хозяйки — хлопоты на кухне, для пожарника — увеличение количества возгораний от елок и пиротехники, а для медиков — рост травм от петард и хлопушек. Каждый из фразы делает свои выводы

по модели *Раз X — значит, У.* Это ситуативная и социальная часть информации. Причем высказывание *Завтра Новый год* предполагает все названные следствия и много других, но каждый из нас, во-первых, может знать далеко не все, а во-вторых, осознает только важные для себя.

3. **Умение отличать правильные высказывания от неправильных.** Этот навык предполагает знание системы литературного языка: произношения, словообразования и грамматики — для того, чтобы не говорить неправильно (*дОбыча нефтИ; Кто хочет походить по витринам, пусть идет на рынок; Я ему говорю: «Не ложь сюда!» А он ложит и ложит* — к/ф «Доживем до понедельника»). Редакторы, наверняка, добавили бы сюда знание основ формальной логики, в частности для того, чтобы в одном из двух соседних предложений из пресс-релиза *Сложная ситуация сложилась с заболеваемостью бешенством среди домашнего скота. Особую опасность представляют волки и лисы* упомянутые лесные звери не попадали в категорию сельскохозяйственных животных.

Кроме того, отличить правильное от неправильного — значит ориентироваться в стилистических особенностях произношения, словоупотребления и построения предложений. Правильный в языковом отношении вариант может быть неуместен в данном конкретном случае. Так, фраза *Мы не достигли консенсуса по вопросу размещения ПРО в Европе* вполне нормальна в деловом стиле, но высказывание *Мы не достигли консенсуса по вопросу мытья посуды* вместо *Мы не договорились, кому мыть посуду* выдает человека, не владеющего стилистической нормой.

У каждого из нас способность перефразировать, интерпретировать высказывание и оценивать его правильность развита в разной степени и зависит от социальных и коммуникативных условий, возможностей и интересов, общественных и языковых идеалов, образования, поэтому принято выделять несколько уровней владения языком, или **типов речевой культуры**, по концепции О. Б. Сиротининой[1], в соответствии с которой выделяется четыре таких типа.

---

[1] *Гольдин В. Е., Сиротинина О. Б.* Речевая культура // Русский язык : энциклопедия / гл. ред. Ю. Н. Караулов. М., 2000. С. 413—415; *Кормилицына М. А.* О релевантных различиях в речи носителей разных типов речевых культур // Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты. Волгоград ; Саратов, 1998. С. 28—35.

1. **Элитарная речевая культура** характеризует носителя, свободно владеющего всеми названными выше навыками, ориентированного в речи на литературную норму, говорящего не только правильно, но и уместно, т.е. учитывающего ситуацию речевого общения, функциональный стиль речи, в рамках которого последняя имеет место, и уважительно относящегося к собеседнику. В речи это реализуется в следующих особенностях:

— отсутствие грубых и бранных выражений, которые при необходимости жесткой оценки заменяются на литературные эвфемизмы — слова-прикрытия (*Этот **Василий Алибабаевич**, этот **нехороший человек**, мне на ногу батарею уронил* — к/ф «Джентльмены удачи»);

— разграничение устной и письменной форм речи, что реализуется в устном варианте общения посредством выбора литературно-разговорной лексики и синтаксических конструкций, в частности исключения объемных предложений, осложненных длинными рядами однородных членов, причастными и деепричастными оборотами, которые трудны для устного восприятия; в письменном же варианте, наоборот, говорящий сознательно избегает особенностей устной речи, в частности смысловой неполноты и туманности высказывания, которая легко преодолевается в устном общении путем переспроса, а в письменной создает непреодолимые смысловые препятствия адекватному пониманию сообщения;

— адекватный выбор этикетных формул обращения (ты/Вы), приветствия, прощания, именования собеседника в зависимости от ситуации общения, которая может быть официальной/неофициальной; личной/публичной; на равных/не на равных и т.п.

2. **Среднелитературная речевая культура** характеризует носителя, который в целом ориентирован на литературную норму, но не всегда соблюдает ее и владеет не всеми литературными стилями. Как правило, он знает разговорный или научный, деловой или публицистический стиль в зависимости от рода занятий. В речи такой носитель может допускать нелитературные ударения (*квАртал, средствА*), злоупотреблять книжной заимствованной лексикой или, наоборот, употреблять неуместные просторечные и жаргонные выражения: *А вы не можете определить приоритетные проекты, например строительство здесь газопровода; Только **в носу ковыряете, хотя выковыривать там***

нечего!.. Этот тип речевой культуры преобладает в средствах массовой информации (далее — СМИ), что способствует его распространению как образца для подражания. Причем часто носитель такого типа культуры психологически отвергает литературную норму, осознанно внося в коммуникацию грубость и стилистическую неряшливость и не считая это неуместным.

3. **Литературно-разговорная речевая культура** характеризует носителя, остающегося в пределах разговорной разновидности литературного языка, которой свойственны нормы, во многом отличные от норм письменной речи. Этот тип рассматривается как разновидность элитарного типа в пределах устной речи, например, в жанре доклада, обсуждения, полемики.

4. **Фамильярно-разговорная речевая культура**, основными чертами которой являются огрубленность в словоупотреблении, сниженные этикетные формулы, когда говорящий, например, не различает ты/Вы и называет адресата, особенно нижестоящего, только на ты. Эта культура так же, как и предыдущие, рассматривается во многом как реакция на засилье официоза и ложь советской эпохи, средством выражения которых была элитарная культура. В связи с этим среднелитературную и фамильярно-сниженную речевые культуры носители языка психологически часто противопоставляют и предпочитают элитарной, но это ведет к общему упадку культуры речевого общения, возрастанию разрыва между предписаниями культуры речи и вербальной коммуникацией.

1.2. Язык и речь

Язык в широком смысле — это знаковая система, которая фиксирует представления людей о внеязыковой действительности. Язык возникает из потребностей людей в коммуникации, он исторически изменчив, социально обусловлен и обработан.

Первичная форма, свойственная любому из языков, — устная, в которой роль простейшего смыслоразличительного элемента играет звук, или **фонема**. В каждом языке ограниченное и относительно небольшое количество фонем. Сам звук еще не обозначает никакого смысла, но, соединяясь с другими звуками языка в части слова — **мор-**

фемы, далее в слова, словосочетания, предложения и тексты, приобретает способность обозначать и передавать неограниченное количество смыслов.

Вторичная форма, свойственная только развитым языкам, — письменная. Она возникает на основе устной и в условном графическом изображении передает либо отдельные звуки и их сочетания, либо смыслы. По этому признаку письмо делится на смысловое, т.е. иероглифическое, и звуковое, т.е. буквенное. Второй принцип наиболее простой и рациональный. Русское письмо — звуковое.

Как знаковая система, язык предполагает следующие обязательные свойства:

1. Любая единица языка (и прежде всего слово) триедина. Со стороны внеязыковой действительности есть **явление, названное знаком**. Например, у каждого человека есть передняя часть головы (внеязыковая действительность), названная **лицом** (языковой знак, в данном случае слово, называющий ее). В самом знаке (в слове **лицо**) **есть некая воспринимаемая чувствами форма** — сочетание звуков, которые мы воспринимаем на слух, или изображение, т.е. написание, которое мы видим, а также **смысл** — содержание, которое мы в эту форму вкладываем.

В содержании знака отражены не только объективные свойства обозначаемого предмета, но и взгляд на него со стороны того, кто этот знак создал или употребил. Так, хотя само слово **лицо** в названном прямом значении в словаре и не содержит никаких оценивающих комментариев, но воспринимается нами положительно, что следует из его переносного значения — *лицо кампании, проекта*. Плохое *лицом* мы не назовем. Ту же самую часть головы называют и другие знаки (*циферблат, шайба, морда, рожа* и др.), которые демонстрируют, каким разным может быть отношение к одному и тому же предмету. И это уже не только подразумевается, но и находит отражение в словарном определении и/или стилистических пометах типа *груб.* — грубое, *прост.* — просторечное, *пренебр.* — пренебрежительное и т.д.

И, наконец, смысл знака нередко запечатлевает черты и нравы того социального слоя, который его породил. Например, аморальное, антисоциальное сознание уголовника отразилось в словах *крышевание, наезд, заказать* (кого-то).

2. Условность языка, отсутствие прямой связи между формой и содержанием, т.е. отражаемой действительностью. Язык по-своему рисует действительность в языковой картине мира — зафиксированных в нем представлениях о действительности, сформированных мышлением, бытом, нравами, менталитетом и культурными традициями народа-языкотворца. Языковые картины мира, созданные разными языками, существенно различаются. Например, для нас хороший спелый лимон желтого цвета, а для китайцев, корейцев, японцев — зеленого, а желтый лимон — уже перезрелый и бракованный. Для нас *слон* — это посетитель посудной лавки (*как слон в посудной лавке*), а для индийцев — верх аккуратности и изящества, с которым можно и красивую девушку сравнить.

Более того, даже в рамках одного языка картины мира, которые создают разные возрастные, социальные, профессиональные группы, могут сильно различаться. Неодинаковые изображения одного и того же получатся и у тех, кто преследует разные цели в общении. Иными словами, условность как неотъемлемое свойство знака создает возможность того, что языковое изображение может быть очень слабо связанным с оригиналом.

3. Язык — система конвенциональная, основанная на том, что все ее единицы употребляются в одном и том же общепринятом, условном смысле и по общим правилам. Это свойство обеспечивает возможность использования языка в любой его функции. Надо только знать эти смыслы и правила.

4. Системность, т.е. связь всех элементов языка, в основе которой уровневая, иерархическая организация языка, когда единицы всех уровней самостоятельны, но взаимосвязаны и обеспечивают друг друга.

Начальный уровень языка — фонетический. В нем зафиксированы звуки языка и законы их взаимодействия при образовании единиц более высоких уровней. Фонетика изменяется медленно. Гораздо быстрее меняются наши представления о правильном произношении слов, анализом которых занимается специальная наука — орфоэпия — и которые зафиксированы в словарях литературного произношения и ударения.

Далее идет уровень лексики и фразеологии, на котором язык в виде слов и устойчивых выражений называет явления действительности. Уровень этот наиболее подвижен,

гибок и чутко реагирует на внеязыковую действительность и наше отношение к ней появлением новых слов и значений, изменением их стилистической окраски, устареванием и уходом из языка или возвращением когда-то забытого. Так, с изменением политического строя в России 1990-х гг. вернулись к жизни названия органов государственного управления *дума, управа*, из разряда экзотизмов — названий предметов и явлений, не существующих в России, — в разряд общеупотребительной лексики вошли слова *мэрия* и *мэр*. У прилагательного *мэрский* образовалось новое значение: надбавка к должностному окладу, назначаемая мэром города, получила название *мэрские*.

Уровень грамматики включает три основных раздела: **словообразование** — способы и законы появления новых слов из уже существующих; **морфология** — совокупность частей речи и их грамматических форм; **синтаксис** — модели словосочетаний и предложений, которые мы используем в речи, когда формулируем мысль и текст. Словообразование и грамматика — крайне медленно изменяющиеся уровни, количество единиц которых относительно невелико. Однако на основе этих единиц возможно создание неограниченного числа слов и высказываний. Например, образование нового слова из существующего с помощью приставки и суффикса — один из возможных способов пополнения лексического состава языка. Данный способ существует только как некая абстракция, но с его помощью из *штанов* появляются *ПОДштанНИКи*, из *времени* — *СОвременНый* и множество других слов, имеющих, как и положено знаку, форму и содержание.

В синтаксисе описано около 30 образцов простого предложения. Один из частотных, когда подлежащее и сказуемое выражены именительным падежом имени существительного и связкой между ними. Ему соответствует неограниченное количество реальных мыслей: *Спасение утопающих — дело рук самих утопающих; Лучшая пара — это два сапога* и т.п.

Уровень стилистики (см. гл. 2) группирует средства языка всех уровней по сферам употребления. Этот уровень языковой организации теснее всего связан с коммуникацией — процессом речевого общения, поскольку и оно само всегда происходит в условиях одного из стилей: делового, научного, публицистического, стиля художественной литературы или разговорного. В свою очередь, группировка

средств языка (лексики, способов словообразования, грамматических и синтаксических конструкций) внутри стиля происходит по принципу наибольшей целесообразности и соответствия характеру и целям общения. Так, для делового общения необходимы предельная смысловая определенность, однозначность, сжатость изложения, отсутствие эмоциональной оценки. Эти свойства реализуются с помощью отбора специфической деловой лексики и терминологии, помеченной в словарях как деловая (*делов.*), предпочтения родовых наименований видовым (*осветительный прибор* вместо *лампочки Ильича*, *головной убор* вместо *кепки*), клише делового стиля (*согласно принятому решению*), распространению отглагольных существительных (*покус* — собака укусила) и инфинитива глагола (*создать, обеспечить*), расчлененных наименований (*оказать помощь*). Синтаксис деловой речи рассчитан на письменную форму, усложнен и обеспечивает сжатость изложения.

Каждому стилю свойственны и свои специфические жанры. Так, **служебное письмо**, **инструкция**, **приказ**, **автобиография**, **аналитическая записка**, **заявление** — жанры делового стиля; **репортаж**, **аналитическая статья**, **информационная заметка**, **эссе** — публицистического; **поэма**, **сонет**, **роман**, **рассказ** — литературно-художественного.

Стилистическая дифференциация средств языка во многом обеспечена за счет тематически прикрепленных средств языка. Для делового стиля это будет производственная, законодательная терминология или терминология делопроизводства (*бывший член семьи, нуждающийся в жилье, аварийное жилье, жилое/нежилое помещение*), а также профессиональный жаргон (*цена вопроса, распил, откат, копытные* — деньги, которые потенциальный клиент платит чиновнику, чтобы тот получил информацию о принципиальной возможности интересующей клиента операции).

Следующий системный источник стилистического распределения ресурсов — синонимия, т.е. наличие нескольких разных языковых знаков с одинаковым значением. (Сравнивая пары *помочь — оказать помощь; постараться избежать ссоры — во избежание конфликта*, мы без труда можем сказать, что каждый второй из синонимов относится к деловому стилю.)

Такое явление системной организации языка, как многозначность, т.е. наличие нескольких разных значений у одного знака, также обеспечивает стилистическую диф-

ференциацию средств языка на всех его уровнях. Нагляднее всего это прослеживается на уровне лексики. Например, у слова *акт* зафиксированы значения: единичное действие, поступок (*акт агрессии*); театральное действие (*первый акт марлезонского балета*); закон (*законодательный акт*); документ (*акт передачи собственности*). Последние два тематически прикреплены к законодательной сфере и соответственно языку. В грамматике существует значение настоящего времени, но в публицистическом или литературно-художественном стиле оно будет иметь значение действия, совпадающего с моментом говорения (*Идет бычок, качается, вздыхает на ходу...* (А. Барто)), в научном — постоянного, вневременного действия, не связанного с моментом говорения (*Земля вращается вокруг Солнца*), а в деловом — предписания (*Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность*).

Системность внутри языковых уровней обеспечивается за счет связанности знаков и их группировки на основе какого-либо общего значения. Такой тип смысловых отношений получил название **парадигматическая связь**. Например, в лексике основные парадигматические связи — это родо-видовые связи (*кепка, панамка, ушанка, бейсболка* — это все *головные уборы*), многозначность, синонимия, антонимия; в грамматике — это, например, лица и числа местоимений (*я, мы, ты, вы, он, она, оно, они*), времена глаголов (*Я **был, есть и буду** здесь на 16 квадратных аршин* (М. Булгаков)).

На каждом уровне системы языка выделяются свои основные единицы. На уровне фонетики это звук, из звуков складываются слоги, из слогов — слова. На уровне лексики и фразеологии это слово или фразеологизм с точки зрения его значения. На уровне морфемики и словообразования это морфемы — части слов: корни, приставки, суффиксы, окончания, соединительные гласные. Для морфологии это слова с точки зрения их принадлежности к части речи (глаголу, существительному, прилагательному и др.). Основные единицы синтаксиса — словосочетание, простое и сложное предложение.

С системностью языка связаны его широчайшие потенциальные возможности в словообразовании, грамматике и стилистике, которые полностью не реализуются, но создают основу для вхождения в язык наиболее целесообразных из системно возможных единиц. Понаблюдайте,

как по образцу существующих слов образованы другие (справа).

Алкоголик *— трудоголик, шопоголик.*
Англоман *— наркоман, игроман, шопоман.*
Пароход *— луноход, марсоход, венероход.*
Госиздат *— самиздат, тамиздат.*
Марксизм *— сталинизм, ельцинизм.*

5. Язык существует только как система потенциальных возможностей. Именно как система язык оказывается зафиксированным в словарях, учебных и академических грамматиках, языковых справочниках. Систему языка можно реконструировать по текстам, написанным на нем.

Язык отвлечен от реального речевого общения, говорящего человека, времени и пространства, но возможности, которые он предоставляет, по сути, безграничны: он обеспечивает процесс мышления, коммуникации, обмена информацией, накопления и передачи знаний и богатств культуры от поколения к поколению.

Возможности системы языка реализуются в **речи** — процессе непосредственного говорения, протекающем в определенном месте и в определенное время в устной или письменной форме. Речь как реализация системных возможностей языка принципиально от него отличается. И основные ее свойства состоят в следующем.

В отличие от языка, **речь развертывается всегда линейно, последовательно, в цепочке взаимосвязанных предложений, имеет начало и конец, но при этом преследует цель передать содержание, которое по структуре не линейно, а**, за исключением самых простых сообщений типа *Сосед купил новую мебель; Приду сегодня ночью тебя душить; Твоя жаба* **представляет собой иерархию смыслов**. Чем глубже прорабатывается ее тема, тем больше может быть ее аспектов и тем сложнее смысловая иерархия, когда выделяется главная мысль и мысли, раскрывающие ее с разных сторон, дополняющие, комментирующие. То, как речь будет понята, зависит от искусства ее построения.

В речи появляются основные действующие лица — **говорящий/пишущий**, а если дело не ограничивается монологом с самим собою, то и **слушающий/читающий**. Каждый из них имеет свои коммуникативные цели и в зависимости от образования, возраста, интересов социального опыта обладает разными знаниями, речевыми навыками (см. 1.5), в разной степени владеет языком, в том числе культурой

речи (см. 1.1). Для того чтобы говорящий достиг цели, он должен знать, с кем говорить, о чем и как. Основные особенности речи связаны именно с тем, как проявляет себя человек в процессе общения. Иными словами, речь всегда ориентирована на адресата, т.е. **диалогична**.

Речь всегда конкретна, не потенциальна, а **реальна**. Речь — это воплощенные возможности языка, и то, какие из них и как будут использованы, **зависит прежде всего от общества**, его умонастроения, менталитета и целей, господствующей идеологии. Каково общество — такова и его речь. Так, в 1990-е гг. публичную коммуникацию оккупировали заимствования из американского варианта английского языка, часто продиктованные не столько необходимостью, сколько модой, а наряду с ними хлынул уголовный и наркоманский жаргон, инвективы (проще говоря, ругательства), имена собственные нередко заменялись прозвищами, стала обычной недопустимая грубость и агрессивность в публичном речевом поведении говорящих. Все это было названо очередной волной варваризации речи. Однако речь всегда развивается в направлении, указанном обществом, поскольку отражает его чаяния и настроения, и это доказывает тот факт, что нечто подобное во времена общественных потрясений происходило и раньше. Например, И. А. Бунин в своем дневнике «Окаянные дни» назвал язык революции смесью высокой патетики с площадной бранью.

Речь вариативна и отражает речевые навыки социальной группы. Как иллюстрация этого качества особенно интересны случаи, когда данные особенности по-разному оцениваются социальной группой и обществом в целом. Так, деловая речь предпочитает родовые, обобщенные наименования. Соответственно, обобщенные наименования регулярно появляются в ней, когда возникают новые институты экономики, гражданского общества и государственной власти, реализуются государственные программы. В истории это всем знакомый *план ГОЭЛРО*, *совнарком, колхоз, совхоз*; в современности — многочисленные *ООО, ОАО, ИП* и пр.

Однако подобное словотворчество (подчеркнем, вполне оправданное целеустановками делового стиля, нацеленного на обобщенность, унифицированность, лаконичность и при этом адекватное отражение в слове новых реалий) часто противоречит общепринятым представлениям о культуре

речи, ее эстетическом идеале. И в этом последние 100 лет не меняется ничего. Например, в 1920-е гг. усилиями революционных чиновников наименование *учитель* (кстати, уважаемый человек) было заменено аббревиатурой *шкраб — школьный работник*, на что ученики школ ответили словом *шкрабиловка* — учительская.

В наше время эстетическое чувство не помешало нашим чиновникам запустить в оборот аббревиатуру *МУДО* (в переводе с русского на русский — *муниципальное учреждение дополнительного образования*) и попытаться ввести в обиход словечко *ГАМНО* (предполагалось так назвать *государственную автономную муниципальную некоммерческую организацию*, например общеобразовательную школу). Но, как говорят, общественность вовремя возмутилась[1].

Подобное словотворчество — любимый предмет насмешек. В. Маяковский в пьесе «Баня» придумал слово *главначпупс — главный начальник по устроению согласований*, народ сочинил любимое до сих пор словечко *замкомпоморде — заместитель командира по морским делам* (и до сих пор ходят легенды о существовании в номенклатуре начала XX в. этой должности). А в наше время вслед за *МУДО* появился *недобраз — педагог дополнительного образования*, т.е. преподаватель музыки или изобразительного искусства, который в этом *МУДО* (по-старому — музыкальной или художественной школе) будет работать. Существует предположение, что уродливое словечко *недобраз* — это пародийный ответ законопослушного населения на такую же безобразную, да еще и не совсем приличную чиновничью аббревиатуру *МУДО*. В общем, народ смеется, а чиновники продолжают творить.

Наконец, **речь отражает индивидуальные особенности говорящего**, его уровень образования и культуры, в том числе и речевой. В частности, на этом ее свойстве основаны многочисленные экспертизы авторства текста, лингвистической идентификации личности. Лучшие примеры индивидуальной речи становятся образцом для подражания, служат этическим и эстетическим эталоном и входят в историю стилистики и культуры речи.

Индивидуальные особенности речи могут реализовать системные возможности языка, но не всегда напрямую

[1] В картотеке автора есть и более «сильные» примеры, которые не приведены из этических соображений.

с ними связаны. Таковы громкость, артикуляционная четкость, темп, наличие или отсутствие акцента, степень синтаксической связности и смысловой целостности. Первые три параметра проиллюстрировать в письменном источнике невозможно, но примеры мало связной синтаксически и/или бессмысленной речи наши чиновники дают нам ежедневно, выступая в СМИ. Например:

Ведущий: *Это получается, что несправедливая система* (оценок ЕГЭ. — *Т. С.*).

Чиновник: *Какая же несправедливая, просто у вас задачки в учебнике тоже разные. Вам одну задачку решить раз плюнуть, а другую задачку олимпиадного уровня вы будете столько свою голову грести, что ее исполнение стоит дорогого, и вот в этих 100 баллах тоже все и расположено. Не могут все вопросы иметь одно и то же значение*[1].

Речь может быть **спонтанной, неподготовленной** и **продуманной, подготовленной**. Спонтанная речь в деловой сфере естественна в ситуации повседневного устного общения с коллегами. Она менее структурирована по смыслу (с точки зрения отбора фактов и их логической организации), она менее организованна с точки зрения выбора слов и синтаксических конструкций. Так, для нее естественны лексические повторы, которые обеспечивают тематическое единство, возможны оборванные и слабо синтаксически связанные предложения. В значительной мере она сегментирована, т.е. одна мысль разбита на несколько фрагментов (*Будьте добры! Папка, черная, с приказами. Э-э-э. На столе лежала. Принесите*). Все эти особенности свойственны устной неподготовленной речи в целом. То, что может показаться слушающему непонятным, уточняется контекстом: мимикой, жестами говорящего, обстановкой общения и, если этого оказывается недостаточно, может быть разъяснено за счет переспросов.

Если речь письменная, даже межличностное общение предполагает ее предварительное продумывание и соответствие литературной норме. Более того, письменная речь оформляется в текст, соответствующий какому-либо жанру, например, деловой словесности, потому что это не просто текст, а **докладная записка**, **заявление**, **информацион-**

[1] Процитирован очень высокопоставленный чиновник сферы образования.

ное письмо или иной **документ**, написанный не человеку, а должностному лицу и с определенной целью. Это **реферат, курсовая, доклад, статья** — в научной речи и **заметка, репортаж, интервью** — в речи СМИ. И каждый функциональный стиль в своих жанрах выработал наиболее целесообразные по структуре и содержанию формы такого общения.

Если речь публичная, то независимо от устной или письменной формы она также должна быть продумана, подготовлена. Это касается сбора и анализа фактического материала для выступления (значительный по времени этап подготовки) и его речевого оформления, которое должно учитывать, что, для какой аудитории, с какой целью и где сообщается. Причем подготовка устного и письменного сообщения различается кардинально, и хотя устное сообщение должно производить впечатление естественности и некоторой спонтанности, произноситься, а не читаться, оно не может быть экспромтом. Не зря же говорится, что лучший экспромт — заранее подготовленный.

Речь способна влиять на структуру языка и обусловливает его эволюцию. Однако происходит это длительно и поэтому для нас малозаметно. В норме все мы стремимся говорить и писать правильно, но на речевую практику людей, на их представление о том, что в ней верно или неверно, влияет масса причин, которые могут быть собственно языковыми — связанными с действием, скажем, разнонаправленных структурных и смысловых закономерностей. Так появляются варианты произношения типа *слИвовый* (по аналогии с *Яблочный*) или *сливОвый* (по аналогии с *вишнЕвый*), варианты склонения типа *тысячей/тысячью*; словосочетаний типа *контроль за исполнением/контроль над исполнением/контроль исполнения*; *идти лесом/идти по лесу*, *инструктор фитнеса/инструктор по фитнесу* и множество других.

Однако и нелингвистические причины — социальные условия, общественные умонастроения, мировоззрение, языковая мода, соображения социальной престижности определенного словоупотребления и другие — оказывают не меньшее влияние первоначально на речь, а потом через ее посредство и на язык. Нагляднее всего это можно проследить на лексическом уровне.

Словарный состав речи меняется. И эти изменения особенно активны во времена общественных потрясений.

В коммуникацию приходит масса новых слов. Огромное их количество — это слова-однодневки, которые придут, уйдут и никакого следа в словаре литературного языка не оставят. Хочется надеяться, что исчезнут, например, упомянутые выше аббревиатуры типа *ВВОВ, УВОВ, МУДО, педобраз*, как когда-то *шкраб* вместе с *шкрабиловкой*.

Кроме того, слова развивают новые значения, меняют прежние. Определите, к примеру, не глядя в словарь, что значит слово *водомет* в предложении *Везде дворцы, театры, водометы*. В современном языке это устройство, приводимое в движение сильной струей воды (*дождевальный водомет*), а Е. Баратынский, строка из стихотворения которого процитирована, имел в виду фонтаны. Уже в Толковом словаре под редакцией Д. Н. Ушакова, изданном в конце 1930-х гг., значение *фонтан* было отмечено как устаревшее. Более свежий пример: слово *элита*, которое в последние 20 лет по отношению к сильным мира сего меняет значение с *лучший представитель* на противоположное.

На основе новых значений слова начинают по-новому сочетаться с другими в составе предложения. Так, по отношению к представителям науки или классической культуры сочетание *хоть какая-то элита* невозможно, а по отношению к политической элите читаем: *Пройдут годы, и у нас образуется хоть какая-то элита, чьи дети будут лучше отцов. Ведь Алиев-сын не загубил Азербайджан*[1].

Речь может включать не предусмотренные системой языка элементы, которых очень много в устной обиходно-разговорной речи, в художественном и публицистическом творчестве: *А экспертизу приезжего снега, перед тем как сваливать его на поля, кто-нибудь проводил?* (под приезжим имеется в виду сильно загрязненный снег, вывезенный с территории одного из московских аэропортов). Огромное количество таких элементов и в устной обиходно-бытовой речи, в которой, например, регулярно появляются забавные, остроумные словечки (*брехлама, кое-какер*).

В деловой и научной речи, ввиду их клишированности, стереотипности, такие примеры найти сложно, хотя и можно, прежде всего в сфере непринужденного межличностного общения. В частности, на двери кабинета травматологов в одной из московских клиник висело такое объявление: *Уважаемые пациенты! Цветы и конфеты врачи не пьют.*

[1] Аргументы и факты. 2010. 5 мая.

Если не говорить об ошибках (*Одна фанатичка сумела обнесчастливить семью*), подобные элементы, нарушающие системные закономерности языка, либо служат средством выразительности и экспрессии речи и придают ей индивидуальность, либо отражают некоторые черты мышления общества (например, пренебрежение к человеку, выраженное в аббревиатурах *ВВОВ, УВОВ, бомж*).

Существуют две основные формы речи: **диалог (полилог)** и **монолог**. Суть **диалога** в регулярном обмене репликами между говорящим и слушающим и перемене ролей. Основная единица диалога — диалогическое единство, т.е. объединение нескольких реплик, которыми обмениваются говорящие. Реплики в диалогическом единстве объединены общей темой и могут представлять из себя вопрос-ответ: *Куда летишь? — В «Арбат-престиж».* Ответная реплика может быть реакцией не только на вопрос, но и на контекст, обстановку речи:

— Вы написали заявку на канцелярские принадлежности?
— А когда предыдущую удовлетворите?

Возможна реакция, обусловленная стереотипами культуры, типичными сюжетами и ситуациями (см. реплику, выделенную полужирным):

— Алло, милиция? Милиция? Это говорит сегодняшний обокраденный Шпак. А я не по поводу кражи. У нас здесь дело почище: инженер Тимофеев в свою квартиру живого царя вызвал.
*— **Закусывать надо.***
— Я непьющий. С кинжалом! Холодное оружие. Даю честное благородное слово. Жду! (к/ф «Иван Васильевич меняет профессию»).

В других случаях диалоговое единство образует обмен мнениями, высказываниями, каждое из которых зависит от предыдущего:

— А вакцу купил?
— Купил.
— Где купил? В той лавочке, про которую я тебе говорил, что на Вознесенском проспекте?
— Да-с, в той самой... (Н. В. Гоголь).

И так до момента исчерпания темы. После чего говорящие могут начать новый диалог на другую тему.

Важнейшее качество любой реплики диалога — смысловая опора на предыдущую, учет реакции собеседников на сказанное. Таким образом, ответственность за успешное протекание диалога распределяется равномерно между говорящим и слушающим.

Структура диалога зависит от социальных отношений говорящих. Их три типа: диалог-сотрудничество, диалог-равенство и диалог-зависимость.

В соответствии с задачами и ситуацией общения выделяются следующие виды диалога: бытовой, деловая беседа и интервью.

Полилог, как и диалог, представляет собой обмен репликами по теме, но предусматривает не двоих, а более участников. Яркие примеры полилогов дают нам обсуждения актуальных общественных, экономических и культурных проблем на телевидении (например, передача В. Третьякова «Что делать?»). В деловой сфере пример полилога — совещание. В полилоге особая организующая и объединяющая роль принадлежит ведущему, который направляет беседу в нужное тематическое русло, определяет очередность говорящих и следит за соблюдением этикетных и этических норм общения.

Монолог — развернутое высказывание одного лица по поводу одной или ряда тем. В отличие от диалога, он не рассчитан на сиюминутную реакцию слушающего и протекает без смысловой и эмоциональной опоры на реакцию последнего, а следовательно, не может быть скорректирован исходя из нее. Таким образом, вся ответственность за успешность монолога лежит только на говорящем. Однако любой монолог (кроме внутреннего, с самим собой) все равно ориентирован на слушающего и предполагает необходимость управления его вниманием. Держать аудиторию в тонусе — одна из основных задач говорящего. Не слушающая (не читающая) выступление аудитория гарантирует оратору коммуникативную неудачу.

Спонтанным, неподготовленным может быть бытовой монолог, но в других случаях он должен быть подготовлен и выстроен с учетом всех требований, которые предъявляются к целостному речевому произведению — тексту. В связи с этим особую роль приобретает подготовка выступления, которая включает докоммуникативный этап — сбор и анализ фактического материала, а затем собственно коммуникативный этап — оформление его в тематически

и синтаксически связное целое, текст, в котором должны быть учтены следующие параметры:

1) закономерности логической организации смысла: последовательность, непротиворечивость изложения, обоснованность, тематическая определенность;

2) закономерности структурной организации текста: начало (постановка проблемы), обозначение темы в целом, основная часть (последовательное раскрытие темы, при котором каждый ее смысловой аспект закономерно вытекает из предыдущего), концовка (общий итог, выводы);

3) аудитория; в частности, любой монолог рассчитан на активное восприятие, поэтому в него разумно включать приемы активизации внимания аудитории — риторические вопросы или вопросно-ответная форма изложения, вовремя сказанная шутка, абзацное членение в письменной форме или интонация при произнесении; риторика знает массу таких приемов, которые называют приемами выдвижения смысла;

4) форма воспроизведения — устная или письменная; устная речь будет синтаксически проще, ближе к разговорной, в ней допускается большее количество лексических повторов, которые обеспечивают единство темы; она может быть записана тезисно или полностью, но ее нужно не читать, а произносить, улавливая реакцию аудитории и не теряя с ней контакта; это требует мастерства.

Основное назначение речи — передавать информацию (т.е. сведения о действительности), количество которой бывает разным, поэтому о речи говорят: *насыщенная, интересная, новая* или *пустая, бессодержательная, вода, переливание из пустого в порожнее* и т.д. Способность передавать информацию реализуется в таком качестве, как **информативность** — количество содержащейся в речи и тексте информации. Информативность, в свою очередь, зависит, с одной стороны, от соотношения смысла и количества слов, в котором он выражен; а с другой — от соотношения новых, неизвестных аудитории сведений и того, что ей было известно до знакомства с текстом, сообщением или высказыванием.

Соотношение смысла и количества слов, выражающих этот смысл, возникает как следствие того, что у любого языкового знака — слова, предложения, текста — есть две стороны: так называемый план содержания, т.е. смысл, и план выражения — взаимосвязанные слова и предложе-

ния, в которых этот смысл выражен. В связи с этим всегда есть возможность перефразирования сообщения и соответственно увеличения или уменьшения информативности за счет увеличения или уменьшения количества слов. К примеру, из двух идентичных по смыслу выражений: *Вот дом, который построил Джек* и *Вот дом, построенный Джеком*, — второе более информативно, поскольку в нем меньше слов.

Кроме того, под информативностью речи понимают количество новой для аудитории информации, и в этом случае чем больше неизвестных ранее сведений в сообщении, тем информативнее речь.

Поскольку личность говорящего обязательно проявляется в речи, последняя приобретает определенную **модальность**, в которой выражено отношение автора к тому, что он говорит. Модальность — свойство любого высказывания и текста, и проявления ее многообразны[1]. Проявления модальности могут ограничиваться только обязательными значениями, которые есть в любом высказывании и указывают на отношение высказывания к реальности (*Президент Египта Х. Мубарак подал в отставку*), а могут выражать самые разные оттенки отношения говорящего к тому, что и кому он говорит.

Президент РФ Д. Медведев скандал в Верховной Раде Украины (с депутатским рукоприкладством и обстрелом яйцами «воюющих» сторон) при принятии решений о продлении срока пребывания Черноморского флота в Севастополе прокомментировал так: *Наши украинские товарищи сделали это с присущим им «изяществом». Сначала Верховная Рада собралась, и там был небольшой концерт на эту тему с применением спецсредств, но в конечном счете решение было принято*. При внешней сдержанности текст пропитан иронией. Это и есть его модальное значение.

Наконец, в речи говорящий реализует свои цели, реализации которых служит элементарная единица речи — **речевой акт**: *Спой, светик, не стыдись! Что ежели, сестрица, при красоте такой и петь ты мастерица, ведь ты б у нас была жар-птица* (И. А. Крылов); *Борис, ты не прав; Вчера прошли выборы президента Украины. Избран В. Янукович* и т.д. Речевые акты реализуются в одном или нескольких

[1] См.: *Солганик Г. Я.* Очерки модального синтаксиса. М., 2009.

предложениях и классифицируются по цели и способу их выражения.

По цели выделяются следующие типы речевых актов:

— информативные: *Президент вновь заявил, что не собирается в отставку*;

— побуждения, в том числе и запрос информации: *Приказываю: послать войско выбить крымского хана с Изюмского шляха* (к/ф «Иван Васильевич меняет профессию»); *Когда масленица?*;

— обязательства; скажем, речь президента на инаугурации или клятва Гиппократа;

— формулы социального этикета: поздравления, соболезнования, извинения, благодарность и пр.;

— эмоциональные реакции на ситуацию: *Вот это да!; Ну и ну!*;

— речевые акты, направленные на то, чтобы завязать, продолжить или прекратить разговор: *Будьте добры; Всего доброго.*

По способу формулировки мысли речевые акты подразделяются:

а) на прямые, когда мысль формулируется непосредственно (см. реплики, выделенные полужирным):

— *Вам понравилась эта книга?*

— ***Нет, ни новых идей, ни новых фактов; Передайте, пожалуйста, документы Панкратову;***

б) косвенные, когда основная мысль только подразумевается:

— *Вам понравилась эта книга?*

— ***Она издана на хорошей бумаге; Не могли бы вы передать документы Панкратову?***

Язык и речь выполняют многообразные и очень важные функции, которые связаны, во-первых, с мышлением и интеллектуальной деятельностью; во-вторых, с общением, коммуникаций, реализуемой посредством языка; в-третьих, с хранением и накоплением знаний, культурных достижений и передачей их от поколения к поколению.

Язык — важнейший инструмент мышления. Мышление неразрывно связано с языком и осуществляется через его посредство, хотя существуют и другие формы мышления (музыкальное и художественное творчество, математические формулы и т.п.).

Если язык — инструмент мышления, то речь — основная форма его выражения. Эта связь отражена в общеизвестном

высказывании: «Кто ясно мыслит — тот ясно излагает», но она не настолько прямолинейна. Безусловно, ясное мышление — необходимое условие ясности высказывания, но не достаточное. Кто ясно мыслит, увы, совсем не обязательно ясно излагает.

Перед тем как мысль станет высказыванием, она проходит достаточно сложный путь перевода в речь (эти очень сложные процессы исследуют нейрофизиология, нейролингвистика, психолингвистика, когнитивные науки).

С точки зрения культуры речи надо всегда помнить, с одной стороны, о неразрывной связи мысли и высказывания, а с другой — о возможном несовпадении мысли с тем, как она выражена, потому что, образно говоря, по пути мысли в высказывание возможны отклонения от правильного курса (о случаях, когда человек сам не понимает содержание своей речи или намеренно затуманивает смысл, сейчас не говорим). В результате человек хотел сказать одно, а получилось совсем другое. Например, один политический лидер обещал своему народу: *Белоруссия будет жить плохо, но недолго*. Другой сообщил: *Вы свободны! Свобода прекрасна! Но, знаете, требуется время, чтобы восстановить хаос и порядок — порядок отдельно от хаоса. Но мы это сделаем!* Что могут сказать в ответ законопослушные граждане? Только одно: «Вот спасибо! Об этом мы и мечтать не могли».

Конечно, не всегда мысль по пути в высказывание так явно превращается в свою противоположность, но контроль того, насколько адекватно сформулирована мысль, необходим и самому говорящему/пишущему, и редактору при подготовке текста. Отсутствие явного абсурда только усложняет задачу, поскольку ослабевает контроль. К примеру, прочитайте всего одно предложение: *На концертах певица не признает банальных спортштанов: только платья и юбки или стильные блузки*. Наверняка, вы обратили внимание на *банальные спортштаны* и мысленно сформулировали вопрос к автору: «Где вы видели певицу на сцене в тренировочных брюках с вытянутыми коленками?». Между тем, интереснее не то, что певица не признает, а то, в чем она, по мнению автора, одета. Варианта два: либо *платья и юбки* сразу, одновременно, либо одни *блузки*, без юбок, зато *стильные*. Исправить текст проще простого — сократить пассаж про штаны и переставить местами союзы *и* и *или*: *На концертах певица признает только платья или*

юбки и стильные блузки. Этот пример — демонстрация, во-первых, важности смыслового контроля речи с точки зрения того, что думали и что сказали, а во-вторых, возможностей редактирования текста во время его подготовки. Однако делать последнее надо вовремя, помня, что «язык, — по словам Л. Н. Толстого, — орудие мышления. Обращаться с языком кое-как — значит и мыслить кое-как: неточно, приблизительно, неверно».

Сложнее всего контролировать устные высказывания экспромтом, но тем важнее сознательно вырабатывать навыки такого контроля (в частности, навыки сопоставления связанных по смыслу высказываний, примененные выше), овладевая основами культуры речи.

Вывод из всего сказанного таков: упомянутый выше тезис «Кто ясно мыслит — тот ясно излагает» должен быть уточнен так: «Кто ясно мыслит — тот ясно излагает, но только при условии, что следит за тем, что хочет сказать и что получается в результате».

Как инструмент мышления язык отражает в системе знаков (слов, выражений, их связей) окружающий мир, создает его образ, который называют языковой картиной мира. У каждого языка получается своя картина, обусловленная национальной культурой, традициями, менталитетом нации. «Народ выражает себя всего полнее в языке своем. Народ и язык, один без другого, представлен быть не может», — писал русский филолог и этнограф середины XIX в. И. И. Срезневский. Эту мысль продолжает Н. В. Гоголь: «Сердцеведением и мудрым познанием жизни отзовется слова британца; легким щеголем блеснет и разлетится недолговечное слово француза; затейливо придумает свое, не всякому доступное, умно-худощавое слово немец; но нет слова, которое было бы так замашисто, бойко, так вырвалось бы из-под самого сердца, так бы кипело и животрепетало, как метко сказанное русское слово».

Языковая картина мира создается, прежде всего, благодаря **номинативной функции языка**, представляющей собой именование предметов и явлений внеязыковой действительности, присвоение им статуса единицы языка, знака, в содержании которого отражено представление о самом явлении. Любой словарь служит иллюстрацией того, как язык выполняет эту функцию. Недаром же существует такое образное определение: «Словарь — это вселенная в алфавитном порядке» (Ф. Вольтер).

Важно отметить, что слово или словосочетание как единица, называющая явление действительности и включающая его таким образом в языковую картину мира, появляется только тогда, когда в нем возникает общественно осознанная необходимость. Одним из первых на это обстоятельство обратил внимание языковед и литературовед Л. П. Якубинский, который просто сравнил наименования типа *бык/корова, кот/кошка* и *воробей, лягушка, гадюка*. Вывод из такого сопоставления напрашивался сам собой: разные слова для обозначения пола животных появляются только тогда, когда это существенно для человека, например в сельском хозяйстве, и это общее основание для возникновения языкового знака как отражения внеязыковой действительности в слове.

Являясь основным средством оформления мысли и отражения действительности, язык создает основу для выполнения всех остальных его назначений, в частности обеспечивает коммуникацию, речевое взаимодействие людей, связанное и с общественной, и с профессиональной, и с частной жизнью.

Коммуникативные функции языка и речи коротко определяются триадой «общение, сообщение, воздействие», сформулированной академиком В. В. Виноградовым при выделении функциональных стилей русского языка: научного, делового, публицистического, обиходно-разговорного и стиля художественной литературы.

Если это передача сведений о положении дел, фактах, их интеллектуальная оценка, анализ, выводы, классификация явлений, то речь выполняет **функцию сообщения**. Приводим типичный пример такой речи:

Землетрясение магнитудой 8,9 произошло в Японии 11 марта 2011 г., его эпицентр располагался в 130 км от побережья острова Хонсю. Подземные толчки привели к серьезным разрушениям и вызвали цунами, высота волн доходила до 10 м. Землетрясение уже признано самым разрушительным в современной истории Японии.

МЧС и Росатом продолжают в круглосуточном режиме следить за ситуацией в Японии. В МЧС сформированы два эшелона реагирования. Самолеты со спасателями на борту готовы вылететь, как только будет получен запрос от японских коллег.

Информативная функция в большей или меньшей степени реализуется в любой коммуникативной ситуации

и состоит в передаче самых разных сведений в устной или письменной форме. Очень часто она же оказывается и единственной, например, в информации СМИ, жанрах делового письма, инструкции, автобиографии, резюме.

Не менее важной в коммуникации оказывается **функция общения**, или **фатическая функция**, реализуемая в речи тогда, когда последняя ставит цель установить и поддержать контакт с собеседником, деловым партнером, создать психологически и коммуникативно приемлемые условия общения. Скажем, когда вы на бегу спрашиваете знакомого: *Как дела?,* вы вряд ли ожидаете в ответ от собеседника сагу о проблемах со здоровьем, на работе и в семье. Смысл вашего вопроса на самом деле совсем в другом — в установлении контакта. Вы как бы говорите собеседнику: *Я тебя вижу, уважаю, мне приятно иметь с тобою дело.* Ваш партнер вас именно так и понимает и в свою очередь отвечает, например, *Спасибо, нормально*, что означает *Ты мне тоже нравишься.*

В деловой сфере фатическая речь не менее важна, чем в обиходно-бытовой. Она не только регулирует повседневное общение коллег, но и становится важнейшей частью официальных взаимоотношений государств и социальных институтов. Сложилась система ее жанров на все случаи жизни: приветствие, соболезнование, поздравление и т.д. Вот пример такого текста:

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, 15 марта. Губернатор Ленинградской области Валерий Сердюков направил телеграмму на имя Генерального консула Японии в Санкт-Петербурге Ичиро Кавабата.

«От жителей Ленинградской области и от себя лично выражаю самые глубокие соболезнования народу Японии в связи с трагическим ударом стихии, повлекшим многочисленные человеческие жертвы и масштабные разрушения, — сказал Сердюков. — Прошу передать слова участия и поддержки родным и близким погибших, а также пожелания скорейшего выздоровления всем пострадавшим».

«Уверен, что власти Японии и японский народ непременно одержат победу в борьбе со стихией и преодолеют это жестокое испытание», — считает губернатор Ленобласти.

Напомним, накануне генеральный консул Японии в Санкт-Петербурге Ичиро Кавабата поблагодарил петербуржцев за поддержку, добрые слова и цветы, которыми

петербуржцы выразили свою солидарность с трагедией, постигшей японский народ во время страшного землетрясения 11 марта.

Все минувшие выходные петербуржцы несли цветы и фигурки оригами к стенам дипмиссии, расположенной на Мойке. Таким образом россияне выражали свою солидарность с горем японцев.

Важнейшую роль в реализации фатической функции выполняет **речевой этикет** (см. 1.6) — система устойчивых формул общения и правил речевого поведения (*Здравствуйте; Пожалуйста, займите свои места; Будьте добры* и пр.).

Воздействие на адресата — третья важнейшая коммуникативная функция речи. Она ставит целью изменение сознания адресата прежде всего через эмоционально-волевую сферу. В деловой речи функцию воздействия могут выполнять выговоры, благодарности, награждения, другие виды поощрения или порицания. Воздействующий эффект будут иметь любые эмоционально окрашенные фрагменты речи или аргументы, ориентированные не на разум, а на чувства людей и получившие в риторике название «аргументы к человеку». Типично использование «аргументов к человеку» в рекламе — и потребительской, и политической.

Так, во время предвыборной кампании 2009 г. по выборам президента политтехнологи Ю. Тимошенко, бывшей тогда премьер-министром Украины, всю страну заставили рекламными щитами с текстами, которые в переводе на русский язык выглядят следующим образом: *Они говорят — она работает*, или: *Они вступают в политические блоки — она работает*, или: *Они обещают — она работает* и т.п. И первая, и вторая части этих антитез — типичные аргументы к человеку: ведь отвратительно, когда одни только болтают, и здорово, когда другие не покладая рук работают.

Воздействие на сознание адресата осуществляется и через рационально-логическую сферу путем подбора аргументов к разуму или сочетания и рационального, и эмоционального воздействия, как во фрагменте речи В. В. Путина в Государственной Думе РФ 7 апреля 2009 г.:

Где-то наши дела идут лучше, где-то хуже. Но в целом ситуация в российской экономике не отличается от миро-

вых тенденций... Мы были вынуждены ***парировать сразу два удара***. ***Первый*** *— собственный финансовый кризис, который вызвал отток капитала.* ***И второй удар*** *— это* ***резкое*** *падение спроса и цен на товары нашего экспорта.*

Однако представьте, что могло бы произойти, если бы Россия вошла в кризис такой, какой она была еще несколько лет назад. ***Обремененной*** *огромным внешним долгом,* ***с тромбами неплатежей***, ***массовыми*** *задержками зарплат, пенсий, пособий, с веерным отключением электроэнергии.*

Да и сегодня к качеству наших рыночных и социальных институтов можно и нужно предъявлять претензии. Но что несомненно показал кризис, это то, что они все-таки работают.

Текст выстроен в целом на логической аргументации, основа которой — сопоставление не очень радужного кризисного современного состояния экономики с тем, что могло быть, если бы не были решены существенные проблемы недалекого прошлого. Логическая аргументация, сильная сама по себе, усилена метафорами (выделены полужирным) с сильным эмоциональным воздействием.

Наконец, в связи с тем, что мышление осуществляется преимущественно в языковой форме, язык выступает как основное средство научного и социального познания действительности, исследования, творчества, а также отражения их результатов в форме текстов. Таким образом язык выполняет **познавательную функцию**, которая особенно наглядно проявляется в исторической перспективе. Безусловно, со временем представления о сути вещей люди могут менять. Это касается и науки, и искусства, и социальной сферы, и личной жизни. И это закономерно. К примеру, сначала возникает наивная картина мира, согласно которой, скажем, кит — рыба, а не млекопитающее и Земля держится на трех китах. Потом возникает научная картина мира, которая сначала корректирует наивную, а потом и самое себя, когда опровергает ранее общепринятые теории. Язык все это отражает в словообразовании, значении слов, фразеологии, сочетаемости слов и многом другом.

Например, слово *эфир* в русском языке XIX в. означало не только пространство, воздушную высь, как в знаменитом стихотворении А. С. Пушкина (*Ночной зефир / Струит эфир. / Шумит, бежит Гвадалквивир*), но и осо-

бую среду, с помощью которой распространялось электричество. Это значение слова отражало представления физиков того времени. Однако со временем ученые изменили точку зрения относительно электричества, а слово *эфир* в значении среды для распространения последнего осталось как устаревшее, как памятник ищущей человеческой мысли и неизбежных заблуждений. *Чудо-юдо рыба кит* на проверку оказалась млекопитающим, давно уже никто не верит, что Земля стоит на трех китах, но фразеологический оборот *три кита* в значении «фундамент чего-либо» в языке живет, а *китами науки/экономики/политики* называют людей, на которых держится все дело. И таких примеров — масса.

Язык, таким образом, можно образно назвать памятью цивилизации. Он аккумулирует и сохраняет знания и культурные ценности и служит каналом передачи их от старшего поколения к младшему. М. А. Шолохов выразил это так: «Величайшее богатство народа — его язык! Тысячелетиями накапливаются и вечно живут в слове несметные сокровища человеческой мысли и опыта».

1.3. Литературный и национальный язык

Любой развитый язык, в том числе и русский, выполняет разнообразные функции, используется в самых разных ситуациях, на больших территориях и самыми разными людьми, которых подчас объединяет только одно общее свойство — все они говорят на данном языке, поэтому последний имеет сложную и разветвленную структуру. В связи с этим возникает необходимость ввести ряд понятий (потом они будут активно использоваться в других главах), позволяющих отразить дифференциацию языка и дать представление об особенностях и назначении каждой его разновидности.

Русский язык имеет богатую историю и постоянно развивается. Естественно, что прочитать, скажем, «Слово о полку Игореве» без перевода современному человеку крайне затруднительно, поэтому для начала надо определить, когда появился тот язык, который может для нас служить средством коммуникации, не требуя перевода с русского на русский, т.е., иными словами, ввести хронологические границы **современного русского языка**.

В русистике считается, что современный этап развития русского языка начинается с эпохи А. С. Пушкина — примерно с 1830-х гг. Именно тогда сложилась та литературная разновидность языка, которая до сих пор служит основой развития и словаря, и грамматики, и системы функциональных стилей, и фонетики, и орфоэпии. Именно это обстоятельство служит основанием для отсчета современного этапа развития русского языка.

Огромную роль в создании системы современного литературного языка как совокупности средств выражения и представлений о литературной норме как основе этой системы сыграл А. С. Пушкин, который вошел в историю не только как «солнце русской поэзии» (по выражению В. Ф. Одоевского), но и как великий реформатор — создатель современного русского литературного языка.

Однако с пушкинского времени прошло почти 200 лет, и язык неминуемо претерпел значительные изменения, особенно в XX столетии. В этот период сначала Октябрьская революция, а через 70 лет крушение СССР существенно повлияли на развитие и лексико-фразеологической, и грамматической (хотя и в меньшей степени), и особенно функционально-стилистической системы русского языка. Также произошла трансформация социальных условий его существования. Например, в связи с введением после революции обязательного школьного образования расширился круг носителей литературного языка. В связи с повсеместным распространением СМИ отмирают и остаются только как факт истории языка территориальные диалекты. Происходят и другие изменения.

Хотя пушкинский язык остается для нас и общепонятным, и образцовым, мы сами уже, конечно, не говорим и тем более не пишем по-пушкински. Это отмечал еще в 1930-е гг. советский лингвист Л. В. Щерба: «Было бы смешно думать, что сейчас можно писать в смысле языка вполне по-пушкински»[1]. В связи с этим возникла необходимость выделения периода на современном этапе эволюции языка, который учел бы именно происходящие метаморфозы.

Так возникло представление о собственно современном этапе развития языка, начало которого датируется рубежом XIX—XX вв.

---

[1] *Щерба Л. В.* Избранные работы по русскому языку. М., 1935. С. 135.

Таким образом, этап эволюции современного русского языка начинается с реформы А. С. Пушкина, а внутри этого периода с начала прошлого века выделяется собственно современный язык, которым пользуемся мы.

Теперь ответим на вопрос: какой язык называется национальным? Коротко говоря, **национальный язык** — это язык русской нации в целом, развитая многофункциональная и разноаспектная система. Являясь основным средством коммуникации, он обслуживает все сферы общественной и личной жизни людей и является важнейшим элементом национального самосознания и единства. Исторически русский национальный язык оформляется в целостное образование с XVII в. вместе с преобразованием великорусской народности в русскую нацию.

С одной стороны, национальный язык включает элементы общепонятные и общепринятые, употребляемые в любой ситуации, а с другой — такие, использование которых ограничено либо прикрепленностью к определенному виду деятельности, либо территорией, либо социальными причинами.

Структуру национального языка можно представить следующим образом.

Ядро национального языка — это **литературный русский язык**, т.е. исторически сложившаяся образцовая форма существования национального языка, обладающая рядом важнейших свойств, которые позволяют ей выполнять роль общепонятного, санкционированного обществом средства коммуникации и обслуживать все важнейшие сферы жизнедеятельности. Эти свойства следующие:

1. Литературный язык — **язык обработанный**. Все его элементы (произношение, словарь, грамматика, стилистика) прошли длительный исторический процесс обработки и отбора и в народном творчестве в произведениях писателей и поэтов, в языке других авторитетных мастеров слова, поэтому ресурсы именно литературного языка наиболее точны, образны и выразительны и наиболее адекватно отражают особенности национального менталитета, создают русскую языковую картину мира, служат основой русской культуры.

2. Литературный язык — **язык нормированный**, с установленной общепринятой системой единиц всех уровней и единой системой правил их употребления. Лексика, фразеология, грамматические формы литературного языка,

а также правила употребления этих единиц (начиная с произношения и правописания и до стилистических особенностей) описана и закреплена в словарях, грамматиках, справочниках, учебной литературе, а географические, административные, исторические и некоторые другие наименования закреплены в законодательном порядке.

3. Литературный язык — **язык и традиционный, и развивающийся**. Каждое молодое поколение наследует язык старшего, но при этом развивает те его средства и тенденции, которые наиболее полно отражают его социально-культурные задачи и условия речевой коммуникации.

4. Литературный язык — **целостная разветвленная стилистическая система**. В ней, наряду с нейтральными, применимыми в любой ситуации средствами, существуют средства, стилистически окрашенные. Стилистическая окраска отражает прикрепление языковых ресурсов к устной или письменной форме языка, к различным тематическим сферам, передает различные экспрессивные, эмоциональные и другие оттенки значения. В толковых словарях, например, это отражает система стилистических помет, которыми снабжается слово или выражение: *книжн.* — книжное, *разг.* — разговорное, *ирон.* — ироничное, *поэт.* — поэтическое, *грубов.* — грубоватое, *уст.* — устаревшее и др.

Кроме того, в литературном языке выделяется несколько функциональных стилей — разновидностей литературного языка, каждая из которых обслуживает определенную сферу коммуникации. Согласно классификации В. В. Виноградова к этим стилям относятся следующие: разговорный, научный, деловой, публицистический, стиль художественной литературы. В настоящее время номенклатура стилей уточняется: в частности, многие исследователи выделяют проповеднический, или религиозный, стиль.

5. Литературный язык **функционирует в двух разновидностях — книжной и разговорной**. В целом любой из стилей принадлежит к одной из этих форм. Деловой, научный, публицистический, религиозный стили представляют книжную речь, разговорный — соответственно разговорную. Художественный стиль с его доминирующей эстетической функцией сочетает признаки и книжные, и разговорные.

Однако в пределах книжных делового и научного стилей выделяются устные жанры (собеседование при приеме на работу, селекторное совещание, устный выговор),

а соответственно расширяются возможности использования ресурсов разговорной речи.

6. Литературный русский язык **аккумулирует все лучшее**, что есть в национальном языке. Это позволяет ему быть образцом, служить универсальным средством коммуникации, выполнять функции государственного языка и одного из рабочих языков международного общения.

7. Литературный язык — **язык, существующий и функционирующий в двух разновидностях: устной и письменной** (см. 1.5). Письменная фиксация наряду с традиционностью позволяет литературному языку стать основой накопления и наследования знаний и опыта предшественников, преемственности от старшего поколения к младшему достижений науки, материальной и духовной культуры и цивилизации в целом.

Периферию национального языка составляют просторечие, территориальные диалекты, социальные и профессиональные жаргоны. В отличие от литературного, нелитературные разновидности национального языка, о которых пойдет речь, конечно, могут быть зафиксированы письменно, но функционируют в устной форме.

Территориальные диалекты — это варианты национального языка, характерные для определенной местности. Они отличаются друг от друга произношением. Например, в северных говорах окают (произносят слова типа *борода*, последовательно различая звуки *а* и *о*), а в южнорусских акают (произносят *барада*). Также в различных диалектах частично различается лексика (например, *бредовый* в псковском говоре значит *ивовый*), фразеология, морфологические и синтаксические формы (например, К. И. Чуковский в книге «Живой, как жизнь» приводит диалектную форму *людь* (*Ты что за людь такой?*), тогда как в литературном языке принята форма *человек*). Бесценные наблюдения диалектных особенностей словоупотребления дает словарь В. И. Даля.

В целом тематика речевого общения в народных говорах довольно ограниченна, что отражено в тематических группах лексики: сельское и домашнее хозяйство, межличностные отношения, фольклор, традиции и обряды.

В настоящее время в связи с повсеместным распространением электронных СМИ, ориентированных на устную литературную речь, территориальные диалекты русского языка как целостные системы, территориальные разновид-

ности национального языка отмирают. Среди их носителей остались только люди преклонного возраста, а у более молодых часто сохраняются только некоторые особенности диалектного произношения.

За пределами литературного языка остаются **жаргоны** — групповые разновидности национального языка. По функциям и по тому, кто является их носителями, выделяют **профессиональные** и **социальные** жаргоны. Первая группа — это устные, обиходно-разговорные эквиваленты профессиональных языков: жаргон врачей, юристов, рок-музыкантов, компьютерный и т.п. Вторая группа — жаргоны социальных групп: школьный, студенческий, спортивных фанатов, социального низа (наркоманский, криминальный) и т.д. Для жаргона характерен свой словарь, относительно быстро сменяемый и повышенно эмоциональный, в целом сниженная стилистическая окраска, преобладание в лексике определенных тематических групп, своя фразеология, источники ее пополнения и модели словообразования. Так, для молодежного и школьного жаргона характерно усечение основ как способ словообразования (*чел* — человек, *препод* или *преп* — преподаватель, *ботан, бот* (от жаргонного *ботаник*) — старательный студент) и пополнение лексического состава в значительной степени за счет англицизмов и жаргонов социального дна.

Кроме термина «жаргон» для обозначения групповых разновидностей национального языка используются понятия «социальный диалект» (иначе «социолект»), «сленг», «арго», «интержаргон». Последний включает слова, общие для нескольких жаргонов, и это сближает его с городским грубоватым просторечием. Арго — это засекреченный, тайный групповой язык, например воровское арго.

Не включено в состав литературного языка и **просторечие** — речь недостаточно образованной части городского населения, городских низов. Выделяют два типа просторечия: грубое (начиная от грубоватой лексики и заканчивая табуированными ругательствами) и неграмотное — ненормативное (ненормативность может наблюдаться на уровне произношения, лексики, морфологии, синтаксиса).

Слова, выходящие за пределы литературного языка, не включаются в общеязыковые словари и фиксируются только в специализированных изданиях, например в словарях жаргонов.

1.4. Литературная норма и ее роль в становлении и функционировании литературного языка

Литературная норма — это система общепринятых, проверенных временем образцовых единиц языка всех уровней и правил их отбора и употребления. Важнейшими ее свойствами являются:

1. **Кодифицированность**, т.е. закрепленность в виде системы норм и правил, которая возникает вследствие сознательной нормализаторской деятельности специалистов, которые, однако, не придумывают то, что будет признано литературной нормой, а в результате тщательного изучения тенденций развития языка кодифицируют наиболее целесообразные, содержательно богатые и выразительные его варианты. Кодифицируется произношение (*знАмение времени*[1], а не *знамЕние*; *договОр по Черноморскому флоту,* а не *дОговор*); правописание (*агенТство*, а не *агеНСтво*); лексическое значение слов и устойчивых оборотов (*шокировать* — смущать нарушением общепринятых норм поведения, а не приводить в состояние шока); морфологические формы слов (*группа учителей решала задания,* а не *прорешивала, на «ЭхЕ Москвы» совещание,* а не *на «ЭхО Москвы»*); правила построения словосочетаний и предложений (не *про что наблюдает*, а *что наблюдает*), стилистические нормы (*Пусть он живет в тех же правилах, как и вы, за себя и за соблюдение правил*; видимо, имеется в виду: *Пусть он живет по тем же правилам, как и вы, отвечает за себя и за их соблюдение*).

Самый наглядный пример кодификации — реформы правописания, последняя из которых прошла в середине прошлого века. Кодифицированность делает норму общеобязательной, придает ей предписывающий характер, находит отражение в словарях, справочниках, нормативных грамматиках и служит образцом в оценке и выборе вариантов формулировки мысли, дает основания отсеивать и править ошибочные. В то же время кодификация как процесс сознательного отбора образцовых средств языка и правил их применения всегда отстает от развития самого языка, то, что было признано нормативным когда-то, устаревает

[1] Все примеры взяты из устных и письменных текстов делового стиля, выступлений представителей власти в СМИ в 2008—2011 гг.

и возникает необходимость в пересмотре нормы, что время от времени и происходит (но не часто).

2. **Общеобязательность**, т.е. статус санкционированного обществом эталона, как свойство нормы вытекает из кодифицированности и предписывает строго определенное словоупотребление с учетом его правильности и целесообразности.

3. **Стабильность, консервативность**, т.е. существование на протяжении длительного времени. Норма фиксирует то, что было, и то, что есть, но не то, что будет. Это свойство обеспечивает устойчивость коммуникации, способность языка быть средством накопления знаний и культурного опыта и их передачи от поколения к поколению.

4. **Стилистическая вариативность**, коммуникативная гибкость, т.е. способность предлагать наиболее целесообразные языковые средства выражения мысли в зависимости от коммуникативных условий. На этом основании выделяются нормы устной и письменной речи. В частности, сложные предложения (особенно сложноподчиненные) с большим количеством частей, предложения, осложненные причастными и деепричастными оборотами, длинными рядами однородных членов — это принадлежность письменной речи, поскольку такие конструкции сложны для восприятия на слух. Например, по одной фразе (даже оборванной) из выступления товарища Бывалова, героя кинофильма «Волга-Волга» *Не буду хвастаться, но, владея музыкальной культурой и лично зная Шульберта..,* мы узнаем в нем бюрократа, владеющего только штампами письменного варианта делового стиля. Напротив, бессоюзные предложения, правильное понимание которых нередко зависит от интонации, чаще употребляются в устной речи (например: *Пилите, Шура, пилите: она золотая* (И. Ильф, Е. Петров)), в которой и простые предложения намного короче и синтаксически проще, допускается больше повторов.

Стилистическая вариативность литературной нормы системно проявляется в том, что в каждом функциональном стиле существует своя внутристилевая система языковых средств и правил их употребления, благодаря которой функциональный стиль приобретает своеобразие. Например, специфические черты письменного делового стиля — унифицированность, лаконичность, специфическая терминология, именной строй речи (предпочтение

существительных, особенно отглагольных), обезличенность, обобщенность изложения. Все эти свойства демонстрирует пародия на милицейский протокол: *Причиной порчи предметов на складе стала повышенная замышкованность помещения грызунами квартирного типа* (Д. Донцова).

Кроме того, со стилистической вариативностью нормы связаны и некоторые внесистемные проявления, например возможное профессиональное ударение (*компАс* — у моряков, *катАлог* — в языке библиотекарей и др.), профессиональные морфологические формы (*ветра, шторма*). Вот как последнее свойство обыграно в стихотворении В. Высоцкого:

Мы говорим не «штормы», а «шторма» —
Слова выходят коротки и смачны:
«Ветра» — не «ветры» — сводят нас с ума,
Из палуб выкорчевывая мачты.

Мы на приметы наложили вето —
Мы чтим чутье компасов и носов.
Упругие тугие мышцы ветра
Натягивают кожу парусов.

5. **Историческая изменчивость**, т.е. способность эволюционировать вслед за развитием языка. Например, раньше норма предписывала говорить *було[ШН]ая* — теперь *було[ЧН]ая*. В конкретный период в языке сосуществуют варианты, связанные с конкуренцией старой нормы и новой, прокладывающей себе дорогу тенденции. В таких случаях образуется **зона неустойчивой нормы**[1]. Именно в ней в первую очередь возникают речевые ошибки.

Сосуществующие варианты слова бывают литературными и равноправными (возможны и *творОг* и *твОрог*), но могут и различаться сочетаемостью, смысловыми или стилистическими оттенками. Таковы, например, формы глаголов *двигать*: *движет* (вера горами) и *двигает* (груз-

[1] См.: Русский язык конца XX столетия (1985—1995). М., 1996. 480 с.; *Ицкович В. А.* Очерки синтаксической нормы. М., 1982. 199 с.; *Граудина Л. К., Ицкович В. А., Катлинская А. П.* Грамматическая правильность русской речи: Опыт частотно-стилистического словаря вариантов. М., 2002. 557 с.; Трудности словоупотребления и варианты норм русского литературного языка / под ред. К. С. Горбачевича. Л., 1974. 518 с.

чик мебель); *капать*: *каплет* (устаревающее, с ограниченной сочетаемостью: *над ним не каплет*) и *капает* (нейтральное). Один из вариантов при этом может быть и нелитературным, например форма *капит* уже упомянутого глагола *капать*.

Нелитературные варианты должны употребляться с большой осторожностью только тогда, когда это оправдано смыслом и стилистическим заданием, а литературные — в соответствии со значением, сочетаемостью и стилистической окраской.

Происходящие системные изменения связаны, во-первых, с внутренней эволюцией языка (примеры выше); во-вторых, с социальными условиями его функционирования. В частности, в 1990-е гг. очередная волна демократизации языка обусловила значительные изменения в его стилистической системе. Высокие регистры языка (лексика, имеющая помету *высок.*) в значительной степени были дискредитированы и вытеснены из коммуникации, а нейтральным или разговорным стало то, что раньше было принадлежностью социальных низов (например, элементы криминального и наркоманского жаргонов — *беспредел, на игле*).

6. **Избирательность** нормы по отношению к системным возможностям языка. Это значит, что норма допускает как литературные не все варианты, возможные в языковой системе. Например, норма не признает формы типа *победю, побежду* от глагола *победить*.

Будучи общеобязательной, литературная норма обеспечивает стабильность, понятность и общедоступность коммуникации. Она служит связующим звеном в речи старшего и младшего поколений, ее соблюдение делает использование средств языка предсказуемым, устраняет возможные помехи в коммуникации, а следовательно, делает речь психологически комфортной для всех.

1.5. Устная и письменная формы литературного языка

Как уже было сказано, литературный язык существует и функционирует в двух разновидностях: устной и письменной. Исторически первичная форма речи — устная. Реализуется она линейно в виде последовательности звуков. В отличие от жаргонов, диалектов и просторечия, лите-

ратурный язык обслуживает не только обиходно-бытовую устную речь, но и речь публичную, общественно значимую. В деловом стиле это участие в программах СМИ, встречи с избирателями, производственные совещания, выступления в органах власти и подобные ситуации. Если не считать возможность трансляции устного выступления в записи (например, новогоднее приветствие президента), устная форма рассчитана на непосредственный контакт со слушателями, когда момент говорения совпадает с моментом восприятия и интерпретации речи и не предполагает возможности возвращения к сказанному, т.е. разворачивается линейно и необратимо, но зато допускает уточняющие вопросы к говорящему со стороны слушателей. Очень многое в устной речи зависит от поз, мимики, жестов, интонации говорящего, его умения управлять вниманием аудитории — вовремя пошутить, выдержать паузу, давая возможность оценить сказанное, заставить слушателей сосредоточить внимание на ключевых идеях. Непосредственный контакт с аудиторией позволяет автору во время говорения учитывать особенности реальной аудитории, ее реакцию и импровизировать, уточняя и замысел, и приемы изложения. Иначе говоря, устная речь редактируется по ходу произнесения и поэтому может содержать повторы, уточнения мысли, паузы обдумывания, оборванные синтаксические конструкции. В целом она зависит от ситуации, поэтому высказывания могут быть неполными за счет того, что уточняются ею.

Письменная речь вторична и возникает значительно позже устной. В отличие от последней она фиксируется на каком-либо материальном носителе (папирусе, пергаменте, бумаге, глиняных дощечках и т.д.) с помощью специальной графической системы знаков — алфавита и пунктуации. Письменная форма рассчитана на то, что будет прочитана адресатом через некоторое время после написания. Это исключает непосредственный контакт пишущего и читающего, но допускает возможность повторного прочтения текста для уточнения сказанного. При написании текста автор не может учесть особенности конкретного адресата, поскольку не наблюдает его реакции. В связи с этим пишущий ориентируется на типизированный портрет, и успех речи напрямую зависит от того, насколько точно он представляет свою аудиторию.

Письменная речь не зависит от ситуации, и поэтому она более развернута, исключает неполноту, которая восполняется за счет обстановки общения. Редактируется письменная речь в момент написания, возможно многократно и автором, и редактором, но задолго до того, как будет прочитана адресатом, поэтому она всегда предельно развернута, непрерывна, синтаксически связна и целостна по смыслу.

1.6. Нормативный, коммуникативный, логический и этический аспекты речевой культуры

Речевая культура — неотъемлемое свойство любого образованного или просто воспитанного человека, тем более специалиста, которому приходится общаться с людьми. Не владея искусством грамотной, уместной, убедительной, выразительной речи, даже профессионал рискует завалить любое дело, поэтому говорить он должен так, чтобы в нем видели компетентного специалиста, а предмет речи вызывал интерес и доверие.

Традиционно в речевой культуре выделяют три аспекта: нормативный, коммуникативный и этический.

1. **Нормативный** аспект предполагает владение литературной нормой, умение грамотно пользоваться ресурсами языка, как минимум, не делать ошибок. Самый надежный способ подорвать доверие и к автору, и к существу его дела — допустить к публичным выступлениям неграмотного человека. Все ошибки последнего будут обязательно (!) замечены и прокомментированы, потому что, с точки зрения общества, публичная речь, неважно, устная или письменная, должна быть, как минимум (!), грамотной. Нормативность все еще оценивается как неотъемлемое ее качество, несмотря на то, что в последние десятилетия уважение к грамотному слову убывало.

Ниже приведен типичный пример[1] из СМИ — комментарий по поводу открытого письма чиновников одного из министерств (в тексте намеренно сделаны купюры):

[1] Все примеры приводятся из картотеки автора, состоящей из рекламы, текстов СМИ и материалов деловой коммуникации за 1993—2010 гг. При необходимости фамилии конкретных чиновников и политических деятелей изменены.

Несвязанный текст самого письма все же оставляет надежду, что обращение к Путину — это случай весеннего психического обострения, а не настоящее объявление войны всем критикам министерства. Чего стоит только первое предложение письма: «Безоговорочно доверяя всем событиям, которые мы с Вашей поддержкой организуем, выступление присутствующего на Форуме <...> подорвало нашу веру в дело, которому мы отдаем всю свою жизнь». О чем говорит такой странный текст: о чрезвычайном возбуждении автора или о том, что чиновники <...> не решились править даже очевидные несогласованности текста? Или о том, что никто в ведомстве уже не способен критически оценивать написанное?[1]

Особенно важно развивать в себе чутье на «проблемные» зоны языка — области неустойчивой нормы, где возможны смысловые и стилистические варианты, наиболее вероятны ошибки, имеют место противоречивые языковые тенденции. Например, *опыты* ставят с лягушками, а *анализы* сдают в поликлинике, поэтому сказать *Мы обращаемся к опытам других образовательных систем* или *Проводим анализы экономической деятельности предприятий* — значит нарушить норму, а в данном контексте возможны только формы *к опыту* и *анализ*.

Легче всего упрекнуть говорящего в том, что он не заглянул в словарь или справочник, и это будет справедливо. Однако дело в том, что в случае колебаний нормы недостаточно подготовленный человек чаще всего и не подозревает, что пора обратиться к соответствующей литературе, просто потому, что подобное словоупотребление обычно в его профессиональной среде. Приведенный выше пример с опытами, лягушками и анализами в этом отношении показателен, поскольку образование множественного числа у существительных отвлеченных (называющих действие, состояние или признак) — тенденция делового стиля, возможно уместная в узкопрофессиональном устном общении, но еще не ставшая литературной нормой. Адресат же делает выводы, и совсем не те, на которые рассчитывает автор.

2. **Коммуникативный** аспект предписывает говорящему/пишущему выбирать наиболее целесообразные, уместные, убедительные, выразительные в данном случае языковые средства. Такой выбор всегда есть, поскольку

[1] Независимая газета. 2011. 20 апр.

синонимические возможности языка безграничны и то, что представляется уместным в одной ситуации, становится нелепым в другой. Выбирая речевые средства, необходимо решить, **что**, **зачем**, **как**, **кому говорить**, и представлять, **на какой результат можно рассчитывать**.

В речевом общении говорящий/пишущий, выбирая форму выражения мысли, ориентируется на свои цели, адресата и условия коммуникации, которые можно представить в схеме коммуникативного акта так: автор → код → → ТЕКСТ → канал передачи информации → адресат → → интерпретация.

Цель любого сообщения — информирование адресата, изменение картины его мира или даже его мировоззрения на основе такой интерпретации информации, какая желательна говорящему. Цель эта отнюдь не простая и требует от автора знания основных качеств каждого из элементов коммуникации и того, как они должны быть отражены автором в тексте. Перечислим основные из этих элементов.

Важнейшая характеристика самого автора — **авторская интенция**, намерение не просто сообщить некую информацию, а добиться этим некоторой цели. Одни и те же сведения, сообщенные одному и тому же адресату, но с разными коммуникативными целями, могут вызвать разную реакцию.

Код — это знаковая система для передачи информации, а в данном случае язык. Им надо хорошо владеть, в частности, знать, **какие коммуникативные ограничения он накладывает** в зависимости от авторской интенции, ситуации общения и менталитета адресата. В процессе речевого общения выработаны наиболее рациональные его формы, которые учитывают и ситуацию общения (устное/письменное, личное/публичное/официальное, непосредственное/разделенное временем и пространством), и его тематику (профессиональное/бытовое/деловое), и его цель (информирование/директива/достижение компромисса и др.). У коммуникантов сформированы соответствующие коммуникативные ожидания, которым текст должен соответствовать. В противном случае он будет, как минимум, неуместным.

Например, сравните две формулировки из приказа и сделайте выводы относительно сказанного:

1. *Приказываю: Иванова А. И. за систематическое злоупотребление спиртными напитками на рабочем месте уволить. 25.01.2010. Директор Петров И. И. (подпись).*

2. *Приказываю: Иванова А. И. за бесконечные пьянки на работе уволить. Директор Петров И. И. (подпись) 25.01.2010.*

Самые существенные из указанных ожиданий связаны с функциональным стилем (см. гл. 2), в рамках которого осуществляется речевое общение и давление которого сказывается прежде всего в отборе лексики, синтаксических конструкций и жанра текста.

Значительное влияние на речь оказывает адресат, поскольку его менталитет, жизненный и профессиональный опыт, образование, степень знакомства с предметом речи и даже отношение к последнему должны быть учтены автором. И поняли это люди очень давно. Например, еще в античных риториках даются рекомендации относительно последовательности «тезис — аргумент» или «аргумент — тезис» в речи оратора в зависимости от того, знакома ли с предметом аудитория и каково ее отношение к теме и идее речи. Если, скажем, слушатели не разделяют мыслей оратора, ему лучше сначала привести неоспоримые доводы в пользу тезиса, с которыми аудитория не сможет не согласиться, а уже потом формулировать основную идею, только уже не как тезис — неочевидную для аудитории мысль, нуждающуюся в доказательстве, а как вывод, который неопровержимо и принудительно следует из сказанного. Этот прием до сих пор блестяще работает.

Так, вряд ли найдется тот, кто примет идею платить налоги, если можно безнаказанно их не платить, что и было в России до снижения налога на доходы в начале 2000-х гг. Принимая новую налоговую политику, силовики с помощью серии рекламных роликов дали понять аудитории, что платить все-таки придется.

Первый ролик был просветительским, вразумляющим. На экране отрезают от одного яблока сначала треть, а потом от другого 13% и сравнивают, что осталось от одного и другого. Действие сопровождается следующим текстом: *О новом налоге на доходы надо говорить серьезно. 13% — самый низкий в Европе налог на доходы. Пора выйти из тени! Время платить налоги!* По всем законам жанра использован порядок смысловых элементов «аргумент — вывод»: народу объяснили, что меньше не платит никто (это сильный довод, с которым сложно спорить), а потом предложили запла-

тить налоги. Налоговая полиция по-отечески увещевала неразумный бизнес соблюдать закон.

В следующем ролике из этой серии разговор шел с позиций силы, и авторов рекламы уже мало интересовало отношение налогоплательщиков к проблеме. Порядок следования мыслей также был другой: предложение заплатить налоги, а потом аргументы, почему это следует сделать. Выглядело это так: в верхней четверти экрана текст, который дублировал диктор (*27 причин платить налоги*), в середине слева указание на авторитетный источник аргументов (статьи Уголовного кодекса: *УК, ст.:* — и бегущей строкой справа перечислялись номера конкретных статей, по которым неплательщики могут быть привлечены к ответственности). В нижней четверти экрана справа подпись: *Налоговая полиция*. Естественно, при такой убедительной аргументации от «заманчивого» предложения заплатить налоги отказаться невозможно.

Заканчивал эту серию ролик, также записанный с позиции силы: *Напоминаем, что 31 ноября заканчивается срок реструктуризации задолженности для юридических лиц. Решите свои проблемы до этого срока, иначе мы решим их за вас. Налоговая полиция.*

3. **Этический** аспект культуры речи состоит в соблюдении общепринятых правил общения, которые обеспечивают психологический комфорт говорящих, уважительное, терпимое отношение друг к другу даже в ситуации конфликта интересов. Для достижения поставленных целей выработаны коммуникативные предписания. Прежде всего это **этикет** — совокупность общепринятых правил и форм поведения (например, в общении с мусульманином считается неэтичным передавать ему какие-либо предметы левой рукой), которые регламентируют его формы и таким образом делают общение предсказуемым, уместным, общепринятым.

Главное, чтобы формулы этикета были выбраны уместно. В таком случае они будут проявлением вежливости, уважения к партнеру, доброжелательности и стремления установить с ним контакт, т.е. выполнят свое основное назначение.

Для каждой сферы общения выработаны свои этикетные формы, например деловой этикет, дипломатический этикет, бытовой этикет, светский этикет. Издаются многочисленные руководства по этому предмету. В России уже «Домострой» содержал много этикетных рекомендаций, а первой

книгой по этикету стало «Юности честное зерцало», изданное в 1717 г. при Петре I. При нем же была издана Табель о рангах, определившая формы делового и отчасти светского общения вплоть до революции 1917 г.

Важнейшую часть этикета составляет **речевой этикет**, который регламентирует вербальные формы поведения коммуникантов. Это формы приветствия и прощания, ведения диалога, обращения, ритуальные формулы (поздравление, соболезнование, благодарность и др.). Назначение речевого этикета — установление и поддержание контакта в избранной тональности в зависимости от ситуации, сферы общения, взаимоотношений сторон. Речевой этикет регулируют все сферы речевого общения и всегда предписывают выбирать его формулы в зависимости: 1) от обстановки (официальная — неофициальная); 2) ситуации (приветствие, прощание, благодарность, соболезнование и др.); 3) отношений коммуникантов (равенство — подчинение — доминирование (по социальному статусу, возрасту)). Выбор формул речевого этикета много говорит также о возрасте, образовании, воспитании говорящего.

Кроме того, речевой этикет регламентирует и паралингвистические аспекты общения, рекомендуя, например, в каком порядке приветствовать друг друга, когда встать, когда сидеть, как встречать и провожать партнера, какие знаки внимания ему оказывать, когда пропустить вперед, когда идти первым и т.п.

Помимо этикета, регулирующего ритуал, форму общения, не меньшую роль играют общие этические правила, регулирующие его суть. В словаре любого языка есть слова *деликатность, вежливость, такт, терпимость, внимательность, корректность*. В профессиональных этических кодексах есть понятия *толерантность* и *политкорректность*. Все перечисленное отражает общие этические преставления людей о сути межличностных отношений и речевого общения. Эти этические нормы подсказывают не только что, как и когда говорить, но и что не говорить. Скажем, ни к чему на просьбу пригласить к телефону сотрудника отвечать что-то типа *Он только что ушел на обед, звоните часа через полтора*, поскольку человеку на том конце телефонной линии вряд ли интересно, почему партнер недоступен. Достаточно будет сказать: *К сожалению, он сейчас не может подойти, что ему передать? —*

не сообщая ненужных подробностей и проявив готовность помочь.

Не меньшее этическое значение в коммуникации имеет **слушание** — такое же коммуникативное действие, как и говорение: нужно не только слушать, но, главное, и слышать партнера, понимать и поддерживать его, показывать свою заинтересованность в том, что он говорит. Основные правила слушания таковы:

— не перебивать партнера без крайней необходимости;

— принять позу, показывающую вашу заинтересованность в общении и уважение к партнеру (например, не сидеть развалившись, нога на ногу со скрещенными на груди руками и блуждающим взглядом, а слегка наклониться к нему, смотреть на него с вниманием, но не пристально и долго глаза в глаза: последнее будет истолковано как агрессия или высокомерие);

— поддерживать его, скажем, кивком головы, репликами типа *Да, понимаю; Я тоже так считаю; Позвольте не согласиться* и т.п.;

— при необходимости можно задавать уточняющие вопросы или переформулировать своими словами сказанное, спрашивая: *Правильно ли я Вас понял, что...*

Наконец, огромный этический смысл в коммуникации имеет **молчание**, которое проявляет себя, во-первых, в ситуативных ограничениях на обсуждение некоторых тем. Некоторые из них сформулированы как неписаные правила: *В доме повешенного не говорят о веревке; Об умершем или хорошо или никак; О присутствующих не говорят*. В общении с деловыми партнерами не принято говорить о личной жизни, семейных неурядицах, жаловаться на здоровье либо обсуждать вопросы политики, религии, интересоваться чужими доходами и хвастаться своими. Во-вторых, молчание может быть реакцией на сказанное, причем гораздо более красноречивой, чем говорение. Часто оно сопровождается предваряющими его репликами типа *В таком/этом случае я лучше промолчу*. Нередко молчание обусловлено либо недостаточной компетентностью в предмете речи, либо этическими причинами, например нежеланием высказывать крайне негативное отношение к предмету речи. В-третьих, молчание проявляет себя в неразглашении сведений, которые могут необоснованно дискредитировать партнеров, нанести урон их репутации (например, всегда лучше воздержаться от пересказа сплетен).

Важнейшая этическая проблема коммуникации — **гармонизация** взаимодействия коммуникантов в процессе общения на основе так называемого принципа кооперации[1] и принципа вежливости[2], соблюдение которых обеспечивает успешность как отдельного речевого акта, так и речевого общения в целом.

Принцип кооперации — сотрудничество адресата и адресанта — предписывает, как вести себя прежде всего говорящему, но ориентирован и на интересы слушающего, и на ситуацию общения и его тему. Он реализуется в четырех максимах: полноты информации; качества информации; релевантности информации; манеры изложения. Три первые касаются содержания сообщения. Максима полноты информации предполагает в этом содержании не больше, но и не меньше сведений, чем требуется. Максима качества рекомендует не сообщать ложных, с точки зрения адресанта, сведений или таких, в которых он не до конца уверен. Максима релевантности рекомендует не отклоняться от темы. Максима манеры изложения касается языковой формы сообщения и предписывает избегать непонятных, расплывчатых и двусмысленных выражений, излагать сведения лаконично и последовательно.

Принцип вежливости уже самим названием указывает на свою этическую ориентированность и предписывает и адресанту, и адресату быть тактичными, великодушными, скромными, проявлять к партнеру симпатию, в максимально возможной степени одобрять его и соглашаться с ним. Максима такта запрещает вторгаться в сферу личных интересов адресата. Максима великодушия рекомендует не обременять партнера и не стремиться доминировать в речевом акте. Максима одобрения диктует необходимость по возможности положительно оценивать адресата и корректировать свои действия в случае необходимости. Максима скромности рекомендует реалистически оценивать себя, т.е. не переоценивать и не принимать чрезмерной похвалы в свой адрес. Максима согласия рекомендует не углублять противоречия, неизбежно возникающие в ходе общения, а искать согласие, компромисс, взаимоприемле-

---

[1] *Грайс Г.* Логика и речевое общение // НЗЛ: Вып. 16. Лингвистическая прагматика. М., 1988.

[2] *Leech G. N.* Principles of Pragmatics. L. ; NY : Longman, 1983. 250 p.

мые решения. Максима симпатии означает благожелательное отношение к партнеру.

Далеко не всегда в реальном общении получается полностью соблюдать принципы кооперации и вежливости, но любой коммуникант должен их знать, стремиться выполнить в максимально полном объеме и помнить о том, что от его речевого поведения зависит успех порученного ему дела.

Вопросы и задания для самоконтроля

1. Какие значения подразумевает термин «культура речи»?
2. Какие аспекты владения языком и речью подразумевает культура речи?
3. Какие навыки определяют уровень владения языком?
4. От чего зависит интерпретация, понимание сообщения?
5. Сколько типов речевой культуры и по каким признакам принято выделять?
6. В чем отличие языка и речи?
7. Что подразумевает понятие «системная организация языка» и какие уровни языковой системы принято выделять?
8. Каковы основные свойства языка и в чем они заключаются? Почему язык — это система возможностей потенциальных?
9. Почему речь считают реализацией потенциальных возможностей языка?
10. Какова роль человека в речи и какие свойства речи зависят от говорящего?
11. Какие основные формы речи вы знаете и в чем их отличие друг от друга?
12. Зачем нужен речевой этикет?
13. Что такое речевой акт?
14. В чем заключаются функции общения, сообщения, воздействия?
15. Какие еще функции языка и речи, помимо общения, сообщения, воздействия, вы можете назвать? Охарактеризуйте их.
16. Что подразумевает понятие «национальный язык»?
17. Совпадают ли понятия «национальный язык» и «литературный язык»?
18. Какое место занимает в национальном языке литературный язык?
19. Каковы основные свойства литературного языка?
20. В каких формах существует литературный язык и нелитературные разновидности национального языка?

21. Какова роль литературного языка в накоплении знаний и информации, в сохранении и передаче от поколения к поколению ценностей культуры и цивилизации?

22. Какова система функциональных стилей литературного языка и зачем нужны разные стили?

23. Можно ли сказать, что национальный язык богаче литературного? Обоснуйте свою точку зрения.

24. Какие разновидности национального языка не входят в систему литературного?

25. Что определяет своеобразие каждой из нелитературных разновидностей национального языка?

26. Что такое литературная норма и какую роль играет в ее формировании кодификация?

27. Какие уровни системы литературного языка подвергаются кодификации и какую роль играют в ней филологи? Можно ли сказать, что языковеды сами выдумывают правила и произвольно решают, какие единицы языковой системы считать литературными, а какие нет?

28. Какие свойства литературной нормы обеспечивают способность языка быть общепонятным средством общения людей разных возрастов, социального положения и образования?

29. Язык со временем меняется. А что происходит с литературной нормой?

30. Что значит понятие «стилистическая вариативность нормы»?

31. Как стилистическая вариативность проявляет себя в речи и как отражена в нормативных словарях и справочниках?

32. Почему не все возможные варианты произношения, грамматических форм слов, словосочетаний, предложений, предполагаемые системой национального языка, становятся литературными?

33. Как вы считаете, без литературной нормы речевое общение людей было бы комфортнее?

34. Какая форма языка — устная или письменная — старше?

35. Какие черты устной речи отражают то, что она всегда рассчитана на непосредственный речевой контакт с собеседником?

36. Как говорящий может управлять вниманием аудитории?

37. Чем, помимо записи с помощью алфавита, письменная речь отличается от устной?

38. Какие свойства письменной речи связаны с тем, что автор сначала пишет текст, а читают его позже и задать вопросы по содержанию не могут?

39. Какую роль играет редактирование при подготовке письменного текста и возможно ли редактирование устной речи?

40. Что подразумевает понятие «речевая культура» и можно ли назвать его синонимом понятия «культура речи»? Если да, то в каких аспектах?

41. Зачем нужна речевая культура? Может быть, без нее общение будет проще и понятнее?

42. По каким критериям оценивается речевая культура человека?

43. Так ли важно соблюдать литературную норму в речевом общении? Может быть, нормативный аспект культуры речи уже устарел?

44. Какие аспекты коммуникации (речевого общения) необходимо учитывать говорящему/пишущему, чтобы достичь наилучшего результата?

45. Как цели говорящего/пишущего и черты аудитории могут влиять на содержание и форму речи?

46. Почему необходимо соблюдать этические правила речевого общения?

47. Какое понятие шире: «этика речевого общения» или «речевой этикет»?

48. Зачем нужен речевой этикет и как он регулирует речевое общение?

49. Как проявляют себя в речи принцип кооперации и принцип вежливости?

50. Какие формы коммуникативного поведения вам известны, и какую роль они играют в речевом общении?

51. По каким этическим критериям оценивается речь? Может быть, они не нужны?

Глава 2
ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ СТИЛИ. ОБЩИЕ ОСОБЕННОСТИ

В результате изучения данной главы обучающийся должен:
— **знать** структуру функциональных стилей современного русского литературного языка;
— **уметь** следовать жанровым, стилевым и стилистическим нормам;
— **владеть** пониманием эстетического идеала конкретного стиля.

2.1. Понятие функционального стиля

Функциональный стиль — это употребление литературного языка в определенной сфере человеческой деятельности. Каждый функциональный стиль отбирает и организует языковые средства (слова, морфологические формы, синтаксические конструкции) в зависимости от условий и задач общения. Функциональный стиль обладает особой, поуровневой организацией языковых средств.

Владение литературным языком, умение переключать стилистические коды в зависимости от условий и задач общения свидетельствуют об уровне образования человека, о его творческом потенциале.

Традиционно в функциональной стилистике выделяется пять стилей: разговорный, официально-деловой, научный, публицистический и литературно-художественный. Стили литературного языка могут иметь преимущественно **устную** или **письменную** форму. По этому принципу их можно разделить на стили **книжно-письменные** (официально-деловой, научный, публицистический, литературно-художественный) и разговорный.

Стили различаются и на основании реализуемой ими **функции языка**. Основная функция публицистического стиля — **воздействующая**, научного и официально-делового — **информативная**; разговорный стиль реализует

функцию **общения**, т.е. **коммуникативную**, а литературно-художественный — особую, **эстетическую** функцию языка.

По типу отражаемой действительности разговорный, научный, публицистический и официально-деловой стили противостоят литературно-художественному, поскольку отражают окружающую нас реальность. Стиль художественной литературы изображает эстетически преобразованную действительность, т.е. формирует «вторичную» реальность.

Стилевая система литературного русского языка не является статичной, она развивается, усложняется, дифференцируется с развитием литературного языка в целом. В связи с этим современные исследователи дополняют сложившуюся в классической русской стилистике типологию стилей новыми функциональными разновидностями: религиозно-проповеднический, политический, рекламный стили. Однако этот вопрос остается дискуссионным. Значительным трансформациям подвергся публицистический стиль, который в современной стилистике понимается как стиль массовой коммуникации.

Усложнение и уточнение современной системы функциональных стилей свидетельствуют о развитии и усложнении современного русского языка.

2.2. Структура функционального стиля

Чтобы коммуникация была успешной, необходимо правильно выбрать соответствующий условиям общения **стиль**, который можно определить как особую форму литературного языка, соответствующую целям и задачам **успешной** коммуникации (институциональной или межличностной) в заданной (социально значимой) сфере общения.

Каждый стиль имеет сложную двухуровневую **структуру** организации:

1. **Экстралингвистические** (внеязыковые) особенности стиля, обусловленные сферой его употребления, окружающей обстановкой, в которой протекает коммуникация (т.е. конситуация) и др.

2. **Интралингвистические** (внутриязыковые) особенности, присущие данному стилю и выделяющие его в системе функциональных стилей русского литературного языка.

К экстралингвистическим особенностям стиля, т.е. тем, которые зависят от внешних условий (факторов) коммуникации, относятся:

— функция языка, доминирующая в данном стиле (функция общения, сообщения и воздействия);

— сфера общения (институциональная или межличностная);

— форма общественного сознания (логико-понятийное — для научного стиля, образное — для художественного, понятийно-образное — для публицистического, деонтическое[1] — для официально-делового, прагматическое — для разговорного);

— тема (тематическая заданность общения);

— хронотоп (время и место протекания коммуникации);

— обобщенный тип адресанта (его выраженность или принципиальная невыраженность в общении);

— интенция (коммуникативное намерение) адресанта;

— обобщенный тип адресата (целевая аудитория или массовый адресат).

Эти экстралингвистические черты формируют границы каждого стиля и оказывают влияние на отбор языковых средств для осуществления успешной коммуникации, т.е. интралингвистическую основу стиля.

К интралингвистическим особенностям стиля относятся:

— типичная форма общения (устная/письменная);

— типичный вид речи (диалог/монолог);

— стилевые нормы/стандарты;

— устойчивые типы языкового оформления речи;

— субъективность/объективность речи;

— креативность/клишированность в использовании языковых средств.

Каждый функциональный стиль имеет **подстили**, под которыми понимается реализация стиля в зависимости от конкретных целей общения в функционально и тематически заданной сфере коммуникации.

Например, **научный стиль** имеет три подстиля: собственно научный, научно-учебный и научно-популярный. В **официально-деловом стиле** выделяют официально-документальный, юридический и дипломатический подстили,

[1] *Воронцова Т. А.* Элементарная стилистика. Ижевск, 2009. С. 42.

а в **публицистическом** — информационный и собственно публицистический.

Каждый стиль реализуется через разветвленную систему специфических жанров. **Жанр** — это композиционно устойчивое и стилистически типичное оформление текстов. Например, жанр **новости**, формирующий основу информационного подстиля публицистического стиля, имеет жесткую композицию, так называемую «перевернутую пирамиду», когда в первом абзаце текста содержится самая важная фактологическая информация (что, где и когда произошло), а подробности приводятся в конце текста. Стилистическое оформление новости подчеркнуто нейтрально, используются безоценочные речевые средства, акцент ставится на фактологичность информации.

Итак, стиль формируется из текстов определенных жанров (*текст* → *жанр* → *подстиль* → *стиль*) и реализует с помощью специфических языковых средств разных уровней основные коммуникативные задачи автора в социально значимой сфере общения. Таким образом, владение литературным языком предполагает владение текстовыми нормами (умение правильно написать текст в соответствии с канонами жанра и с канонами стиля), а также владение языковыми нормами всех уровней, которые необходимы, чтобы наиболее точно выразить свою мысль.

2.3. Понятие о норме и идеале функционального стиля

Стиль имеет четкую структуру и достаточно строгие границы, очерченные социально значимой сферой его применения и отделяющие данный конкретный стиль от других стилей в рамках литературного языка.

В основе литературного языка лежит понятие «языковая норма», а в основе стиля — «стилевая норма».

Языковые нормы — это общепринятые правила употребления единиц языка, исторически сложившиеся в речи образованных слоев населения и закрепленные в словарях и справочниках (т.е. кодифицированные). Следование языковым нормам в речи является показателем речевой культуры и речевой компетенции образованного человека. Языковые нормы сложились на всех уровнях языка. Существуют нормы орфоэпические, словообразовательные,

грамматические, лексические, синтаксические и стилистические.

Стилистическая норма — разновидность нормы языковой, регулирующая употребление слова в контексте согласно его семантике (значению) и стилистическим характеристикам (книжное, разговорное, высокое, архаичное и т.п.). Стилистическая норма имеет особый, рекомендательный характер, в отличие от предписывающей, императивной общеязыковой нормы.

Стилевые нормы регулируют выбор в соответствии с особенностями стиля предпочтительного варианта из предоставляемых языком синонимических средств. Например, вопрос: *По какому адресу проживаете?* уместен только в рамках официально-делового стиля, а в разговорном стиле он прозвучит по другому: *Где Вы живете?*

Таким образом, стилевые нормы предопределяют прикрепленность того или иного средства речи к определенной сфере речевой деятельности.

Стилевая норма отражается в стандартах стиля. **Стилевой стандарт** — это слова, выражения, синтаксические конструкции, имеющие закрепленное за определенным стилем литературного языка положение и являющиеся строевыми элементами данного стиля. Различаются стандарты официально-делового стиля (например, расщепленное сказуемое, отглагольные существительные и т.п.), научного (нанизывание родительных падежей, обязательное использование дефиниций и т.п.), разговорного (лексическая недостаточность, стяжения словосочетаний и т.п.), публицистического стиля (публицистические метафоры, оценочные номинации, риторические вопросы и т.п.).

Поскольку стиль реализуется в текстах различных жанров, современные ученые выделяют и так называемую **жанровую норму**: «Каждый функциональный стиль реализуется в разных жанровых формах, в текстах разного целевого назначения. В связи с этим среди стилистических норм выделяются наиболее общие, свойственные функциональному стилю в целом, и частные, характерные для отдельных жанров, речевых ситуаций, разных типов текста»[1].

Соответствие речи исторически сложившимся и прагматически оправданным стандартам стиля говорит об успешности и эффективности коммуникации и формирует поня-

[1] *Воронцова Т. А.* Элементарная стилистика. С. 42.

тие **эстетического идеала стиля**, который «вырабатывается в течение длительного времени и меняется по мере развития стиля сообразно с изменением общественных условий, экстралингвистических факторов. Значение эстетического идеала функционального стиля заключается в том, что в нем сосредоточены представления о тенденциях развития стиля, о путях его совершенствования, о цели, к которой следует стремиться»[1].

Строгих формулировок эстетического идеала нет, он выводится из норм, характерных для данного стиля в конкретный исторический период и может меняться с течением времени. Однако он всегда предполагается и осознается обществом как эталон. Например, Б. Кроче так описывает эстетическую сторону научного стиля: «Всякое научное произведение есть в то же время произведение искусства. Эстетическая сторона дела может оставаться в тени, когда наш ум захвачен всецело усилием уразуметь мысль ученого и разобраться в истине. Но она уже не остается более в тени, когда от деятельности уразумения мы переходим к деятельности созерцания и видим эту мысль... раскрывающейся перед нами с ясностью, чистотою, отчетливостью, без лишних слов, без слов несовершенных, с соответственным ритмом и соответствующей интонацией...»[2].

Эстетический идеал, как и любой другой, практически недостижим (это маяк в нашей коммуникации), но знание стилевых норм и представлений об эстетическом идеале каждого стиля необходимо для успеха нашей речевой деятельности.

Эстетический идеал — это максимальное соответствие речевых средств стиля прагматическим целям коммуникации. У каждого стиля есть свой эстетический идеал. Например, выразительность научной речи поддерживается четкостью, строгостью, ясностью синтаксических структур, точностью и логичностью применения лексики. Официально-деловой стиль должен максимально точно формулировать мысль, чтобы избежать разночтений в документах, в истолковании законов. Публицистический стиль призван базироваться на точных, проверенных фактах, взвешенной

---

[1] *Солганик Г. Я.* Практическая стилистика русского языка. М., 2006. С. 33.

[2] *Кроче Б.* Эстетика как наука о выражении и как общая лингвистика. М., 1920. С. 29.

авторской позиции, это должна быть речь убедительная и выразительная, вызывающая доверие читателей. В разговорном стиле эстетический идеал заключается в уважительном, гармонизированном общении людей, в умении выслушать собеседника, не навязывать свою точку зрения, а стремиться к открытому диалогу.

Вопросы и задания для самоконтроля

1. Что такое функциональный стиль? Какие стили составляют структуру современного русского литературного языка?
2. Какие функции языка положены в основу деления его на стили?
3. Перечислите экстралингвистические и интралингвистические особенности, составляющие структуру любого стиля.
4. Что такое стилистическая норма и как она соотносится с нормой языковой? В чем особенности стилевой нормы?
5. Что такое эстетический идеал стиля и каждый ли стиль имеет эстетический идеал?

Глава 3
ХАРАКТЕРИСТИКА ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ СТИЛЕЙ

В результате изучения данной главы обучающийся должен:

— **знать** систему стилистической дифференциации языка, общие условия ее формирования и функционирования; иметь представление о ее исторической изменчивости и зависимости от потребностей коммуникации и экстралингвистических факторов;

— **уметь** отличать один стиль от другого, называть его основные особенности, определять стилистически маркированные языковые средства разных уровней, создающие своеобразие каждого из литературных стилей, оценивать правильность, уместность использования языковых ресурсов;

— **владеть** навыками стилистического анализа устного и письменного высказывания, переключения стилистических регистров в зависимости от конкретной коммуникативной ситуации.

3.1. Научный стиль

Научный стиль принадлежит к числу книжных стилей литературного языка, для которых характерны:

— предварительное обдумывание высказывания;

— монологический характер речи;

— строгий отбор языковых средств;

— тяготение к строго нормированной речи.

Основная функция данного стиля — сообщение, сфера существования — научная. Здесь, как указывалось выше, различаются такие подстили, как:

— собственно научный;

— научно-учебный;

— научно-популярный.

Основные жанровые разновидности рассматриваемого стиля — научные труды, доклады, лекции, учебники, справочные пособия, научно-популярные беседы и т.п.

Для научного стиля характерны следующие стилеобразующие черты:

— монологичность;
— обобщенно-отвлеченный характер изложения;
— подчеркнутая логичность;
— строгая последовательность изложения;
— смысловая точность;
— информативная насыщенность;
— объективность изложения;
— безóбразность.

Научная речь в каждом языке складывалась неодинаково и в разное время, вместе с развитием научных знаний.

Начало формирования языка русской науки относится к первой трети XVIII в. Именно в этот период Российская академия опубликовала ряд трудов на русском языке. Однако вплоть до начала XX в. язык науки еще не выделялся в отдельный стиль. Он был еще очень близок к языку художественной литературы. Вот, например, отрывок из научной работы В. М. Бехтерева «Внушение и его роль в общественной жизни» (1903): «Внушение вторгается в психическую сферу, как тать, и производит в ней роковые последствия...». Здесь нет ни одной стилеобразующей черты, перечисленной нами; наоборот, автор использует образное сравнение *как тать*, приводит яркий эпитет *роковые (последствия)*, прибегает к олицетворению: *внушение вторгается*. Ч. Дарвин, М. В. Ломоносов некоторые свои научные исследования заключали в поэтическую форму.

Для сравнения можно привести отрывок из современной научной работы по биологии: «Большое количество органического вещества в осадках эстуария, низкая и изменчивая соленость воды способствуют низкому развитию мелких видов детритофагов-собирателей, относящихся к мейо- и макробентосу (с индивидуальной массой около 1 мг сырой массы)»[1]. Как видим, этот фрагмент уже не спутаешь с художественным текстом. Здесь сразу обращаешь внимание на научно-информационное содержание, выраженное с помощью терминологии, математических данных, а образные средства полностью отсутствуют. Такой строй речи создает атмосферу объективности изложения в научном тексте.

---

[1] *Столяров А. П.* Структурно-функциональная организация эстуарных экосистем Белого моря : дис. ... д-ра биол. наук. М., 2011.

В целом язык современной науки испытывает тенденцию к терминологичности, созданию собственного метаязыка, противопоставленного так называемому обыденному языку. Именно поэтому центром лексической системы научного стиля являются **термины**, т.е. слова или словосочетания, являющиеся точным названием какого-либо понятия, применяемого в науке, технике или искусстве. В основе термина всегда лежит научно построенная дефиниция, например: *Семантика — это наука о значении слов*. Термины способствуют максимальному насыщению текста научной информацией, придают необходимую строгость и лаконизм, упрощают взаимопонимание между специалистами. Однако обилие терминов приводит к закрытости языка науки, недоступности понимания не только для тех людей, которые далеки от научной деятельности, но и для специалистов из других областей знания. В связи с этим не менее важным, чем термины, пластом научной лексики являются **общенаучные слова**. Общенаучная лексика описывает процессы и явления в разных областях научного знания, но, в отличие от терминологической, не относится только к определенной терминосистеме конкретной научной области знания, а используется как метаязык всей научной деятельности. Такие слова, как *вопрос, проблема, точка зрения, гипотеза, функция*, являются междисциплинарными, их можно найти как в гуманитарных, так и в технических текстах, но, тем не менее, они несут в себе определенную окраску научного стиля.

Другими важнейшими особенностями лексики научного стиля являются использование слов в прямом номинативном значении, преобладание абстрактной лексики над конкретной. Часто конкретные слова получают обобщающее абстрактное значение, когда используются в дефинициях: *Волк — хищное животное* (имеется в виду не один какой-то волк, а целый класс волков).

Научный стиль имеет свою фразеологию (*прямой угол, глазное яблоко, звонкие согласные* и т.п.), а также речевые клише: *состоит из..., заключается в..., представляет собой...* и др.

В языке науки существуют определенные морфологические особенности: доминирование имен существительных, поскольку они называют предметы и явления, вовлекающиеся в научное познание; много прилагательных, что можно объяснить задачами характеристики и описания изучаемых

явлений; глаголы часто употребляются в форме так называемого «настоящего неактуального» времени, например: *Волга впадает в Каспийское море*; глагол *впадает* обозначает вневременную характеристику предмета (Волга всегда впадает в Каспийское море), хотя стоит в настоящем времени.

Значительными особенностями отличается синтаксис научной речи. Здесь чаще используются сложные предложения, по преимуществу сложноподчиненные, наилучшим образом способные вместить рассуждения, доказательства научной мысли, причинно-следственные связи между анализируемыми явлениями, описания исследуемых процессов. Характерно обилие вводных, вставных, уточняющих конструкций, причастных и деепричастных оборотов. Все это способствует связности очень сложного научного текста, позволяет точно понять мысль ученого.

Особенностью русского научного стиля сегодня является его подчеркнутая «обезличенность», когда автор намеренно использует авторское *мы* вместо авторского *я*: *Мы видим...*; *Полагаем...* В связи с этим преобладают неопределенно-личные, безличные, инфинитивные односоставные предложения и пассивные конструкции. Такие формы выражения подчеркивают объективность научного изложения.

Современный научный стиль — одна из наиболее влиятельных разновидностей литературного языка. Он выполняет очень важную функцию — обслуживает область познавательной деятельности человека, способствует накоплению и расширению знаний о мире, в котором мы живем.

3.2. Публицистический стиль

Газетно-публицистический стиль (публицистический стиль, стиль массовой коммуникации) — это одна из функциональных разновидностей литературного языка, обслуживающая сферу политико-идеологических, экономических и культурных отношений в обществе. В публицистическом стиле реализуются две основные функции языка: информационная и воздействующая. На основании этих функций выделяются два подстиля: информационный и собственно публицистический.

Каждый подстиль обладает развитой системой жанров. Традиционно различают информационные (новость, репортаж, интервью, анонс и др.), аналитические (статья, рецен-

зия, комментарий и др.), художественно-публицистические (очерк, эссе, фельетон, памфлет и др.) жанры. Информационные жанры лежат в основе информационного подстиля, аналитические и художественно-публицистические — собственно публицистического. В постсоветской журналистике устоявшаяся система жанров трансформировалась. Исследователи говорят о смешении жанров, явлении гибридизации, разрушении жанровых границ, транспонировании жанровых форм, появлении новых жанров в СМИ (Г. Я. Солганик, В. И. Коньков, Н. И. Клушина и др.). Тем не менее, активное перераспределение жанровых форм происходит все же в границах данного стиля.

Публицистический стиль — один из самых «открытых» функциональных стилей современного русского литературного языка. «Незамкнутость» словаря публицистики определяется прежде всего экстралингвистическими факторами, главным из которых является разнообразие попадающих в фокус журналистского внимания тем, среди которых можно выделить базовые: политическую, экономическую, социальную, спортивную, шоу-бизнес. Каждая из них имеет свои строевые лексемы (терминологию), которые делают словарный состав публицистики максимально широким. Помимо разнообразной терминологической лексики (например, *инвестиции, инфляция, кредиты, капитализация, акционеры, топ-менеджер* и т.п.) словарный состав публицистики включает концептуальную лексику (например, *модернизация, реформы, коррупция, социальное государство* и т.п.), которая «отражает идеологию, политику газеты, ее социальные устремления»[1]. Концептуальной публицистической лексике принадлежит ведущая роль в формировании общественных стереотипов, или идеологем[2]. Словарь публицистического стиля также включает прецедентные имена (*Сколково*) и высказывания (*Россия — вперед!*), которые и становятся прецедентными за счет их тиражирования в СМИ.

Неоднородна и синтаксическая структура публицистического стиля. Для информационного подстиля характерны стилистически нейтральные синтаксические конструкции (с прямым порядком слов, преобладанием объективной модальности, четко выраженной логико-грамматической связью), тяготеющие к синтаксической норме официально-

[1] *Солганик Г. Я.* Практическая стилистика русского языка. М., 2006.

[2] *Клушина Н. И.* Стилистика публицистического текста. М., 2008.

делового стиля, поскольку в информационном подстиле доминирует факт, и все речевые средства призваны подчеркнуть фактологичность, объективность, нейтральность изложения. В публицистическом подстиле используется экспрессивный синтаксис (парцелляция, инверсия и другие риторико-синтаксические средства воздействующей речи), поскольку основная коммуникативная цель (интенция) адресанта публицистической речи, т.е. журналиста, — воздействие в заданном направлении на адресата, и все речевые средства подчинены этой интенции.

Общие закономерности публицистического стиля обусловлены такими конституирующими стиль категориями, как **образ автора**, **интенция**, **авторская позиция**, **идеологема**, **социальная оценочность**, **стилистическая тональность**, **образ адресата**. Эксплицитность, открытое проявление этих категорий свойственны текстам собственно публицистического подстиля. Для текстов информационного подстиля характерна имплицитность данных категорий, т.е. их скрытый характер.

Образ автора — это центральное понятие публицистики. В отличие от художественного текста, в котором образ автора и сам автор принципиально не совпадают, образ автора публицистического текста — это и есть сам автор-журналист, создатель текста. В то же время, как считает Г. Я. Солганик, уникальность авторства в публицистике определяется тем, что за конкретным автором-журналистом необходимо видеть человека публичного, являющегося выразителем идей определенного общества в определенный исторический период его развития. Понятие «образ автора» тесно связано с понятием «интенция». **Интенция** — это основное инициирующее создание текста коммуникативное намерение автора: убедить читателя не просто в правомерности, а именно в правильности авторской трактовки действительности. Весь публицистический текст (включая не только его идею, но и риторические речевые средства ее воплощения) организуется под контролем этой глобальной авторской интенции.

Важнейшее базовое понятие публицистического стиля, по мнению Н. И. Клушиной, — это **идеологема**, предполагающая целенаправленное воздействие со стороны адресанта на сознание адресата с помощью заранее заданной идеи (например, *социальное государство, образ друга, образ врага*). Идеологемы закрепляют в сознании читателей определенную идеологическую и ценностную модель.

Не менее важна для публицистики и такая структурно-стилевая доминанта, как **социальная оценочность**[1]. Оценка в СМИ — это не только оценка индивидуальная, отражающая точку зрения конкретного журналиста, но также оценка определенных идеологических групп общества, выраженная автором в своих текстах.

Особую роль в публицистическом стиле играет категория **стилистической тональности**. Она зависит от авторской интенции, от идеологической позиции автора, его мировоззренческих, этических и эстетических установок. В современной публицистике выявляются три типа стилистической тональности: позитивная (одобрительная), негативная (нередко выливающаяся в речевую агрессию) и намеренно объективная (нейтральная).

Специфичен **образ адресата** в публицистическом стиле. Журналистская практика рассчитана на самые широкие слои населения, на массового адресата. Тем не менее, массовость не означает однородность аудитории. Журналист создает свои произведения с четкой ориентацией на «своего» адресата — вдумчивого, анализирующего или, наоборот, «легкого» читателя, привыкшего получать из средств массовой коммуникации развлекательную информацию о жизни звезд, о занимательных событиях.

Современный публицистический стиль — самый влиятельный в системе стилей русского литературного языка. Именно в нем зарождаются основные тенденции современной речи. Он оказывает сильное воздействие на русский литературный язык в целом. Г. Я. Солганик пишет: «Если ранее, в XIX в., понятие литературного языка ассоциировалось прежде всего с языком художественной литературы, то в наше время в качестве авторитетного и полноправного представителя литературного языка выступает газетно-публицистический стиль, шире язык журналистики, массовой коммуникации (МК). Актуальность массовой коммуникации определяется во многом глубоким общественным интересом к ее содержанию, имеющему отношение ко всем в целом и к каждому в отдельности»[2].

---

[1] *Солганик Г. Я.* Современная публицистическая картина мира // Публицистика и информация в современном обществе. М., 2000.

[2] *Солганик Г. Я.* Практическая стилистика русского языка. М., 2007. С. 49.

3.3. Разговорно-бытовой стиль

Разговорно-бытовой стиль противопоставлен книжно-письменным стилям русского литературного языка — официально-деловому, научному, публицистическому и литературно-художественному. Ему одному присуща функция общения, он обслуживает бытовую сферу жизни общества и имеет специфические особенности на всех ярусах своей языковой структуры: фонетическом, лексическом, словообразовательном, морфологическом и синтаксическом.

Основные особенности этого стиля определяются **диалогичностью** речи, когда каждое высказывание, каждая реплика прямо обращены к собеседнику. В связи с этим разговорно-бытовой стиль реализуется в **ситуации общения**, которая предполагает минимум двух участников речевого акта. Очень важно и то, что общение должно быть **непосредственным** и **непринужденным**. Официальные отношения между говорящими резко меняют стиль общения, лексику, форму обращения, строй предложений и даже интонацию. Специфика разговорно-бытового стиля также во многом определяется **спонтанностью** диалога между участниками коммуникации. Отсутствие предварительного обдумывания высказывания и связанное с этим отсутствие предварительного отбора речевых средств для передачи информации приводит к некой «неряшливости» высказываний — к недосказанности, перебиванию, повторам, паузам и т.п. Огромную роль играют фоновые знания говорящих и общая ситуация общения, без которых диалог может быть не понят. Общие фоновые знания и ситуация позволяют собеседникам давать короткие реплики, сокращая и сжимая информацию, которая известна говорящим. Вот пример диалога студентов[1]:

— Сейчас нет, сейчас все порадостнее стало. Я более или менее перешел на вечерку, на специальность, которая мне нравится. Она кое-как помогает и, грубо говоря, в работе, и вообще. Вот. Ну еще осталось учиться года два, наверное.

— То есть ты сейчас там на третьем курсе?

— Ну вот на четвертый перешел.

— Ага.

[1] Запись К. Пламенновой.

— Сейчас уже на четвертом, у нас шесть лет, а так работаю.

— А где ты работаешь?

— Ээ, «Сказка».

— Сказка? Что это?

— Компьютерные игры делаем.

— Аа...

— Да.

— Ничего себе.

— Не, ну вот это вот большая удача за последнее время. Вообще этот год более или менее удачный по сравнению с другими. Нашел работу, которая мне нравится, которой я хочу заниматься, которой я буду заниматься в дальнейшем. Куча очень крутых людей, которые тоже занимаются тем, что им нравится, ну, как бы общий язык находим.

— Мне нравится игра «Биошок».

— Класс.

— Да, она очень красивая.

— Да, очень сильная.

— Там такая музыка хорошая, такой видеоряд.

— Я саундтреки оттуда скачиваю на плеер. Скоро новая часть выходит. Там немного другой концепт.

— А сколько там всего частей?

— Сейчас две, ну вот выходит третья, она как-то не особо связана с первыми двумя. Во-первых, там не под водой все, а наоборот — летающий город здоровый. Там тоже все очень грамотно сделано. Ну там уже больше про Америку 40-х годов.

— А ты девочек, когда ловишь, ты их убиваешь или вылечиваешь?

— Там уже все по-другому, там нет, по-моему, уже даже девочек этих. Там уже более устоявшееся общество, что ли.

Неподготовленность, непосредственность общения и отсутствие между участниками официальных отношений обязательны для непринужденной, собственно разговорной речи, которая всегда эмоциональна, экспрессивна, оценочна. Таким образом, разговорную речь можно определить как неофициальную речь в условиях непосредственного общения, следовательно, заранее не подготовленную, диалогическую, эмоциональную, устную.

Теперь рассмотрим языковой облик разговорного стиля.

Разговорный произносительный стиль характеризуется как **неполный**: менее отчетливое произношение звуков, сильное редуцирование (сокращение звуков), что связано с убыстренным темпом речи, в отличие от полного произносительного стиля с медленным темпом речи, с отчетливым произношением звуков, тщательностью артикуляции. Например, в разговорной речи можно услышать такие обращения, как *Сан Саныч, Наталья Иванна* и т.п. Это не противоречит нормам разговорного стиля, которые более демократичны, чем в любых других стилях, поскольку связаны с сильным влиянием внешних, внеязыковых факторов. Именно в разговорно-бытовом стиле можно услышать такие слова, как *ваще* (лит. *вообще*), *скоко* (сколько), *щас* (сейчас) и другие произносительные варианты.

Лексический состав разговорно-бытового стиля также своеобразен. Основу его составляют разговорные слова, которые входят в литературную лексику, но составляют особый ее ярус — сниженный. Лексика литературного языка условно делится на три большие группы. Первая — это нейтральная лексика, составляющая основу всех стилей языка, это «цемент» стилевой системы, не позволяющий ей рассыпаться на отдельные, не связанные между собой замкнутые системы. В конечном счете нейтральная лексика обеспечивает единство и однородность литературного языка. Второй лексический пласт — это «высокая» лексика. К ней относятся слова с книжной стилистической окраской, имеющие высокий стилистический статус, поскольку характеризуют речь образованных слоев населения. К книжной лексике относятся и научные термины, и поэтизмы, архаизмы, историзмы. И наконец, разговорные слова, образующие «нижний» ярус лексической системы литературного языка. Следует заметить, что «сниженность» разговорной лексики вовсе не означает отрицательную оценку, ибо это — известная свобода и непринужденность выражения, сопровождающаяся повышенной экспрессивностью и эмоциональностью. Так, среди разговорной лексики слова с положительной оценкой (*карапуз, здоровяк, малышок*) встречаются столь же часто, как и слова с отрицательной окраской (*бездельник, безалаберный, чинуша*).

Несмотря на то, что словарный состав разговорного стиля нам представляется богатым и разнообразным, на самом деле он довольно ограничен, замкнут. В разговорной речи используется не так много слов, просто они

довольно часто повторяются. Активны в основном слова с конкретными значениями, а слова с абстрактными значениями используются гораздо реже. В разговорно-бытовом стиле образуются так называемые **ситуативные слова**, которые заменяют многие точные названия предметов, например: *висюльки, бирюльки, фенички, побрякушки* (об украшениях). Такие слова-квазисинонимы (т.е. слова, синонимичные только в определенном контексте или определенной речевой ситуации) также создают видимость богатства лексики разговорного стиля, так как один и тот же предмет можно назвать несколькими словами. Именно в разговорно-бытовом стиле используются семантически опустошенные слова с очень общим, широким значением; иногда их называют **всезначащими словами**. Понять, что означают подобные слова можно только в конкретной ситуации, в которой реализуется общение, например: *забегаловка* (это слово может обозначать как дорогой ресторан, так и фаст-фуд), *железка* (любой предмет из железа, а также железная дорога), *штука, штуковина, вещь, вещица* (вообще любой предмет). Именно поэтому разговорный словарь значительно меньше по количественному и беднее по качественному составу, чем книжная лексика.

Зато этот стиль обладает богатой **фразеологией**. Фразеологизмы, пословицы и поговорки формировались в устном народном творчестве и в большинстве своем имеют яркую разговорную окраску: *уши вянут, ветер в голове, ни рыба ни мясо*. Помимо народной фразеологии в данном стиле приняты устойчивые речевые стандарты, отражающие речевой этикет, принятый в обществе. Это различные формы вежливости: *пожалуйста, спасибо, здравствуйте, будьте добры, всего самого доброго* и т.п.

К сожалению, в современной русской речи утеряны этикетные обращения, свойственные речевой культуре дореволюционной России: *господин, госпожа, дамы и господа, сударь, сударыня, барышня*. В советский период они были заменены на обращения *гражданин, гражданка*, а также *товарищ*, не имеющее гендерных отличий и одинаково употребляющееся как к мужчине, так и к женщине. Сегодня по-прежнему актуальны обращения *женщина, мужчина, девушка, молодой человек*, отражающие возраст и пол человека, к которому обращаются. Однако такие обращения вряд ли можно назвать этикетными, так как в них потеряна коннотация вежливости и эстетичности.

Словообразование в разговорно-бытовом стиле очень продуктивно. Многие слова этого стиля образуются при помощи определенных аффиксов. Чаще всего это суффиксы субъективной оценки, реже — приставки. Продуктивны уменьшительно-ласкательные суффиксы *-онк, -усеньк, -еньк, -к, -охоньк, -ик, -чик, -ок* и др. (*махонький, зайчик, малюсенький, мальчонка, чайничек, чашечка* и т.п.), аффективные суффиксы *-ас, -ага, -ун, -ш* и др. (*симпатяга, болтун, лоботряс, докторша, вруша* и т.п.). Характерны оценочные приставки, усиливающие степень качества: *пре-* (*прехорошенький*) или, наоборот, ослабляющие его: *по-* (*помаленьку, потихоньку*), встречается нанизывание приставок, придающее пренебрежительный характер лексемам: *пона-* (*понаехали, понапридумывал*).

Наиболее продуктивным способом словообразования в разговорном стиле речи является **стяжение словосочетания**, поскольку компрессивные словообразовательные модели отвечают динамизму, быстроте разговорной речи и способствуют экономии речевых усилий говорящего. Стяжение словосочетания в одно слово может сопровождаться суффиксацией: *вечерняя газета — вечерка, зачетная книжка — зачетка, электрический поезд — электричка, читальный зал — читалка* и т.п. Частотны и безаффиксные стяжения: *я на больничном* (*листе*), *зачет по зарубежной* (*литературе*), *сдал начертательную* (*геометрию*) и т.п. Характерны для разговорно-бытового стиля речи так называемые **разговорные метонимии**, когда по какой-либо части называется сам предмет или наоборот: *на студсовете решили* (ср. *на заседании студсовета*), *у меня дома полный Пушкин* (*полное собрание сочинений*).

Нужно обозначить и **морфологические особенности**, присущие рассматриваемому стилю. Поскольку наша речь обычно динамична (ведь мы стараемся рассказать о событиях, которые произошли с нами или нашими знакомыми), мы рассказываем о том, что сделали и что собираемся делать, поэтому в разговорном стиле глагол преобладает над именем существительным. Однако такие особые формы глагола, как причастие и деепричастие, практически нами не употребляются в живой речи, поскольку эти части речи имеют сугубо книжный характер, и нам проще, хотя и длиннее, попросить: *Дай мне книгу, которая лежит на столе*, чем сказать: *Дай мне книгу, лежащую на столе.*

Специфичны для разговорной речи усеченные формы глаголов, имеющие значение мгновенного и однократного действия: *хвать, прыг, скок, хап* (ср. в басне И. А. Крылова: *Мартышка, в зеркале увидя образ свой, тихохонько Медведя* ***толк*** *ногой*. Здесь *толк* употребляется в значении *толкнула*).

Среди знаменательных частей речи также очень частотны местоимения различных разрядов: личные (*я, ты, он* и др.), так как мы говорим о себе (*я, мы*), обращаемся к кому-либо (*ты, вы*), рассказываем о том, кто непосредственно не участвует в разговоре (*он, она, они*). Указательные местоимения очень часто замещают точные названия предметов, так как ситуация, в которой реализуется общение, известна говорящим: *Что ты ищешь?* ***Это*** *лежит в шкафу*.

Также активны в данном стиле междометия (*ах, ого, эх, ой* и т.п.), выражающие различные аффективные состояния участников диалога; модальные слова (*значит, видимо, думаю, знаешь, наверное*), обозначающие сомнение, уверенность и другие состояния говорящих; частицы (*да, нет, вот, ну*). Следует отметить, что часто подобные слова используются в речи чрезмерно, без надобности, засоряя нашу речь, делая ее неряшливой, и тогда они превращаются в **слова-паразиты**, затрудняющие нашу коммуникацию и обедняющие ее (*как бы, блин, конкретно, реально*). От таких слов образованный человек должен избавляться, поскольку **хорошая речь** — ясная, точная, выразительная, без штампов и слов-паразитов.

Своеобразен **синтаксис** разговорной речи. Для него характерно обилие **простых предложений**, а среди них преобладание **неполных предложений** разнообразной структуры (*Учусь на Моховой; Ты куда (идешь)? — (Я) на лекцию (иду)*). Очень активны вопросительные, восклицательные, побудительные предложения: (*— Саша! Автобус!*). Такие предложения содержат в себе свернутую информацию, которая в книжном стиле речи должна была бы иметь развернутую форму (*Саша! Иди скорее на остановку, подъезжает наш автобус*), но ситуация, сопутствующая общению, позволяет понять правильно и однозначно подобную синтаксическую компрессию, поэтому не происходит нарушения смысла высказывания.

Следует учитывать, что в целом построение диалога предполагает **эллиптичность** (пропуск компонентов высказывания, которые легко восстанавливаются в процессе

общения), поскольку в нашем общении действует один из важнейших законов языка — закон экономии речевых усилий.

С другой стороны, наша речь спонтанна, неподготовлена, непродуманна; она ситуативна и именно поэтому часто непоследовательна и избыточна. Для нее характерны прерывистость, перебивания, перестройка по ходу речи синтаксической структуры предложения (например: — *Дайте мне... у вас есть поздравительные открытки?*). В таких предложениях нет четкой границы между фразами, так как говорящий по ходу общения перестроил свое высказывание. Такие диффузные предложения типичны в разговорно-бытовом стиле речи.

Характерна для этого стиля и ослабленность синтаксических связей, проявляющаяся в пропуске союзов и союзных слов: *Вчера вышел на улицу, было жарко* (пропущен союз *когда*). Типичны конструкции с именительным темы (*Наполеон — **он** великий человек*), в которых названный предмет избыточно повторяется с помощью местоимения.

Совершенно особая роль в организации разговорной речи принадлежит **порядку слов**. В этом стиле своеобразны инверсии, которые усиливают смысл высказывания: *Вот яблок жаль что нет* (ср. прямой порядок слов: *Вот жаль, что нет яблок*).

Таковы особенности разговорно-бытового стиля, оказывающего серьезное влияние на развитие литературного языка в целом. Сегодня многие элементы разговорного стиля используются в стиле публицистическом, что способствует усилению выразительности журналистских текстов. Инверсия, эллипсис, именительный темы, столь характерные для разговорной речи, давно стали экспрессивными риторическими фигурами. Ученые считают, что все изменения нашего языка, все новшества берут начало в разговорной речи, а умение красиво говорить, четко и ясно выражать свои мысли и чувства — необходимое качество образованного человека.

3.4. Литературно-художественный стиль

Вопрос о статусе литературно-художественного стиля в функциональной стилистике является дискуссионным. Некоторые ученые (Д. Н. Шмелев, Л. Ю. Максимов,

Е. Н. Ширяев и др.) не включают данный стиль в систему функциональных стилей современного русского литературного языка на том основании, что он многостилен, т.е. использует языковые ресурсы других стилей. Литературно-художественный стиль создает и описывает не окружающую нас действительность (как все остальные стили), а вымышленную, эстетически преобразованную автором, т.е. «вторичную» реальность. Основная функция этого стиля эстетическая, и это тоже выделяет стиль художественной литературы из строго очерченной системы функциональных стилей русского языка. В то же время ряд видных ученых (В. В. Виноградов, М. Н. Кожина, Г. Я. Солганик, О. Б. Сиротинина и др.), признавая особенности данного стиля, его уникальный статус, тем не менее, находят ему место в современной системе стилей, так как он соотносится со специфической областью социальной деятельности (как и любой другой стиль). Это область художественного творчества.

Действительно, литературно-художественный стиль стоит особняком в системе стилей, так как его границы разомкнуты. Для речевой характеристики героев автор может использовать любые нелитературные средства: диалекты, жаргон, просторечие. Вот, например, как с помощью речи А. Куприн в повести «Олеся» характеризует старую крестьянку:

Приходит, например, ко мне старая баба. <...>

— Что у тебя болит?

*— В **середине** у меня болит, **панычу**, в самой что ни на есть **середине**, так что даже ни пить, ни есть **не можу**.*

— Давно это у тебя сделалось?

*— А я знаю? — отвечает она также вопросом. — Так и печет и печет. Ни есть, ни пить не **можу**.*

Внелитературные средства могут использоваться и в авторской речи, если есть художественная мотивация, например, показать быт и социальную среду героев. В. Астафьев в произведении «Прокляты и убиты» в авторском описании использует жаргонизмы и просторечные слова. Такая стилизация позволяет ярче обрисовать атмосферу, в которой разворачивается повествование:

Яшкин прошелся по карантину, обшарил кошачьими глазами лепившихся на нарах новобранцев — многие уже спали,

блатняки из золотишных забоев Байкита, Верх-Енисейска, с Тыра-Понта, как они говорили о других, секретных районах, сложив ноги калачом, сидели кругом, резались в карты. Один картежник пребывал уже в кальсонах, проиграв с себя все остальное, и, оттесненный за круг, тянул шею, издаля давал игрокам советы и указания: чем бить, каким козырем крыть. В темном, дальнем углу карантинной казармы, которую в двух концах освещали две первобытные сальные плошки да лениво горящая чугунная печка без дверец, на краю нар лепились тесно, будто ласточки на проводах, уже неделю назад прибывшие новобранцы и терпеливо ждали своего часа.

Однако, как видим, подобное многообразие средств не приводят к хаосу, лексической пестроте, так как каждое языковое средство мотивировано в художественном произведении содержательно и стилистически. Языковые средства других стилей (научные термины, диалектизмы и т.п.) используются в художественной речи не в их основной функции (например, функции сообщения, присущей научному стилю), а в **измененной** изобразительно-выразительной, т.е. в **эстетической** функции. Таким образом, эстетическая функция и функция воздействия оказывают решающее влияние на структуру языка художественной литературы.

Слова в художественной литературе часто используются в переносном значении. Однако не только метафора является образом в языке художественной литературы. Любая нейтральная лексема, вступая во взаимосвязь с другими словами художественного произведения, получает так называемые **приращения смысла** (Б. А. Ларин), превращается в символ, например: *буревестник* (М. Горький), *война и мир* (Л. Н. Толстой). Иначе говоря, любое слово в художественном контексте двупланово: оно не только называет предмет, но и является средством создания образа.

Образное слово в языке художественной литературы целиком повернуто к теме и идее конкретного произведения. При этом метафорическое значение слова нередко может быть понято и определено лишь по прочтении всего произведения, т.е. вытекает из художественного целого («Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского, «Воскресение» Л. Н. Толстого).

Ученые говорят об общей образности всего художественного произведения. А. М. Пешковский писал о том, что все языковые единицы того или иного художествен-

ного произведения направлены на выражение художественного образа, являясь в то же время строго эстетически и стилистически мотивированными и оправданными, в связи с чем устранение из текста какого-либо одного слова уже ведет, по выражению Пешковского, к «облысению» образа.

Еще одной важной стилевой чертой языка художественной литературы является **художественно-образная речевая конкретизация** (М. Н. Кожина), благодаря которой слово-понятие переводится в слово-образ. Это такая речевая организация произведения, которая специально направлена на то, чтобы ее восприятие вызывало работу фантазии читателя. Рассмотрим, например, отрывок из романа Е. Замятина «Мы»:

Я открыл тяжелую, скрипучую, непрозрачную дверь — и мы в мрачном беспорядочном помещении (это называлось у них «квартира»). Тот самый странный, «королевский» музыкальный инструмент — и дикая, неорганизованная, сумасшедшая — как тогдашняя музыка — пестрота красок и форм. Белая плоскость — вверху; темно-синие стены; красные, зеленые, оранжевые переплеты древних книг; желтая бронза — канделябры, статуя Будды; исковерканные эпилепсией, не укладывающиеся ни в какие уравнения — линии мебели. Я с трудом выносил этот хаос. Но у моей спутницы был, по-видимому, более крепкий организм.

Автор дает конкретное, детальное, очень зримое описание квартиры, хотя мог бы обойтись заключительной фразой: *Я с трудом выносил этот хаос*. Художественно-образная речевая конкретизация вовлекает читателя в мир авторских переживаний и помогает этот «хаос» увидеть, ощутить вместе с автором. Так реализуется ведущая функция литературно-художественного стиля — воздействие на читателя с помощью эмоциональных и эстетических художественных образов.

Особая эстетическая функция, приращения художественного смысла к любому слову в художественном произведении, общая образность текстов художественной литературы, их двуплановость и художественно-образная речевая конкретизация — ведущие стилевые черты языка художественной литературы. Однако центральной для этого стиля является проблема **образа автора**. Если в публицистическом произведении автор текста и образ

автора совпадают, то в художественном тексте эти понятия различаются принципиально.

Проблему образа автора художественного произведения поставил академик В. В. Виноградов. Она является центральной потому, что все особенности любого художественного произведения определяются авторским углом зрения на изображаемую им «вторичную» реальность. Автор так строит свой текст, так расставляет акценты, так группирует и соотносит разные моменты изображения, что добивается нужного впечатления, нужного воздействия на читателя. Авторский угол зрения пронизывает все произведение, объясняет роль любого художественного элемента. Причем образ автора и автор конкретного произведения — не одно и то же лицо (наглядно это можно увидеть на примере «Капитанской дочки», автором которой является А. С. Пушкин, а повествование ведется от лица Гринева). Образ автора, по В. В. Виноградову, — это «центр, фокус, в котором скрещиваются и объединяются, синтезируются все стилистические приемы произведения словесного искусства». Как сказал русский поэт начала XX в. Валерий Брюсов: «Критики любят характеризовать личность лирика по его стихам. Если поэт говорит “я”, критики относят сказанное к самому поэту. Непримиримые противоречия, в какие, с этой точки зрения, впадают поэты, мало смущают критиков. Они стараются объяснить их “случайностями настроений”. Но в каждом лирическом стихотворении у истинного поэта новое “я”. Лирик в своих созданиях говорит разными голосами, как бы от имени разных лиц. Лирика почти то же самое, что драма, и как несправедливо Шекспиру приписывать чувства Макбета, так ошибочно заключать о симпатиях и воззрениях Бальмонта на основании такого-то его стихотворения. Индивидуальность поэта можно уловить в приемах его творчества, в его любимых образах, в его метафорах, в его размерах и рифмах, но ее нельзя выводить прямо из тех чувств и мыслей, которые он выражает в своих стихах»[1].

Хотя сегодня доминирующее место по степени влияния на литературный язык занимает язык средств массовой коммуникации, стиль художественной литературы продолжает играть важную роль в развитии русского литера-

[1] *Брюсов В. Я.* Сила русского глагола. М., 1973. С. 35—36.

турного языка. Именно этот стиль формирует эстетические каноны языка и демонстрирует отношение к языку как важнейшему культурному достоянию нации, которое нужно беречь и приумножать.

3.5. Официально-деловой стиль

Из всех стилей литературного языка официально-деловой стиль самый консервативный и замкнутый. Он принципиально непроницаем для разговорной речи. Элементы делового стиля в разговорной речи хотя и возможны, но являются грубым нарушением ее внутристилевых норм и совершенно противопоказаны с точки зрения культуры речи. Строгие стилевые закономерности официально-делового стиля обусловлены тем, что он обслуживает деловые отношения между людьми, учреждениями, странами, между гражданами и государством, т.е. **административно-правовую** сферу социальной жизни.

В этом стиле выделяются такие подстили, как **законодательный («язык законов»)**, **дипломатический («язык дипломатии»)**, **канцелярский («язык канцелярии»)**. Основными жанровыми разновидностями являются различные деловые документы (автобиография, заявление, прошение), постановления, законы, указы, ноты, верительные грамоты и т.п.

Зарождение русской официально-деловой речи начинается в X в. и связано с оформлением договоров между Киевской Русью и Византией. Свое значение этот стиль, обслуживающий институциональную сферу деятельности, не утратил и сегодня. Он обладает собственной спецификой и занимает важное место в системе стилей литературного языка.

Основные особенности делового стиля — это:

1) высокая регламентированность речи, т.е. стандартное расположение материала в определенной логической последовательности;

2) официальность (строгость изложения; слова обычно употребляются в своих прямых значениях, образность, как правило, отсутствует);

3) безличностность, бесстрастность изложения;

4) императивность (предписующе-долженствующий характер речи);

5) точность, не допускающая разночтений, и логичность.

В официально-деловом стиле выработаны определенные стандарты оформления деловых документов, способствующие строгой регламентации этой ответственной сферы социальной жизни. С унифицированными документами проще работать, особенно в наш компьютеризированный век, проще обрабатывать и хранить деловую информацию. Стандарты, готовые формы делового общения (часто напечатанные в виде бланков) облегчают и усилия простых людей, поскольку им не надо каждый раз заново составлять необходимые бумаги, а необходимо лишь заполнить определенные графы уже отпечатанных документов.

В рамках официально-делового стиля существует много жанровых разновидностей, каждая из которых строится по определенным правилам, с одинаковым набором принятых для конкретного жанра реквизитов, т.е. содержательных элементов текста документа. В целом жанровые разновидности официально-делового стиля объединяются типовым набором языковых средств, традиционно используемых для передачи деловой информации.

Рассмотрим основные языковые особенности официально-делового стиля.

Основные **лексические** черты официально-делового стиля:

— профессиональные термины (например, в дипломатии — *нота, атташе, посол*);

— слова с официально-деловой окраской (*на основании, в целях, в отношении, по поводу*);

— использование слов в прямом номинативном значении;

— обилие сложносокращенных слов, номенклатурных наименований;

— отсутствие лексики с эмоционально-экспрессивной маркировкой.

Фразеология тоже весьма своеобразна: это речевые клише, обороты, штампы, необходимые для экономии речевых усилий. Так, *штрафы* только *налагаются, выговоры объявляются, присяга дается* и т.д.

Из **морфологических** особенностей нужно отметить широкое употребление отглагольных существительных на *-ение* и вообще преобладание имени над глаголом (*установление, постановление, приобретение*).

Примета официально-делового стиля — отыменные предлоги (*в течение, в продолжение, в связи с, в силу, насчет...*).

В деловом стиле принято избегать личных местоимений: *Прошу перезачесть оценку*.

Характерны также **расщепленные сказуемые**, т.е. использование вместо глагола сочетания глагола широкого значения и существительного, обозначающего действие: *(магазин) производит торговлю = торгует*.

Синтаксис официально-делового стиля отличается полнотой грамматического оформления конструкций. Это усложненные синтаксические построения, с четкой логико-грамматической структурой, как правило, с разветвленной подчинительной связью, с причастными и деепричастными оборотами, с вводными словами и вставными конструкциями.

Этому стилю присущи такие нежелательные за его рамками особенности, как **цепочки генитивов**, т.е. нанизывание родительного падежа (*Кафедра выражает удовлетворение Вашим решением о продолжении изучения стилистических особенностей языка современных СМИ*), или нагромождение падежей (*Разработка проблем дальнейшей реализации программы по улучшению жизни горожан*).

Однако подчеркнем, что это стилевые нормы только в рамках официально-делового стиля, за его пределами — это стилистическая ошибка, получившая вслед за К. И. Чуковским название **канцелярит**, т.е. «суконный язык», «язык канцелярии»; болезненное стремление необдуманно, неуместно и в то же время намеренно (для придания важности) вставлять в свою речь канцеляризмы (специальные слова, обороты, клише, штампы, которые сложились в бюрократическом, чиновничьем языке при составлении официальных документов). Нора Галь, выдающийся переводчик, в своих статьях призывает читателей: «Хочется снова и снова бить в набат, взывать, умолять, уговаривать: **берегись канцелярита!** Это — самая распространенная, самая злокачественная болезнь нашей речи. Когда-то редкостный знаток русского языка и чудодей слова Корней Иванович Чуковский заклеймил ее точным, убийственным названием. Статья его так и называлась — “Канцелярит”, и прозвучала она поистине как SOS. Не решаюсь сказать, что то был глас вопиющего в пустыне: к счастью, есть рыцари, которые, не щадя сил, сражаются за честь Слова. Но, увы, надо посмотреть правде в глаза: канцелярит не сдается, он наступает, ширится. Это окаянный и зловредный недуг нашей речи. Быстро разрастаются

чужеродные, губительные клетки — постылые штампы, которые не несут ни мысли, ни чувства, ни на грош информации, а лишь забивают и угнетают живое, полезное ядро».

Наиболее противопоказаны и чужеродны элементы официально-делового стиля в стиле разговорном. Если научный стиль, проникая в разговорную речь, обслуживающую бытовую сферу общения, только обогащает ее, то канцелярит обедняет и отрицательно влияет на сознание. Человек привыкает говорить штампами и начинает ими думать. Если клишированность, стандартизация, присущая официально-деловому стилю, упрощает наше общение в официальных ситуациях и экономит наши мыслительные и речевые усилия, то в живом устном общении использование канцеляризмов выхолащивает смысл высказываний, их эмоциональность и может привести к коммуникативным неудачам, поскольку собеседник рассчитывает на искреннее, неформальное общение.

3.5.1. Унификация содержания и языка документов (виды текстов, их оформление, речевой этикет в документе)

Документ как текст делового стиля. Назначение документа и требования к нему

Любой текст делового обихода можно назвать **документом** — письменным свидетельством, идентифицирующим личность, подтверждающим какой-либо факт, договор, директиву, какую-либо обязанность или право на что-либо. Назначение документа — урегулировать, узаконить отношения между субъектами, придать им нормативный, общественно санкционированный характер. После опубликования или принятия сторонами документ становится обязательным к исполнению.

До начала нашего века документы существовали в бумажной форме, поэтому до сих пор их принято называть **деловыми бумагами**, хотя сейчас развивается документооборот в электронной форме и распространены документы на других носителях информации (например, пластиковые карты).

Сам по себе материальный носитель информации и способ ее передачи адресату не оказывает существенного влияния на языковые особенности текста документа. Гораздо существеннее условия деловой коммуникации, общие тре-

бования официально-делового стиля, а также назначение текста, его адресат, тема.

Основные коммуникативные требования, предъявляемые к документу, — однозначность толкования и точность, исключающая инотолкование; детальность изложения; обобщенный характер документа, позволяющий применить его по отношению ко всем аналогичным ситуациям, пренебрегая несущественными деталями; обезличенность и безэмоциональность, лаконизм; достоверность. Достигаются эти качества в процессе **унификации** — приведения содержания, структуры и языка документа к единому, заранее заданному образцу, принятому для данной разновидности деловых бумаг: приказов, заявлений, анкет, резюме и др. Кроме того, единообразное оформление одинаковых документов экономит время на их составление, оформление, обсуждение (например, чтение проекта закона) при подготовке текста, повышает эффективность управленческой деятельности, ускоряет документооборот, сокращает время на обработку и исполнение документов.

Проблемы унификации документов — это тематика специального учебного курса — делопроизводства[1]. В пределах же курса культуры деловой речи, мы обратим внимание на общие принципы данной проблемы, связь этого процесса с коммуникативной, жанровой и стилевой природой документа; на основные содержательные, структурные и вербальные формы ее проявления. Процесс унификации документов проявляет себя и на уровне содержания текста, и на уровне его языковых особенностей.

Унификация содержания и структуры связана прежде всего с **жанром документа**, который в любом стиле предполагает наличие определенных смысловых элементов и их взаимосвязей, некую более-менее жесткую схему их последовательности, большую или меньшую детализацию содержания. Скажем, в любой басне автор рассказывает короткую нехитрую жизненную историю и выводит из нее мораль, которая оформляется как отдельный структурный элемент текста. Римский оратор Квинтилиан определил сумму вопросов: что? где? когда? почему? и зачем?, — которая до сих пор составляет содержательный минимум

[1] См.: *Шувалова Н. Н., Иванова А. Ю.* Основы делопроизводства и язык служебного документа. М., 2007; *Иванова А. Ю., Шевцов В. И., Шувалова Н. Н.* Документационное обеспечение государственной службы. М., 2004.

информационного материала СМИ. Однако порядок следования смысловых элементов текста как басни, так и информации может быть различным.

В отличие от приведенных примеров (да и текстов всех функциональных стилей, кроме делового), документ не предполагает даже минимальной свободы жанровой формы и основных аспектов содержания. Документ — пример максимальной стандартизованности смысла, структуры и стиля при полной обезличенности и отсутствии элементов экспрессии. Конструктивный принцип делового стиля, максимально проявляющийся в документе, — следование стандарту.

В деловой коммуникации все документы объединены в унифицированные системы документации, каждая из которых включает необходимый набор различных документов и в каждой из которых предъявляются свои требования к содержанию и форме документа в зависимости от того, какую сферу данная система обслуживает. Система формируется и определяется: 1) кругом решаемых проблем; 2) количеством уровней принятия решений и их компетенцией; 3) принципом принятия решений (коллегиальность или единоначалие).

С точки зрения смысла в документе выделяются обязательные элементы — **реквизиты** — и, если это допускается жанром, факультативные (в основном тексте документа), зависящие от конкретной ситуации. Исчерпывающий список реквизитов и порядок их применения и оформления приведены в специальном ГОСТе, включающем 31 позицию, среди которых, например, такие: герб государства, название министерства, название организации, код документа, название документа, подписи должностных лиц, печати, визы, входящие/исходящие номера и т.п.[1] Каждый жанр деловой словесности предполагает определенное количество, последовательность и даже расположение реквизитов на странице. Нередко эти параметры определяются **формуляром** — эталоном текста определенного жанра. Сам текст печатается на фирменном бланке.

Необходимо обратить внимание прежде всего на унификацию **текста** документа. По ГОСТу текст тоже включается в число реквизитов, предполагает достаточно жесткую

[1] См.: Унифицированная система организационно-распорядительной документации. Требования к оформлению документов: ГОСТ Р 6.30—97.

смысловую структуру в части основных аспектов содержания, рубрикации, но допускает и варьирование конкретного смысла в зависимости: 1) от целей, которые ставят коммуниканты во время создания документа; 2) коммуникативной ситуации; 3) назначения самого документа.

Скажем, приказ предполагает определенным образом оформленные «рамочные элементы» текста: бланк организации, в верхней части листа исходящий номер, дата, название документа «Приказ». В конце документа наименование должности руководителя, подпись с расшифровкой фамилии и инициалами имени и отчества. Текст приказа предполагает две части: 1) констатирующую — более или менее развернутую мотивировку приказа; 2) предписывающую — сам приказ. Эти части разделяются словом *Приказываю*. В предписывающей части по пунктам 1, 2, 3... перечисляются конкретные распоряжения, последним из которых нередко становится пункт о контроле за исполнением приказа: *Контроль за исполнением настоящего приказа возлагаю на...* или *Контроль за исполнением настоящего приказа оставляю за собой*.

В качестве другого примера можно привести текст договора подряда, который предполагает следующие пункты: информацию о заказчике и подрядчике, предмете договора, сроках его выполнения, обязанностях сторон, сроках выполнения подряда, санкциях за нарушение договора. Данный договор может также включать приложения (например, смету на предполагаемые работы) и/или рубрику «Особые условия». А вот о чем конкретно договорятся заказчик и подрядчик, зависит от них, но договор в любом случае не должен противоречить законодательству.

По способу графического оформления, способам унификации и степени унифицированности выделяются **трафаретные тексты** (анкеты, заявления, типовые письма, инструктивно-директивные материалы, заявки, договоры, проекты решений и др.) и **таблицы**.

Трафаретные тексты различаются по степени стандартизованности. Максимально унифицированный, стандартизованный трафаретный текст — это **бланк** (например, бланк анкеты, заявки, квитанции типового договора и т.п.), состоящий из двух частей: первая, постоянная, — это фирменный бланк с уже напечатанными в определенной последовательности названиями реквизитов (например, фамилия, имя, отчество, дата рождения, пол, гражданство и др.) и пустые

строки; вторая, переменная, — конкретные данные заполняющего деловую бумагу. Процесс создания подобного трафаретного текста, таким образом, сводится к правильному, краткому, четкому заполнению пустых строк согласно образцу. Если необходимо (скажем, при заключении договоров), текст типового договора может редактироваться и приспосабливаться к конкретной коммуникативной ситуации.

Стандартизованность такого текста ускоряет его обработку, исключает неоднозначное толкование (при грамотном его составлении) и жестко предписывает формулы делового этикета, избавляя составителя бумаги от необходимости их выбора.

Хотя документы на бланках и составляют значительную часть документооборота, но, во-первых, и сам бланк документа, например бланк типового договора, когда-то создается впервые (тогда к нему применимы критерии, изложенные ниже); во-вторых, деловой стиль не ограничивается подобной словесностью.

Значительная часть трафаретных деловых текстов, менее стандартизованных, чем бланки, независимо от принадлежности к подстилю: юридическому, дипломатическому или управленческому (приказы, инструкции, методические указания, разъяснения, информационные письма, докладные записки, проекты законов и др.) — **пишется по шаблону**, т.е. по образцу, выработанному для документов конкретного жанра (для каждого жанра — свой шаблон).

Шаблон отражает не только определенные жанром аспекты содержания в заданной последовательности (включая требования формуляра, если таковой предусмотрен); но и целеустановки текстов. По этому параметру документы делятся на информирующие (служебное письмо, докладная записка, резюме, анкета, протокол и др.); распорядительные (приказы, распоряжения, договоры, законы, заявления и др.); этикетные (поздравление, благодарность и др.). Наконец, шаблон отражает направление движения документа, его адресат: по служебной вертикали вверх, от подчиненных к руководству (заявление, докладная записка, резюме); по служебной вертикали вниз (приказы, распоряжения); между равноправными партнерами (договоры, соглашения).

Каждый из жанровых шаблонов предполагает свой набор перечисленных признаков. Скажем, заявления пишут подчиненные руководителям по разным поводам, связанным

с производственной необходимостью. Шаблон заявления предполагает в правом верхнем углу листа указание, кому (фамилия, инициалы имени и отчества, должность в дательном падеже), от кого (фамилия, инициалы имени и отчества, должность в родительном падеже) поступает заявление, например: *Директору общеобразовательной школы № 1 г. Москвы И. П. Петрову от преподавателя литературы А. И. Ивановой*. Далее посередине строки следует заголовок документа — слово *Заявление*. Затем следует текст, который включает две части: причину написания заявления и собственно просьбу. Первую и вторую часть разделяет слово *Прошу*. Далее пишется число и подпись автора. Однако бывают заявления и без мотивировки (если она сама собой разумеется), например заявление о приеме на работу. Все остальное оформляется точно так же, как указано выше.

Шаблон протокола предполагает заголовок, например: *Протокол заседания кафедры книгоиздательского дела от 31 ноября 2010 г.* Затем следует текст, включающий рубрики «Присутствовали» (перечисляются бывшие на заседании); «Слушали»; «Постановили» (если последнее имело место). В рубрике «Слушали» по пунктам перечисляются докладчики и кратко излагается суть сообщения или делается запись о том, что расшифрованный текст выступления приводится как приложение к протоколу. Если были заданы вопросы, то и они, и ответы на них приводятся в порядке поступления. Например:

СЛУШАЛИ:

1. Сидоров А. Н. — Об организации празднования трехсотлетней годовщины Бородинского сражения. Текст доклада — см. Приложение 1.

Вопрос (Иванов А. А.): Как обстоят дела с финансированием?

Ответ (Сидоров А. Н.): Этот вопрос пока не прорабатывался.

2. Петров. Б. А. — О подготовке к отопительному сезону в районе Котельники. Ни один вид работ не выполнен. Подготовка к отопительному сезону сорвана.

Вопрос (Шарапова Т. А.): Какие организационные меры необходимы для исправления ситуации?

Ответ (Петров Б. А.): Каждому чиновнику управляющей компании ООО «Рога без копыт» выдать по лопате, и от каждого требовать по способностям.

ПОСТАНОВИЛИ:

1. Принять предложение Петрова Б. А. за основу работы с управляющей компанией.

2. Закупить лопаты согласно штатному расписанию ООО «Рога без копыт».

3. Женсовету организовать школу профессионального мастерства по обучению сотрудников ООО «Рога без копыт» рытью котлованов.

Если содержание документа в целом или его разделов многоаспектно, то оно рубрицируется — графически оформляется как перечисление с нумерацией. В простейшем случае так:

СЛУШАЛИ:
1. ...
2. ...
3. ...
ПОСТАНОВИЛИ:
1. ...
2. ...

Более сложное содержание требует и более сложной рубрикации по следующему образцу:

1. ...
1.1. ...
1.2. ...
1.2.1. ...
1.2.2. ...
2. ...
2.1.
2.2.

Например, подобная рубрикация — основа составления всевозможных договоров. Фрагмент одного из возможных текстов приводится ниже (с сокращениями):

Договор подряда № 36/г-13 — 2011-10-05

От 30.06.2011-10-05

ООО «Рога и копыта», именуемое в дальнейшем «Подрядчик», в лице генерального директора Бендера О.С., действующего на основании Устава, с одной стороны, и Паниковский М. Э., именуемый в дальнейшем «Заказчик»,

действующий от собственного имени и в своих интересах, заключили настоящий договор о нижеследующем:

1. Предмет договора

Предметом настоящего договора является...

2. Техническая документация

Техническая документация представляет собой набор нормативных документов, схем, чертежей, графиков, необходимых для выполнения работ по строительству газифицированного сарая (приложение 1).

Подрядчик определяет его состав и содержание в соответствии с действующим законодательством.

3. Виды работ

3.1. Подрядчик проводит строительно-монтажные работы по прокладке наружных и внутренних сетей газопровода.

3.2. Подрядчик проводит строительно-монтажные работы по возведению фундамента, стен и кровли сарая.

3.3. Подрядчик оказывает содействие в организации врезки построенного газопровода, которая проводится силами эксплуатирующей организации.

4. Цена договора и порядок расчетов

4.1. Учитывая характер и значение объекта, а также объем и сложность работ, стороны пришли к соглашению, что цена по договору указывается в смете (приложение 2).

4.2. Цена работ, указанная в п. 4.1, не включает...

4.3. Цена работ, указанная в п. 4.1, может быть изменена соглашением сторон в случае:

— ...;

— ...;

— ....

4.4. Оплата по договору производится Заказчиком поэтапно:

— авансовый платеж при заключении договора составляет 60% от суммы сметы (приложение 2);

— окончательный расчет производится после ввода объекта в эксплуатацию.

5. Права и обязанности Подрядчика

5.1. Права Подрядчика:

5.1.1. Имеет право...

5.1.2. Имеет право...

5.2. Обязанности Подрядчика:

5.2.1. Выполнять все работы в объеме и сроки, указанные в настоящем договоре в соответствии с проектной документацией и СНиП.

5.2.2. Организовать врезку и подачу газа на объект строительства.

Графически рубрикация оформляется нумерацией, которая, в свою очередь, должна отражать смысловое членение текста, быть последовательной, что подразумевает на каждом уровне содержательного членения документа как минимум два взаимоисключающих аспекта, выделенных на общем логическом основании (см. нумерацию в примере выше).

В примере, приведенном ниже, неправильная нумерация слева (ошибочный фрагмент выделен полужирным). В отредактированном варианте нумерация должна быть такой, как справа:

2. ...
2.1. ...
3. ...
3.1. ...
3.2. ...
3.2.1. ...
3.2.1. ...

2. ...
3. ...
3.1. ...
3.2. ...
3.2.1. ...
3.2.1. ...

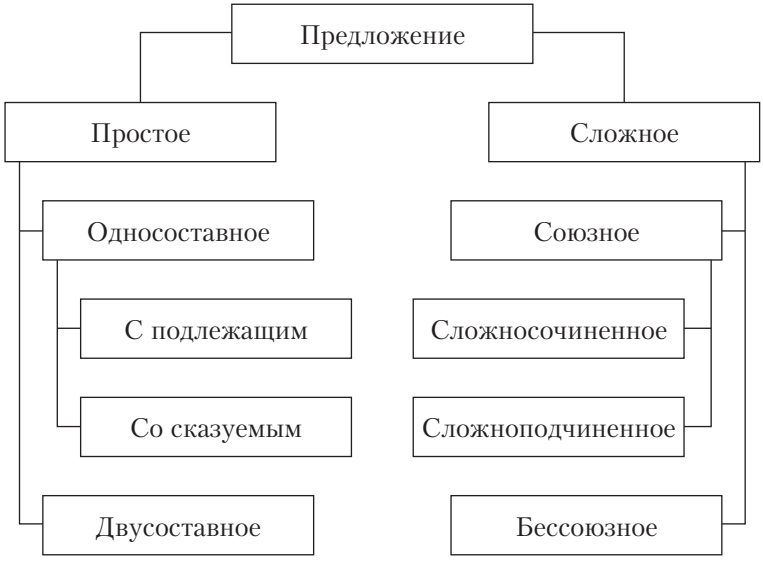
Однако нумерация — лишь удобное графическое оформление содержательного членения текста, которое подчиняется логическим правилам его организации, и задача составителя — проверить рубрикацию на предмет соответствия этим требованиям.

Существуют два основных принципа общей организации содержания.

Первый — хронологический, когда содержание документа излагается в соответствии с ходом событий: *Пришел. Увидел. Победил* или *Споткнулся. Упал. Очнулся. Гипс.* В текстах документов этот принцип может быть основой, например, протоколов: *Присутствовали — Слушали — Постановили.*

Второй — тематический, который подразумевает, во-первых, **упорядоченное изложение аспектов содержания, предусмотренных назначением документа и жанром**. Скажем, экспертное заключение предполагает информацию о заказчике экспертизы, экспертах, их компетенции и полномочиях, ее предмете, составе решаемых вопросов,

выводах, аргументации и использованной при исследовании предмета экспертизы документной базе. Эти сведения излагаются в порядке, предусмотренном шаблоном жанра. Во-вторых, **тематический принцип** организации содержания нередко **опирается на логическую классификацию** — систему соподчиненных понятий, объединенных тематически. Скажем, хорошо знакомая со школы классификация предложений выглядит так:



В основе смысловой организации любой классификации поэтапное выделение частных понятий из более общего, в результате чего организуется своеобразное «понятийное древо», вершину которого составляет наиболее общее понятие (в нашем случае — *Предложение*), далее разветвляющееся на более узкие и конкретные на основании какого-либо общего признака (все предложения по количеству грамматических основ делятся на простые, с одной основой (*Контора пишет*) и сложные, с двумя и более (*Петя пел, / Борис молчал, / Николай ногой качал*). Далее простые предложения по тому, сколько главных членов в грамматической основе, делятся на двусоставные, с подлежащим и сказуемым (примеры выше), и односоставные, в которых есть либо подлежащее (*Двадцать первое. Ночь. Понедельник* (А. Ахматова)), либо сказуемое (*Приезжайте к нам на Колыму*).

Простейшая операция классификации — это **логическое деление**, т.е. выделение частных понятий из общего. Данная операция будет корректной, если соблюдаются следующие правила:

— единство основания и непрерывность деления — выделение частного из общего на основе единого признака;

— взаимоисключаемость членов деления и равнообъемность делимого всем членам деления, т.е. значения частных понятий должны не пересекаться между собой и в сумме совпадать с объемом делимого.

Правило непрерывности деления и взаимоисключаемости его членов нарушено, например, в таком ряду из деловой рекламы: *бытовая и встроенная техника*. В логически корректном виде в зависимости от того, что рекламируют, данный ряд должен выглядеть иначе: *бытовая техника: встроенная и отдельно стоящая* или *встроенная бытовая техника*.

Нередки случаи, когда члены деления обозначают одно и то же: *Техническая документация представляет собой набор* ***нормативных документов****, схем, чертежей, графиков, а также* ***иных документов****, необходимых для выполнения работ по договору. Подрядчик обязан определить ее состав и содержание в соответствии с действующим законодательством*. Каких *иных*, если известно, что все работы должны выполняться в соответствии только с *нормативной документацией*? А все остальное — от лукавого. Выправленный текст может выглядеть так: *Техническая документация представляет собой набор нормативных документов, необходимых для выполнения работ по договору, состав и содержание которого Подрядчик определяет в соответствии с действующим законодательством*.

Наконец, нередко делимое вообще не соотносится с членами деления как общее и частное: *В семье Ростовых три дочери: Наташа, Вера и Николай*. Логические несуразности такого рода допускают не только школяры в ученических работах, но и вполне взрослые деловые люди. Например, сравним название и содержание рубрики:

3. Строительно-монтажные работы

3.1. Подрядчик производит строительно-монтажные работы по прокладке наружных и внутренних сетей газопровода согласно проектной документации.

3.2. Подрядчик оформляет исполнительную документацию, предъявляет эксплуатирующей организации установленным порядком, организовывает проведение государственной комиссии при сдаче построенного газопровода.

3.3. Подрядчик содействует в организации врезки построенного газопровода, которая производится силами эксплуатирующей организации.

Как видим, работы, предусмотренные, по крайней мере, пунктом 3.2, в переводе с чиновничьего на русский строительно-монтажными не являются. Выправить этот текст можно, изменив название рубрики, например, так: *3. Строительно-монтажные и сопроводительные работы.*

Отдельный аспект содержательной унификации текста, обеспечивающий его однозначное и правильное толкование — работа с определениями ключевых терминов документа. **Термин** — это слово и словосочетание какой-либо сферы деятельности, за которым закреплено общепринятое, строго заданное содержание. Последнее раскрывается в определении, к которому в деловом стиле предъявляются требования предельной ясности, прозрачности, точности, однозначности, максимального соответствия названному термином явлению действительности.

Любое определение состоит из двух частей: определяемого, т.е. самого термина, например *семья*, и определяющей части, в которой перечисляются его общепринятые содержательные признаки, например *группа близких родственников, проживающих вместе*. Наиболее распространенная логическая форма определения — **дефиниция**, в которой называется сначала ближайший родовой признак (*группа близких родственников*), затем необходимые видовые отличия; в данном примере хватило одного из них — *проживающих вместе*. Помимо дефиниции, в деловом стиле распространены так называемые **казуистические** определения, в которых дается исчерпывающий список предметов и явлений, включенных в объем термина: *Работодатель имеет право применить следующие* ***дисциплинарные взыскания****: 1) замечание; 2) выговор; 3) увольнение по соответствующим основаниям.*

Любое определение должно соответствовать следующим логическим требованиям:

1. **Определяемая и определяющая части должны быть равны по объему.** В противном случае под термин может

быть подведен неограниченно широкий круг явлений. Так, в ст. 1 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» термин *оперативно-розыскная*[1] *деятельность* определен очень широко: «Оперативно-розыскная деятельность — вид деятельности, осуществляемой гласно и негласно оперативными подразделениями государственных органов, уполномоченных на то настоящим Федеральным законом (далее — органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность), в пределах их полномочий посредством проведения оперативно-розыскных мероприятий в целях защиты жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств». Это оправдывает любое действие силовых структур, подчас далекое от декларированных целей охраны общественного порядка и законности.

Может быть и наоборот: не все существенные явления попадут под определение термина. Например, в одной из редакций жилищного законодательства в определение понятия *жилое помещение* не попали переоборудованные властями под жилье нежилые помещения (например, бани, сараи), жильцы которых в результате были ущемлены в правах по сравнению с проживающими в обычных жилых домах.

2. **Термин должен раскрываться только через существенные, общепринятые признаки.** Если это правило не соблюдается, то повторяется исторический анекдот времен античной Греции, когда в пылу спора философ Платон дал такое определение: *Человек — это двуногое без перьев.* На что его ученик Аристотель принес ощипанного петуха и сказал: *Вот человек Платона.*

3. **Определение дается в утвердительной форме.** Отрицание может быть в него включено только как обозначение **изъятий**, т.е. исключений — явлений, которые термин не обозначает: ***Дискриминацией*** *признается <...>. Не являются дискриминацией необходимые ограничения или предпочтения, связанные со спецификой трудовой деятельности работника либо обусловленные особой заботой государства о лицах, нуждающихся в дополнительной социальной и правовой защите.*

---

[1] Сохранена орфография, существовавшая на момент принятия Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности».

Деловой стиль в целом и текст отдельного документа в высокой степени терминологизированы. Их содержательная основа — понятия делопроизводства, управления, экономики, дипломатии, права, в пределах области деятельности объединенные в терминосистемы. Термины должны употребляться вне зависимости от контекста единообразно, согласно закрепленному за ними в терминосистеме значению.

Подведем итоги: добиваясь унифицированности содержания (что включает и корректность) документа, его составитель должен:

— проверить обоснованность выбора и последовательность соблюдения принципа организации материала в соответствии с хронологией или темой, соответствие шаблону жанра с точки зрения включения необходимых аспектов содержания и их последовательности;

— обратить внимание на соблюдение правил классификации и логического деления;

— проверить правильность рубрикации и нумерации;

— проверить корректность определения терминов и соответствие их значения в документе общепринятому значению в терминосистеме.

Еще одна форма организации материала применяется тогда, когда в тексте надо представить статистику — однородные, объединенные одним логическим основанием данные. Такой формой является **таблица**, в которой в строках и графах указанные данные и группируются. Чем обширнее статистика, тем больше оснований прибегнуть к табличной форме.

Ниже приведены необходимые элементы таблицы:

1. Тематический заголовок, который обязательно предпосылается всей таблице и размещается над ней, обобщенно называет тему и содержательно связан с любым элементом таблицы как целое и часть. Например: *Результаты испытаний воды № 293 от 29.04.2010*. Если необходимо, в области тематического заголовка могут быть приведены данные о заказчике, месте, исследуемом материале.

Тематический заголовок

2. Содержательно любая таблица состоит из двух частей.

Первая часть — тематическая, заголовочная, текстовая. В ней обобщенно называются предметы, которые будут далее характеризоваться, т.е. **логические подлежащие** (в представленных ниже таблицах эти части в серой заливке). Она занимает верхнюю строку, названную головкой таблицы, и крайнюю левую графу, названную боковиком.

Если все логические подлежащие первой половины заголовочной части — головки — или некоторые из них соотносятся друг с другом как целое и часть, то в графическом виде это изображается как старший заголовок и зависимые от него младшие заголовки, например, так (см. часть таблицы в серой заливке):

Измеряемые показатели, ед. измерения	Фактические значения	Предельно допустимая концентрация примесей в питьевой воде, согласно нормативу		
		СанПиН Питьевая вода 2141074-01	Европейского экономического сообщества	Всемирной организации здравоохранения

В крайней левой ячейке головки дается обобщенное название всех рубрик боковика — второй половины заголовочной части таблицы. Оно должно соотноситься со всеми заголовками боковика, которые будут располагаться в столбик ниже, как целое и его части, например (см. часть таблицы в серой заливке):

Измеряемые показатели, ед. измерения	Фактические значения	Предельно допустимая концентрация примесей в питьевой воде, согласно нормативу		
		СанПиН Питьевая вода 2141074-01	Европейского экономического сообщества	Всемирной организации здравоохранения
Водородный показатель, РН, ед.	С	Т Р Г Р А Ф А	О К	А
Цветность, град.				
Мутность, ЕМФ				

Вторая часть чаще всего цифровая, собственно статистическая. В ней в строках (горизонтально) и графах (вертикально) представляются логические сказуемые — данные, характеризующие логические подлежащие, названные в головке и боковике. Совокупность всех граф таблицы, читаемых сверху вниз, называется прографкой, оформляемой параллельными вертикальными линиями, разделяющими между собой отдельные графы. Совокупность всех строк таблицы, читаемых слева направо, называется хвостом и не обязательно выделяется горизонтальными разделяющими строки линиями.

Чтобы получить необходимую информацию, таблица читается слева направо и сверху вниз. На перекрестье строки и графы и будут находиться интересующие данные (ниже это показано стрелками и выделено полужирным):

Измеряемые показатели, ед. измерения	Фактические значения	Предельно допустимая концентрация примесей в питьевой воде, согласно нормативу		
		СанПиН Питьевая вода 2141074-01	Европейского экономического сообщества	Всемирной организации здравоохранения
Водородный показатель, PH, ед.	↓ → **7,27**	6,0—6,9	6,2—8,5	6,5—8,5
Цветность, град.	3,3	↓ → **20,0**	20,0	20,0
Мутность, ЕМФ	10,2	2,6	1,0	2,0

Для того чтобы быть удобным, компактным и наглядным способом организации и представления больших совокупностей сопоставимых данных, таблица должна отвечать строго определенным оформительским и логическим требованиям. Основные оформительские требования сводятся к тому, что тематический заголовок, а также все рубрики головки и боковика должны быть оформлены единообразно, представлять синтаксически целостные единицы (слова, словосочетания, предложения). Если заглавия головки логически связаны как часть и целое и оформляются как старший заголовок (верхний ярус) и младшие (нижний ярус), то младший заголовок пишется:

— со строчной буквы (кроме имен собственных) и ставится в нужный падеж (как показано выше), если он в совокупности со старшим заголовком составляет синтаксически целостное высказывание;

— младший заголовок пишется с прописной буквы и ставится в именительном падеже, если он и старший заголовок синтаксически самостоятельны.

В формулировках как головки, так и боковика допускаются только общепринятые, общепонятные, соответствующие действующему стандарту сокращения.

В заголовочной части таблицы не должно быть пустых ячеек. Единицы измерения даются не в отдельных рубриках, а выносятся в заголовок, общий для всей группы данных (в приведенном примере это рубрики боковика) и приводятся через запятую (..., *кг/м*). Рубрики типа «Порядковый номер», «Всего», «Итого» чаще всего избыточны, поскольку их информация сама собой следует из таблицы.

Логически тематический заголовок таблицы должен отражать тему всех статистических данных и быть связанным с любым из логических подлежащих (рубрик заголовочной части), а также с любым из логических сказуемых (собственно статистических данных) как часть и целое. Все рубрики боковика и головки между собой должны быть взаимоисключающими (кроме старших и младших заглавий головки, которые соотносятся как общее и частное). Данные в графе и строке объединяются общим логическим основанием, должны быть сопоставимы и представлены в одних и тех же единицах измерения. Если это цифровые данные, то цифры располагаются по разрядам.

Рубрики заголовочной части и сами данные таблицы располагаются в соответствии с каким-либо логическим принципом: по алфавиту, по хронологии, по убыванию или возрастанию величин, по тематике, наконец, возможно расположение по традиции. Любой из этих принципов должен последовательно соблюдаться, а сам его выбор — быть мотивированным характером информации, содержащейся в таблице.

Если таблица — часть текста документа, то она должна быть вербально связана с этим текстом. Таблицу можно включить в документ с помощью специальной подводки — формулировки, предупреждающей о том, что далее данные будет представлены в таком виде, и, возможно, отражающей основную идею таблицы (*Далее в таблице представлены...*), либо ссылки (*см. табл.*).

3.5.2. Унификация языка документов

Унификация языка документа проявляется в отборе языковых средств, формирующих своеобразие делового стиля как одной из функциональных разновидностей языка.

Основа делового стиля **в лексике**:

— законодательная, управленческая, дипломатическая терминология (*придомовая территория, наемный работник, агреман, трудовой договор*);

— процедурная лексика (*правонарушение, исполнитель, истец, ответственный*);

— номенклатурные наименования в виде аббревиатур (см. ниже) и в развернутом виде (*Дирекция по эксплуатации зданий; Единый расчетно-информационный центр; контора «Рога и копыта»; коммерческий директор*), которые включают названия предприятий и организаций, наименования должностей работников, продукции и товаров;

— преобладание обобщенных, родовых наименований (*головной убор*, а не *кепка, шапка* или *панамка; осветительный прибор*, а не *фонарь* или *лампочка*);

— высокая частотность и словообразовательная активность аббревиатур и графических сокращений (*РЭП, ЖКХ, ГУИС, зав. отделом, главбух*), которые отнюдь не всегда согласуются с общепринятыми представлениями об эстетике и культуре речи и давно стали любимым объектом насмешек (например, *зам. зав. каф. ТЯФ А. Ф. Собакин* — заместитель заведующего кафедрой теории ядерной физики А. Ф. Собакин);

— частотность отглагольных имен существительных в составе глагольно-именных сочетаний (*оказывать помощь, осуществлять контроль*);

— активность производных предлогов (*во исполнение, в соответствии с, благодаря*), которые включают в состав предложения предложно-именные группы (*во исполнение решения, согласно постановлению, в соответствии с должностной инструкцией*) и предлога *по* в объектном значении (*комиссия по защите прав потребителей, комиссия по архитектуре и градостроительству*).

Морфологическое своеобразие делового стиля возникает за счет:

— преобладания инфинитива глагола в значении волеизъявления (*организовать субботник по весенней уборке территории, назначить и.о. директора А. И. Петрова; боярам в Думе говорить по ненаписанному, дабы дурь каждого*

видна была; Флоту Российскому быть; два последних примера — указы Петра I);

— широкого использования настоящего времени в неактуальном значении, не соотнесенном с моментом говорения (*Подчиненный перед лицом начальствующим должен иметь вид лихой и придурковатый! Дабы не смущать начальство разумением своим* (Петр Первый));

— предпочтения существительных мужского рода даже при обозначении лиц женского пола: *ответственный за противопожарную безопасность — А. И. Иванова*);

— практически полного отсутствия личных местоимений первого лица (*я, мы*);

— активности словосложения как способа словообразования лексики делового стиля (*правонарушение, правоприменение, правопреемник, правоустанавливающий*).

Основные **синтаксические черты** делового стиля:

— преобладание безличных и пассивных конструкций, фиксирующих внимание на действии, а не его исполнителе (*Командовать парадом приказано мне; Достигнуто соглашение; Комитетом по охране исторического наследия проведены мероприятия*);

— именной строй фразы, основанный на терминологии, отглагольных существительных, вводимых в предложение производными предлогами обстоятельственных значений (*в порядке оказания технической помощи*; *в случае невыполнения долговых обязательств*; *в соответствии с принятой договоренностью*);

— нанизывание падежей (прежде всего родительного) в сложных словосочетаниях (*В целях обеспечения широкой гласности деятельности Министерства науки и образования...*);

— стандартизация формулировок, отражающих типичные обстоятельства делового взаимодействия сторон (*договор вступает в силу со дня подписания; жалобы принимаются в установленные законом сроки в установленном порядке*);

— повторы формулировок, не расцениваемые как стилистический недостаток и направленные на достижение максимальной ясности и конкретности изложения (***II. Задачи Начальника Отдела закупок*** — заголовок раздела документа; ***Начальник Отдела закупок***: ... — начало раздела);

— использование перечней в качестве исчерпывающих, закрытых перечислений, в основе которых однородные

члены предложения, что отражает логическую организацию текста, например (о необычном использовании прописных букв см. в конце параграфа).

Начальник Отдела закупок:

1. Руководит работой Отдела закупок, распределяет среди менеджеров Отдела ответственность за определенные товарные группы и за дополнительные направления работы.

2. Определяет порядок и процедуру закупки продуктов питания, критерии и нормы проведения сделок по закупке, определяет и согласовывает порядок расчетов с Поставщиками;

— распространение предложения посредством причастных и деепричастных оборотов (*Начальник Отдела закупок подчиняется Коммерческому директору или лицу, его замещающему, выполняет поручения Генерального директора*);

— ограничение сочетаемости слов, ее стандартизация (*контроль* обычно *возлагается; платеж — производится; счет — выставляется/оплачивается; необходимость* бывает *настоятельной; скидки — значительными; разногласия — существенными/несущественными*).

Основная **форма реализации** делового стиля в коммуникации — **письменная**. Устные жанры в ней относительно немногочисленны и представляют стилистическую периферию, сочетающую черты собственно делового и обиходно-разговорного стиля.

Правописание в документе может отличаться от общепринятых правил. Это касается употребления прописных букв для обозначения фигурантов (*Исполнитель, Заказчик*); названий подразделений и организаций (*Отдел продаж*); наименований документов (*Инструкция, Приказ*). Также применяются специальные пунктуационные правила при оформлении перечней. В частности перед перечислением в деловом стиле принято ставить двоеточие.

3.5.3. Язык инструктивно-методической документации и коммерческой корреспонденции. Телефонный разговор. Речевой этикет делового письма и разговора

В любом функциональном стиле языка обнаруживаются жанры, сферы и ситуации общения, которые в наиболее наглядном и полном виде представляют его коммуникативную и стилевую специфику, и те, которые обнаруживают некоторую стилевую размытость, черты других функцио-

нальных стилей. Первые из них принято относить к ядру стиля, вторые — к периферии.

В деловом стиле, в частности в административно-управленческом подстиле, ядро составляет организационно-распорядительная (приказ, распоряжение, директива) и инструктивно-методическая (инструктивное письмо, должностная инструкция, инструктивная записка, памятка, положение о структурном подразделении и подобные документы) документация, назначение которой — регулировать деловую активность субъектов. Принадлежность указанных видов к ядру стиля определяется по следующим признакам.

Существуют они в единственной, основной для делового стиля форме — письменной. Тип отношений адресата и адресанта — служебная иерархия: документы адресованы вышестоящими подчиненным. Назначение подобных документов — быть инструментом управления. Характер текста — директивный: это волеизъявление вышестоящего, обязательное для исполнения младшими (*Приказываю: послать войско выбить крымского хана с Изюмского шляха*). В среде военных, где директивный стиль управления и по сути, и по форме наиболее жесткий существует даже поговорка: *Приказы не обсуждают — их выполняют.*

Каждый такой документ — это, с одной стороны, правовой акт, регулирующий деловые отношения сторон, их полномочия, обязанности, права, а с другой — элемент документирования деятельности учреждения, без которого невозможно существование любого делового субъекта, независимо от его формы собственности (частная; государственная; смешанная), типа деятельности (коммерческая, направленная на извлечение выгоды; некоммерческая: научная, образовательная, культурная) и подчиненности (Минздравсоцразвития это или районный детский сад, подчиненный этому министерству через десяток промежуточных все выше и выше вышестостоящих организаций типа РОНО, ГУНО и пр.).

Каждый жанр инструктивно-методической документации в процессе документирования деятельности учреждения функционирует не изолированно, а как элемент, выполняющий строго определенные управленческие функции в составе унифицированной системы документов, необходимой и достаточной для нормальной работы, например

отчетно-статистической, бухгалтерской, организационно-распорядительной.

Все эти коммуникативные свойства и определяют в конечном счете смысл, структуру и стилистические качества распорядительного и инструктивно-методического документа любого жанра, его предельную степень унифицированности, стандартизованности, строгое следование формуляру или шаблону.

Поскольку о приказах было достаточно сказано выше, проиллюстрируем сказанное на примере жанра инструктивно-методической документации — должностной инструкции (о необычном использовании прописных букв в названиях фигурантов см. в предыдущем параграфе):

«УТВЕРЖДАЮ»
Генеральный директор
Компании «ХХХ»

_____Иванов И. И.
«____»_____20__ г.

НАЧАЛЬНИК ОТДЕЛА ЗАКУПОК
Должностная инструкция

I. Общие положения

1. Начальник Отдела закупок относится к категории Руководителей.

2. На должность Начальника Отдела закупок назначается лицо, имеющее высшее образование и стаж работы по специальности в области закупок не менее трех лет.

3. <...>

4. Начальник Отдела закупок должен знать:

4.1. Основные законодательные и нормативно-правовые акты, регламентирующие деятельность Компаний по оптовой и розничной торговле продуктами питания.

4.2. Сложившуюся финансовую и хозяйственную практику в данной сфере.

4.3. Требования Компании к качеству товаров.

<...>

5. Начальник Отдела закупок подчиняется Коммерческому директору или лицу, его замещающему, выполняет поручения Генерального директора.

<...>

II. Задачи Начальника Отдела закупок

Начальник Отдела закупок:

1. Организует и лично руководит закупками товара по всему торговому ассортименту Предприятия.

2. Формирует ассортимент, определяет объемы закупки и участвует в ценообразовании.

<...>

III. Должностные обязанности

Начальник Отдела закупок:

1. Руководит работой Отдела закупок, распределяет среди менеджеров Отдела ответственность за определенные товарные группы и за дополнительные направления работы.

2. Определяет порядок и процедуру закупки продуктов питания, критерии и нормы проведения сделок по закупке, определяет и согласовывает порядок расчетов с Поставщиками.

3. Контролирует состояние складских запасов по всем ассортиментным группам.

<...>

IV. Права

Начальник Отдела закупок вправе:

1. Действовать от имени Предприятия, представлять интересы Предприятия во взаимоотношениях с иными организациями, органами государственной власти по вопросам организации закупок.

2. Знакомиться с проектами решений Руководства Предприятия, касающимися закупок и сбыта продукции.

<...>

V. Ответственность

Начальник Отдела закупок несет ответственность:

1. За ненадлежащее исполнение или неисполнение своих должностных обязанностей, предусмотренных настоящей должностной инструкцией, — в пределах, определенных действующим трудовым законодательством Российской Федерации.

2. За причинение материального ущерба — в пределах, определенных действующим трудовым и гражданским законодательством Российской Федерации.

<...>

VI. Критерии оценки деятельности Начальника Отдела закупок

Критериями оценки деятельности Начальника Отдела закупок являются:

1. Соблюдение бюджета закупок.
2. Выполнение планов Предприятия по марже.

VII. Заключительные положения
1. Настоящая Должностная инструкция составлена в двух экземплярах, один из которых хранится у Предприятия, другой — у работника.
2. Задачи, Обязанности, Права и Ответственность Начальника Отдела закупок могут быть уточнены в соответствии с изменением Структуры, Задач и Функций Коммерческой службы.
3. Изменения и дополнения в настоящую Должностную инструкцию вносятся приказом Генерального директора Предприятия.

Коммерческий директор _____
(подпись) (фамилия, инициалы)
«____» _____20__ г.
С инструкцией ознакомлен: _____
(подпись) (фамилия, инициалы)
«____» _____20__ г.

Как и всякий документ делового стиля, должностная инструкция включает предусмотренные шаблоном жанра реквизиты: визу руководителя организации (в данном случае генерального директора), с названием организации и датой принятия документа; подпись руководителя подразделения (в данном случае коммерческого директора), под началом которого будет работать сотрудник, с датой и расшифровкой фамилии и инициалами и подпись самого сотрудника, для которого инструкция и предназначена, также с датой и расшифровкой фамилии и инициалами и, наконец, сам текст.

Необходимо обратить внимание на содержание и структуру рассматриваемого документа: заголовок (название должности), подзаголовок (жанр документа) и рубрицированная основная часть с нумерованными пунктами и подпунктами, отражающая его смысловую структуру.

В языке этого документа четко прослеживается большинство черт делового стиля, названных выше: абсолютно единообразное синтаксическое оформление всего текста, каждая рубрика которого оформлена как перечень, а каждый пункт синтаксически продолжает первую фразу в составе рубрики.

Критериями оценки деятельности Начальника Отдела закупок ***являются****:*

1. ***Соблюдение*** *бюджета закупок.*

2. ***Выполнение*** *планов Предприятия по марже.*

Между собой все пункты связаны перечислением, как однородные члены предложения.

Нужно также обратить внимание на именной строй фразы, в которой преобладают отглагольные существительные (*соблюдение, выполнение, причинение, изменение*), обобщенные наименования (*лицо, продукты питания, товары, интересы, ассортиментные группы*), номенклатурные наименования и термины (*маржа, Начальник Отдела закупок, бюджет*), сложные словосочетания из существительных в косвенных падежах (прежде всего родительном): *Критерии оценки деятельности Начальника Отдела закупок.*

Осложняют состав предложения только причастные обороты: *лицо, имеющее высшее образование и стаж работы..; нормативно-правовые акты, регламентирующие деятельность Компаний.* Глаголы настоящего времени употреблены в неактуальном значении, не связанном с моментом принятия документа, и имеют характер предписания (должен, обязан): *Начальник Отдела закупок: 1.* ***Руководит****..; 2.* ***Определяет****..; 3.* ***Контролирует****...*

Наименования организаций и отделов, а также должностей написаны с прописной буквы, перечни даются после двоеточия и каждый пункт с новой сроки и с большой буквы, хотя синтаксически они только продолжают фразу до двоеточия. Все это делается, чтобы выделить ключевые смысловые элементы в составе текста и сосредоточить на них внимание читающего.

Стилистически текст предельно информативен, безэмоционален, объективирован, нацелен на однозначное истолкование, обобщен и в то же время конкретен.

Все перечисленное и составляет специфику делового стиля, которая в «ядерных» жанрах проявляется максимально полно. Это можно проследить также на примере других видов документов, отражающих адресацию не только сверху вниз по иерархической лестнице, но и снизу вверх, от подчиненных к руководителям (заявление, докладная записка), и к равным по статусу партнерам (договор, соглашение).

Указанную специфику очень хорошо осознают или, по крайней мере, интуитивно чувствуют и коммуниканты: если правила игры нарушаются, это сразу становится предметом всеобщего веселья. Возник даже особый юмористический жанр — цитаты из документов. Приводим одну, автор которой очень старался соответствовать стилю. А вам, уважаемые читатели, предлагаем: определите, какие реквизиты включает этот текст, и найдите в нем как можно больше черт деловой письменной речи:

В ОВД...
от гр. А. И. Иванова,
проживающего по адресу...

Заявление

Прошу оказать содействие в обуздании бытовых мероприятий, применяемых ко мне женой, выражающихся в оскорблениях и заключившихся сегодня ударом полена по голове, то есть найдя мое слабое место.

Дата
Подпись

К **периферии** делового стиля обычно относят коммерческую корреспонденцию, поскольку в целом письма менее жестко регламентированы, чем директивные или инструктивно-методические жанры.

Письма подразделяются на требующие и не требующие ответа, они могут быть адресованы одному или нескольким адресатам (в последнем случае чаще всего это письма из вышестоящей организации в нижестоящие — так называемые **циркулярные письма**). Помимо традиционной почтовой рассылки, телеграфа и телетайпа, широко практикуется пересылка по электронной почте и использование факсимильной связи. По целеустановке коммерческая корреспонденция весьма разнообразна с точки зрения видов документов, среди которых выделяются письма-приглашения, подтверждения, запросы, рекламации, извещения, напоминания, отказы, гарантийные письма (это далеко не полный список).

Для описания особенностей культуры деловой речи важна классификация писем по трем признакам:

— регламентированные/не регламентированные шаблоном;

— адресованные организации в целом/ответственному должностному лицу как представителю организации;

— официальные/полуофициальные.

Сочетание этих признаков в каждом конкретном документе и располагает его ближе к ядру или периферии делового стиля.

Начнем с наиболее близких к ядру **официальных писем**, регламентированных шаблоном и направленных в адрес организации. Это жестко стандартизованная и по смыслу, и по структуре, и по языку группа документов, по степени регламентации, которая касается и содержания, и состава реквизитов, и даже формата бумаги, мало чем отличающаяся от рассмотренных выше документов инструктивно-методических. Такие письма решают типичные правовые и экономические вопросы, возникающие регулярно во взаимодействии субъектов деловой активности. Стандартная ситуация порождает стандартный текст, составленный из стандартных текстовых блоков, среди которых указания на причины (*В связи с неполучением счета-фактуры...*; *Ввиду задержки поставок...*), цели (*В целях дальнейшего совершенствования...*; *В ответ на Ваш запрос...*), ссылки на основания (*Согласно протоколу о культурном обмене...*). Внутри блоков меняются только сведения о конкретных обстоятельствах и фигурантах. Нередко для подобных писем существуют заранее заготовленные бланки. Адресованы такие документы нередко организации, что само собой снимает этикетные проблемы обращения

Регламентированные письма, как правило, состоят из двух частей. В первой излагаются причины, основания, цели написания письма, а во второй, **основной**, в соответствии с целеустановкой излагается **просьба**, **претензия**, **гарантия**, **напоминание** и т.п. (*В связи с вышеизложенным просим/гарантируем/напоминаем...*). При составлении подобной корреспонденции важно учитывать специфику оформления реквизитов: письмо пишется, как правило, на фирменном бланке, а в шапке слева указывается официальное название организации-адресанта, исходящий номер и дата, справа — адресат:

Российская Федерация,
Администрация г. Москвы,
Управление по надзору за образованием,
117103, г. Москва, ул. Садовая-Грязь, 541
04.10.1934 г.

ОАО «Рога и копыта»

Исходящий номер _____

Далее следует текст и под ним подпись с расшифровкой фамилии и инициалами должностного лица соответствующего уровня:

Напоминаем, что в 1925 г. подписан контракт между Управлением по надзору за образованием Администрации г. Москвы и ОАО «Рога и копыта» на льготную поставку рогов преподавательскому составу общеобразовательных школ ЦАО г. Москвы. Поэтому оплачивать торговую наценку в размере 25% Управление по надзору за образованием не будет.

Зиц-председатель Управления
по надзору за образованием *Л. Я. Борисова-Фукс*

Регламентированные письма могут быть направлены и в адрес должностного лица как представителя организации. Пишутся они по тому же шаблону, но в шапке указывается лицо-адресат и начинаются они либо как письма к адресату-организации (см. пример выше), либо с официального обращения к человеку.

Российская Федерация,
Администрация г. Москвы,
Управление по надзору за образованием,
117103, г. Москва, ул. Садовая-Грязь, 541
04.10.1934 г.

Директору ОАО «Рога и копыта» г-ну Бендеру О. С.

Уважаемый господин О. С. Бендер! или *Уважаемый господин директор!*

Напоминаем, что в 1925 г. подписан контракт...

Вторая группа писем — это **авторские тексты**, но **официального характера**, обстоятельства и цели написания которых не позволяют автору ориентироваться только на шаблон: это презентации, приглашения, коммерческая реклама, ходатайства, благодарственные письма и подобные произведения деловой словесности. Пишутся они также на фирменных бланках, которые являются своеобразной визитной карточкой организации. Под реквизитами на бланке следует указать дату написания письма.

Степень индивидуализации такого делового официального письма весьма относительна: по смыслу и структуре такие произведения все равно проявляют тенденцию к стандартизации насколько это возможно. Язык же такой корреспонденции унифицирован в соответствии со всеми

требованиями делового стиля и по существу мало чем отличается от языка шаблонных писем.

В настоящее время популярен стиль письма, в котором предельно четко структурируется его содержание и по смыслу, и с помощью приемов оформления.

Если письмо касается одной темы, то ее можно указать до обращения, сразу за реквизитами:

ОАО «Веста»,
Москва, ул. Гиляровского, 21
29.10.09
О контракте на поставку овощей

После обращения следует сообщать информацию по существу.

Если решается несколько вопросов, то удобно после обращения структурировать письмо по темам, обозначая каждую из них, например:

Уважаемый господин Смит,
О контракте на поставку овощей. (Далее текст.)
О Ваших предложениях по... (Далее текст.)

В каждом текстовом блоке кратко излагается суть отдельного вопроса, первый абзац начинается вровень с текстом, а не с красной строки, а все последующие даются с отступом в четыре-пять знаков. Таким образом письмо структурируется не только тематически, но и графически: выделенные подзаголовки по сути служат оглавлением и читающему легче найти в письме нужную информацию.

При необходимости срочно передать какое-либо сообщение до сих пор прибегают к телеграфному стилю, который в свое время сформировался под давлением двух коммуникативных условий: дороговизны этой формы связи и вытекающего из этого лаконизма, компактности формы: *Получение документов подтверждаем*.

Стандартны также **формулы** делового этикета и в первой, и во второй группе писем. Скажем, направляя официальную претензию (неважно, шаблонное это письмо или не совсем), адресант учитывает только одно — официальный, деловой характер отношений с адресатом. Этим и продиктованы стиль и содержание самого письма и официальность, стандартность обращения к должностному лицу-адресату — обязательное упоминание статуса и подчеркнуто официальная вежливость, одинаковая для всех,

вежливость, сами формы которой (*Уважаемый господин/тов. А. Б. Иванов*; *Уважаемая госпожа А. Б. Иванова/Уважаемый тов. А. Б. Иванов*) подчеркивают дистанцию между партнерами, их социальные роли и назначение письма.

Если письмо адресовано одним должностным лицом другому, то перед подписью может следовать так называемый комплимент: *С уважением/Искренне Ваш* и т.п. При составлении ответа целесообразно использовать те же формулы вежливости, что были в адресованном вам письме.

Третья группа коммерческой корреспонденции — это **полуофициальные**, **этикетные тексты**, например поздравления, приглашения. Деловая словесность такого типа особенно активно развивается в последние десятилетия, и именно она по своим типологическим признакам находится на периферии делового стиля, поскольку в ней допускается элемент некоторой индивидуализации речи. Адресованы такие тексты не организации, а лицу, хотя нередко и подразумевают в последнем ее представителя. Это порождает много этикетных нюансов, не свойственных официальной деловой коммуникации.

В полуофициальной письменной речи меняется стилистический регистр, тональность общения, цель общения, сокращается дистанция между адресатом и адресантом. Партнеры уже не обезличены, это уже не люди-функции, а именно люди, между которыми либо сохраняются чисто деловые отношения, либо наряду с ними возникают и личностные (скажем, в силу одинакового служебного статуса, частых контактов по работе, одного возраста).

Кроме того, в полуофициальных письмах развивается жанр устного аудио- или видеопослания, что еще дальше отодвигает эту разновидность деловых текстов к периферии жанра. В связи с этим, составляя полуофициальное письмо, важно учитывать следующее:

— повод написания письма;

— социальный статус адресата и отправителя;

— возраст адресата и отправителя;

— характер отношений;

— способ оформления письма (типографский/компьютерный набор или письмо, написанное от руки, электронное письмо, аудио- или видеопослание).

Не мешает по возможности учесть и психологические особенности коммуникантов, например чувство юмора. И конечно, письма по одному поводу, направленные раз-

ными по статусу людьми в адрес коллектива, убеленного сединами генерального директора или его молодого, энергичного топ-менеджера должны быть разными. В качестве примера приведем следующее поздравление на официальном сайте железнодорожников:

Дмитрий Медведев Вас беспокоит, здравствуйте. Сегодня у меня по плану поздравить с профессиональным праздником работников дорожной отрасли. Поздравляю Вас! Для развития современной, комфортной и безопасной дорожной инфраструктуры нужны усилия. Вы — профессионалы, благодарю Вас. Желаю Вам интересных проектов, качественных километров дорог, личного счастья, здоровья, благополучия. (И с интонацией улыбки.) *Уверен, скоро мы навсегда забудем фразу классика, сказанную два века назад — о двух бедах России. С праздником!*

И в этой сфере немало стандартных, клишированных элементов: *позвольте выразить сердечную/искреннюю признательность/благодарность, сердечно поздравить Вас/примите мои/наши сердечные поздравления, в канун Нового года/Дня жестянщика/в этот славный юбилей/в этот знаменательный день, желаем/рады пожелать Вам/Вам и Вашему коллективу/Вам и Вашим коллегам...* Каждый может продолжить это перечисление. Использовать указанные и другие элементы рекомендуется в меру. В этой ситуации важен творческий подход: высоко ценятся именно нестандартные письма. Если творческого начала не хватает, это не противоречит жанру полуофициального письма, которое может целиком состоять из теплых, но стандартных слов. Существует немало рекомендаций, как составлять такие тексты.

Однако, увы, отношение к стандарту, стереотипу однозначное, поэтому он становится объектом пародий: *Так, дорогой Иа! В этот знаменательный день я хочу подарить тебе... безвозмездно скромный, но очень полезный подарок — вот этот шнурок!* (А. Милн).

Этикетная рамка полуофициального делового письма — выбор обращения, комплименты по поводу вклада в общее дело, ценности трудов, жизненного пути, профессионализма и т.д. — также отражают изменение социальных ролей, возможное сближение адресата и адресанта. Помимо официального *Уважаемый/Глубокоуважаемый господин/тов. О. С. Бендер*, возможны и более теплые обращения: *Дорогой/Глубокоуважаемый Остап Сулейманович!* В подписи

к указанию должности можно добавить этикетные формулы *С уважением/Глубоко уважающий Вас/Искренне ценящий Вас* и т.п.

Проблема русского речевого этикета, с которой нередко приходится сталкиваться при составлении деловых писем, — выбор обращения *гражданин, господин, товарищ*. Так сложилось в российской истории, что в разное время все они оказались дискредитированы, а универсальных типа *миссис, сеньор, пани*, указывающих только на пол адресата формул, тоже нет до сих пор. Однако тенденция такова: обращение *гражданин/гражданка* общепринято в официальном общении с представителями органов охраны правопорядка. Обращение *товарищ* сохранилось в партийных кругах коммунистической ориентации. Обращение *господин/госпожа* утверждается в официальном деловом этикете.

Наконец, к периферии делового стиля относятся **устное деловое общение**, **переговоры**, в том числе **телефонные**. Остановимся на последнем. Успех телефонных переговоров зависит, во-первых, от того, насколько четко, вразумительно, убедительно вы сможете изложить суть интересующих вас вопросов; во-вторых, какую психологическую атмосферу сможете при этом создать. Иначе говоря, речь идет о структуре, содержании и языке телефонного разговора, с одной стороны, и о его речевом этикете, назначение которого — создать взаимоприемлемую, психологически комфортную и предсказуемую обстановку общения, каковы бы ни были обсуждаемые вопросы, — с другой.

Проблематикой успешных переговоров занимаются многие дисциплины, в частности риторика, стилистика, психология, социология, в курсах которых рассматривается множество конкретных ситуаций делового взаимодействия, убеждения и даже манипулирования партнером, приемов распознания манипуляции и противодействия ей. Это не входит в нашу задачу, поэтому ограничимся общими правилами ведения телефонных переговоров.

Начнем с **содержания переговоров**. До переговоров нужно решить, насколько они вам нужны, и не беспокоить партнеров попусту. Если же переговоры необходимы, то необходимо помнить, что партнер ждет от вас вразумительно изложенной информации по делу, но относиться к нему может по-разному, поэтому следует:

— заранее продумать содержание, все существенные аспекты темы, причинно-следственные связи, аргументы

в пользу вашей позиции, подобрать убедительные факты, особое внимание обратить на то, какие выгоды будет иметь партнер, а не только вы;

— больше говорить о том, что интересно партнеру; от этого на 90% зависит ваш коммуникативный успех;

— не отвлекаться от темы, не переливать из пустого в порожнее, уподобляясь герою рассказа А. П. Чехова, учителю географии Ипполиту Ипполитовичу, который даже в предсмертном бреду повторял фразу, ставшую образцом бессмыслицы, произносимой с умным видом: *Волга впадает в Каспийское море, а лошади кушают овес и сено*;

— говорить четко и вразумительно, стараясь не увязать в оборванных фразах, длинных перечислениях, причастных и деепричастных оборотах, сложных предложениях; избегать слов-паразитов *вот, значит, э-э-э, типа, так сказать, это* и подобного раздражающего словесного мусора;

— убедиться, что партнер в достаточной степени владеет информацией по теме и при необходимости вежливо ввести его в курс дела;

— не только говорить, но, главное, научиться слушать, настроиться на партнера, улавливать его реакцию на слова, которая может быть разной: он может соглашаться или не соглашаться с вами, считать или не считать целесообразным предложенное вами, наконец, ему может быть нужно некоторое время для обдумывания сказанного вами;

— контролировать, правильно ли вы понимаете сказанное партнером, задавая уточняющие вопросы, переформулируя своими словами сказанное им; для этого существуют общепринятые реплики-связки: *правильно ли я Вас понял, что..., правильно ли я излагаю сказанное Вами*;

— не забывать о чувстве юмора: уместная шутка способна вывести даже из коммуникативного тупика;

— помнить о чувстве меры, которое необходимо всегда.

Речевой этикет телефонных переговоров предполагает умение корректно установить, поддерживать речевой контакт и завершить его так, чтобы партнеры чувствовали себя психологически комфортно и были удовлетворены разговором.

В деловом общении принято, поздоровавшись, представляться по должности и имени (имени и отчеству): *Здравствуйте, Вас беспокоит офис-менеджер компании МТС Юлия Синицына; Добрый день! Офис-менеджер компании МТС Юлия Синицына, слушаю Вас*. Далее, когда вы иници-

атор разговора, излагайте предмет, если обращаются к вам, внимательно и спокойно выслушайте партнера, постарайтесь его не перебивать.

Телефонный разговор — это диалог, поэтому коммуниканты постоянно меняются ролями говорящего и слушающего. Не говорите одновременно. В роли слушающего поддерживайте партнера репликами, которые показывают ваше активное участие в диалоге: *да, понимаю Вас, у нас такие же проблемы* и т.п.

Отношение к партнеру может быть только одно — доброжелательное. Доверительная интонация в сочетании с вежливостью, внимательностью и корректностью — лучшее средство для установления психологического контакта.

Изложенные правила не всегда обеспечивают успех переговоров, но гарантируют главное — взаимопонимание, без которого речевое взаимодействие вообще вряд ли возможно.

Вопросы и задания для самоконтроля

1. Какие подстили выделяются в публицистическом стиле?
2. Подберите из материалов современных газет примеры концептуальной лексики.
3. Найдите в современных газетах примеры риторико-синтаксических фигур, которые используют журналисты, чтобы усилить экспрессию своего материала (риторический вопрос, риторическое восклицание, эллипсис и др.).
4. Проанализируйте языковую личность современного журналиста (по вашему выбору) и сформулируйте его авторскую позицию.
5. Найдите примеры социальной оценки в современных журналистских материалах. С помощью каких языковых средств она выражается?
6. Что такое термин? Какие еще слова составляют ядро лексики научного стиля?
7. С каким стилем сегодня сближается научный стиль речи? Обоснуйте свое предположение.
8. Перечислите основные жанры научного стиля.
9. Почему стиль художественной литературы некоторые лингвисты не включают в систему стилей литературного языка?
10. Приведите примеры художественно-образной речевой конкретизации из текстов классической русской литературы.
11. Найдите метафоры, сравнения, аллегории и другие образные средства в произведениях русских поэтов. Подсчитайте, сколько

в стихотворении, например Сергея Есенина, образных слов, а сколько нейтральных.

12. Перечислите общестилевые особенности разговорного стиля.

13. Подберите примеры всезначащих *слов* и междометий. Часто ли вы их используете в своей речи?

14. Прислушайтесь к какому-нибудь диалогу (например, в маршрутке, в кафе и т.п.). Всегда ли понятно, о чем идет речь? Проанализируйте синтаксические особенности разговорно-бытовых диалогов.

15. Что такое «документ» и чем он отличается от любого другого текста?

16. Каковы основные требования к документу?

17. Что подразумевает унификация документа и какие его содержательные и языковые качества подлежат унификации?

18. Что такое унификация документа и зачем она нужна?

19. Какую роль в унификации текста документа играет жанр?

20. Какие свойства и элементы документа определяются формуляром?

21. На какие группы по степени унифицированности и способу графического оформления делятся документы?

22. Какие смысловые принципы могут быть положены в основу изложения содержания документа?

23. Какую роль играют рубрикация и нумерация в изложении содержания документа, и как первое и второе связаны между собой?

24. Что такое классификация и логическое деление? Вспомните основные правила логического деления. Почему так важно следить за их соблюдением?

25. Каким требованиям должна отвечать терминология документа?

26. Каковы требования к определениям терминов?

27. Какой материал можно оформить в виде таблицы?

28. Как строится таблица, каким логическим и оформительским требованиям она должна отвечать и как ее включить в текст?

29. Что такое ядро и периферия делового стиля? По каким критериям одни жанры деловой словесности относят к ядру, а другие — к периферии?

30. Какие черты инструктивно-методической документации позволяют отнести ее к ядру делового стиля?

31. Какие жанры инструктивно-методической литературы вы знаете? Охарактеризуйте один из них и докажите, что это ядерный жанр делового стиля.

32. По каким признакам выделяют разные типы коммерческой корреспонденции?

33. Какие деловые письма пишут по шаблону и какие вопросы при этом решают?

34. Когда возникает необходимость написать авторское письмо?

35. Если авторское письмо носит официальный характер, насколько автор может отойти от стандарта и как рационально изложить информацию?

36. Каковы основные формулы и правила делового этикета в письме?

37. Почему полуофициальное письмо дальше всего отстоит от ядра делового стиля? Что ценится в нем, а что признается как стилевая норма?

38. Каковы основные правила делового устного общения во время телефонного разговора и во время личных переговоров?

Глава 4
УСТНАЯ ПУБЛИЧНАЯ РЕЧЬ

В результате изучения данной главы обучающийся должен:

— **знать** принципы построения устной публичной речи, структуру аргументации, основные аргументы (по А. А. Волкову и по Г. Г. Хазагерову), композиционные принципы устного выступления, понятие топоса в риторике, основные изобразительные средства в риторике;

— **уметь** строить публичное выступление по законам классической риторики: применять знание о пяти видах вступления, о «законе края», различать описание, повествование и доказательство, уместно применять художественно-изобразительные риторические приемы;

— **владеть** логической культурой оратора.

4.1. Подготовка речи. Оратор и аудитория. Виды аргументов

Непосредственное влияние на текст публичной речи оказывает целый ряд факторов: личность оратора (ритора), предмет речи, типология той аудитории, на которую эта речь рассчитана. Поговорим сначала об аудитории, к которой обращается каждый, кто выходит к ней с намерением убедить ее в чем-то важном.

Наиболее наглядно можно рассмотреть все составляющие публичной речи (и типологию аудитории в том числе) на примере речи судебной. Но сначала несколько слов о пути судебного красноречия в истории русской речевой культуры.

Русское судебное красноречие в целом опирается на античную (греческую и римскую) риторику, из которой заимствуются многие термины риторической науки, жанры речи, учение о построении речи (оно предполагает такие этапы создания речи, как изобретение, расположение, элокуция, память и действие), основные фигуры и тропы.

Первыми теоретиками судебного красноречия были Лисий, Исократ и Горгий. Лисий заложил основы компози-

ции судебной речи, первым стал уделять особое внимание психологии. Исократ считается создателем **периодической речи**, которая впоследствии стала одним из излюбленных приемов русских судебных ораторов XIX в. Самый знаменитый греческий оратор — Демосфен (защитник эллинов) — начинал речь с молитвы богам, молитвой и заканчивал. Этот важный прием диалогизации характерен для всех древнегреческих текстов.

В Риме родоначальниками латинского судебного красноречия были Катон старший, Гальба, Карбон, Красс, Квинт Гортензий и, конечно, знаменитые Марк Антоний, главным оружием которого был пафос, и Цицерон — «царь адвокатуры»[1]. Такова в общих чертах история античной судебной риторики.

В России первые письменные свидетельства существования судов и судебной речи относятся к XI в. В период княжения Ярослава были записаны первые законы Киевского государства. Важнейший памятник письменности — «Русская правда» — сыграл немаловажную роль в зарождающемся русском судебном красноречии.

В России сложилось отрицательное отношение к судам и судебным тяжбам (пример тому — многочисленные пословицы и устойчивые выражения: *В суд пойдешь — правды не найдешь*; *шемякин суд*; *где суд, там и неправда*). Однако негативное и недоверительное отношение к судебной власти значительно изменилось после реформы 1864 г: «После реформы 1864 года суд стал тем местом, куда шли слушать своих национальных ораторов; шли, как в театр, смотреть на судебные состязания, где отстаивалась правда-матушка»[2]. Связано это было в первую очередь с тем, что реформа провозгласила невероятные по своей прогрессивности принципы гласности, состязательности и равенства сторон. В этих условиях у русского судопроизводства появилась острая необходимость в юристах, образованных, разносторонне развитых, одаренных умением говорить публично: «Правосудие остро нуждалось в новом типе прокурора и адвоката. Этот тип должен был выработаться в новых условиях жизни и служебной деятельности, должен был быть именно создан, так как подходящие образцы для под-

[1] *Граудина Л. К., Кочеткова Г. И.* Русская риторика. М., 2001. С. 572.

[2] Там же. С. 573.

ражания попросту отсутствовали»[1]. Эта эпоха стала феноменом не только в истории юриспруденции, но и в истории русского судебного красноречия. Можно с уверенностью сказать, что так много талантливейших юристов-ораторов не породило никакое другое время. Наследие таких судебных деятелей и ораторов, как Ф. Н. Плевако, М. Ф. Громницкий, П. А. Александров, В. Д. Спасович, К. К. Арсеньев, С. А. Андреевский, А. И. Урусов, Н. П. Карабчевский дает представление не только о развитии русского судопроизводства после реформы 1864 г., но и о том толчке, который она дала стремительному развитию судебного красноречия в России. Свой талант каждый из перечисленных ораторов сумел проявить в первую очередь благодаря тому, что наряду с процессуальными произошли изменения и в принципах аргументации обвинителей и защитников — «за» и «против» обвиняемых. Возможность доказать в суде свою правоту, т.е. правоту одной из сторон, в условиях состязания на равных, во-первых, была новой, а во-вторых, не могла не вызвать появление плеяды талантливых риторов: атмосфера «игры» (наряду с напряженной обстановкой работы, а главное — ответственности) была стимулом для судебного деятеля, заставляла ритора достойно сыграть роль, т.е. произнести хорошую речь — изложить все аргументы логично и понятно как для судей, так и для других слушателей.

Важно еще и то, что судебная реформа 1864 г. одновременно и закрепила традицию устного красноречия, которое всегда и сложнее, и действеннее письменного, и в то же время ввела порядок записи судебных выступлений, благодаря чему мы сейчас имеем возможность составить представление о произнесенных в стенах российского суда в XIX в. речах. Среди последних особенный интерес для исследователей судебного красноречия всегда представляли речи Анатолия Федоровича Кони, которые по праву могут быть названы образцами искусства судебной риторики. На примере обвинительных речей этого выдающегося прокурора мы и рассмотрим параметры публичных убеждающих выступлений.

Итак, типология аудитории. Аудитория в судебном процессе представляет собой совокупность следующих

[1] *Михайловская Н. Г., Одинцов В. В.* Искусство судебного оратора. М., 1981. С. 6.

людей: суд (т.е. судья и в некоторых случаях присяжные заседатели), противоборствующие стороны и их представители — адвокаты, прокурор, свидетели, эксперты, лица, присутствующие на заседании в силу заинтересованности или по собственному желанию. На первый план для ритора неизбежно выходит та часть аудитории, от решения которой зависит исход дела, а значит, и судьба обвиняемых, — группа присяжных заседателей. Нельзя не согласиться с тем, что во многих случаях решение суда определяется ценностными предпочтениями судей и господствующей в конкретном социуме этикой, однако определяющую роль играет все же понятие морали как главной составляющей здорового общества, а не личности присяжных и их предпочтения. В свое время А. Ф. Кони постоянно подчеркивал, что цель судей — добиться истины и восстановить справедливость.

В речи «По делу об утоплении крестьянки Емельяновой ее мужем» А. Ф. Кони обращает внимание судей на то, что бывают такие судебные дела, которые требуют особенно тщательного рассмотрения и четкой нравственной позиции:

Если в нем (в судебном деле. — *И. А.*) *много наносных элементов, если оно несколько затемнено неискренностью и отсутствием полной ясности в показаниях свидетелей, если в нем представляются некоторые противоречия, то тем выше задача обнаружить истину, тем более усилий ума, совести и внимания следует употребить для узнания правды. Задача становится труднее, но не делается неразрешимою.*

Это суждение, оформленное стилистически как период и обладающее в связи с этим экспрессивностью, содержит упоминание нескольких основных, важных для оратора нравственных категорий — истина, правда, совесть. Именно к этим понятиям пытается привлечь оратор аудиторию.

С другой стороны, А. Ф. Кони, борец за правосудие, готов радоваться каждой победе последнего, и тогда еще раз подчеркивается важность миссии судей, например в речи «По делу о лжеприсяге в бракоразводном деле супругов З-ных»:

Вам предстоит рассмотреть дело, выходящее из ряда вон как по трудности своего возникновения, так и по неко-

торым своим особенностям. Подобного рода дела редко доходят до суда. <...> Поэтому в том, что подобное дело дошло до суда, уже надо признать некоторую предварительную победу правосудия.

Интересно, что оратор никогда не пытается навязать свою точку зрения, он заранее предупреждает судей, что самое сильное его средство — аргументация, проверенная, четко изложенная, основанная на кропотливом изучении фактов, поэтому речи А. Ф. Кони никогда не содержали «заигрываний» с присяжными, призывами принять его позицию. Этот обвинитель гораздо честнее и умнее: он добивался присоединения аудитории благодаря тактике беспристрастности, хотя, когда требовалась настойчивость, когда позиция противников была абсурдна, а их аргументы необоснованны, А. Ф. Кони не стеснялся открыто взывать к разуму судей. В частности, в речи «По делу об убийстве статского советника Рыжова» он говорил:

Вам, вероятно, придется услышать много указаний на то, что преступление совершено не так, как я предполагаю; но вы, конечно, сами оцените, как все было в действительности.

Диалогичность обвинительных речей А. Ф. Кони проявляется не только в преклонении перед судебной властью как стражем правосудия, но и в осознании того, что сама по себе судебная власть не является высшей инстанцией, а только служит средством (надежным и эффективным!) исполнения воли Божьей, которая является источником нравственности. Вот почему ссылка на Священное Писание (а именно на послание апостола Павла к галатам) представляется совершенно естественной и соответствует логике ритора:

Перед судом по Судебным уставам нет богатых и бедных, нет сильных и слабых, а все равны, все одинаково ответственны. Вы докажете тогда (обращение к присяжным; имеется в виду вынесение законного приговора — *И. А.*), *насколько справедливо можно применить к людям, которым приходится стоять перед вами, слова, что «несть эллин и иудей»* («По делу о подлоге завещания от имени Козьмы Беляева»).

Апелляция к текстам Священного Писания не является яркой приметой стиля А. Ф. Кони, но те случаи, в которых оратор все же обращается к Богу, а также постоянные призывы помнить о нравственных основах общества, стремиться к добру, выдают в этом ораторе человека, который осознает, что его назначение — выполнять долг перед людьми на земле по воле и указанию Бога. Быть может, во многом именно благодаря осознанию своей миссии А. Ф. Кони выполнял этот долг так успешно.

Однако, анализируя стилистическое достоинство речей А. Ф. Кони и те нравственные критерии, которые он утверждал в них, умело пользуясь даром слова, не стоит забывать и о том, что перед этим оратором стояла чисто практическая задача — убедить присяжных в своей правоте, заставить **с помощью аргументации** и различных **методов ее изложения** принять его, прокурорскую, точку зрения. Иными словами, добиться присоединения аудитории. В риторике согласие и присоединение аудитории как раз и свидетельствуют о хорошо построенном диалоге оратора с аудиторией.

С точки зрения исследователя А. К. Соболевой, «зная состав ценностей, разделяемых тем или иным обществом (или его отдельными группами, или отдельными представителями, отвечающими за принятие решений), можно адресно и эффективно строить аргументацию в расчете на то, что она, вероятно, будет принята»[1].

Говоря о диалогичности, однако, следует уделить внимание и тем приемам (стилистическим и риторическим), которые являются средствами диалогизации.

Свой диалог с аудиторией оратор обычно начинает строить еще во вступлении. Именно во вступлении главная задача для оратора — установить контакт, «завязать» разговор с аудиторией (в риторике существует специальный термин — «контактоустанавливающий диалог»), который оратор будет поддерживать со слушателями/читателями на протяжении всей своей речи. Это авторская прагматическая установка, в то время как прагматическая установка текста определяется уже самим жанром речи.

---

[1] *Соболева А. К.* Топика и аргументация в юридических текстах (на материале судебных решений Конституционного суда РФ, Конституционного суда ФРГ и Верховного суда США) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1998.

Обращение не сводится лишь к клишированной фразе *Господа судьи, господа присяжные заседатели!*, которая, как правило, открывает судебную речь. Под обращением в риторическом тексте можно понимать целый комплекс стилистических, риторических, композиционных приемов и тропов. Именно благодаря этим приемам оратор строит свой диалог с аудиторией. Одним из таких приемов является **рефрен**.

А. Ф. Кони, например, практически в каждом своем выступлении прибегал к повторам, и каждый раз эти повторы обусловливались определенной задачей, которую он ставил перед собой. Именно поэтому речь идет о повторе как о риторическом приеме. При этом рефрен непременно связан с обращением, которое в широком смысле, как уже было сказано, есть ключевое средство в судебной речи. Иногда само по себе обращение повторяется в тексте речи. Посмотрим, как это происходит на примере речи «По делу об акушере Колосове и дворянине Ярошевиче, обвиняемых в участии в подделке акции Тамбовско-Козловской железной дороги, а последний, кроме того, в приготовлении к отравлению»:

Господа судьи, господа присяжные заседатели! Вам предстоит *произнести приговор по делу весьма сложному и во многих отношениях интересному. Оно интересно по свойству преступления. <...>* ***Вам, господа присяжные заседатели****, в течение вашей довольно продолжительной сессии приходилось встречаться преимущественно с подсудимыми обыкновенного типа. <...> Но ничего подобного в настоящем деле* ***мы не видим****.* ***Перед нами*** *другие подсудимые.* ***Перед нами*** *люди. <...> Я думаю, что напряженное внимание, с которым* ***вы относились*** *к судебному следствию, избавляет меня от необходимости указывать* ***вам****. <...> Поэтому я буду касаться только выдающихся его сторон, будучи убежден, что остальное дополнят* ***ваша память и совесть****.* ***Вы точно так же не упустите из виду*** *и того, что дело это. <...>* ***Вы вглядитесь*** *в эти деяния пытливым взором и* ***в приговоре вашем оцените*** *их нравственное достоинство. <...>* ***Вы слышали*** *здесь третьего дня показания. <...>* ***Вам предстоит решить****, что за личность Колосов. <...> Это я постараюсь доказать, а* ***вы решите окончательно****.*

В этом непривычно затянутом для стиля А. Ф. Кони вступлении представлены не столько повторы обращений как таковых (*господа присяжные заседатели*), сколько повторы, связанные с обращением к суду и одновременно обозначающие тема-рематическую последовательность в тексте. Каждый раз, переходя от одной микротемы к другой в пределах даже не цельного текста, а только его композиционно оформленной части, А. Ф. Кони дает понять, что его аргументы обращены именно к суду. Вот почему в данном случае обращение в широком смысле опирается на такое явление, как **повторная номинация**. Это явление возникает в тексте, когда автору по тем или иным причинам необходима словесная замена для уже названного субъекта. При этом следует всегда принимать во внимание и невербальные факторы: условия, в которых произносится речь, ее длительность, смешанный состав аудитории, все те факторы, которые с легкостью ослабляют участие слушателей в диалоге с оратором. Повторная номинация возвращает аудиторию в русло этого диалога и заставляет следить за логикой говорящего.

Таким образом композиционно выражается участие оратора и подчеркивается не только взаимодействие судебной и обвинительной власти и общность их миссии, но диалогичность речи обвинителя. Межфразовые единства в данном тексте связывают не только ремы, но и две стороны диалогических отношений — оратора и аудиторию, поэтому повторная номинация в этом вступлении основана на параллельности конструкций (*я — вы — мы*). Повторная номинация также служит связующим звеном и при изложении фактического материала, т.е. в данном случае является информативной.

Яркой приметой диалогизма ораторского выступления являются **вопросно-ответные конструкции**. Существует несколько видов таких конструкций. **Ответствование, сообщение, риторический вопрос в сочетании с риторическим восклицанием**, а также **предупреждение** — все это фигуры диалогизма. Очень часто встречается конвергенция[1] фигур диалогизма, а именно — разных видов вопросительных конструкций. В качестве примера можно привести

[1] По определению Г. Г. Хазагерова, «конвергенция — это концентрация изобразительно-выразительных средств в каком-либо фрагменте текста» (*Хазагеров Г. Г.* Политическая риторика. М., 2002. С. 68—69).

речь А. Ф. Кони «По делу о Станиславе и Эмиле Янсенах, обвиняемых во ввозе в Россию фальшивых кредитных билетов, и Германии Акар, обвиняемой в выпуске в обращение таких билетов», в которой оратор активно использует сразу несколько фигур диалогизма.

Ответствование: *Они обвиняются в важном и тяжком преступлении. Есть ли это преступление следствие порыва, страсти, увлечения, которые возможны при всяком общественном положении, при всякой степени развития, которые совершаются без оглядки назад, без заглядывания вперед? Нет, это преступление обдуманное и требующее для выполнения много времени.*

Нанизывание вопросов, которые одновременно служат и программой речи: *Почему именно у Янсена такие друзья, как Акар и Жуэ, от которых исходят бумажки одинакового достоинства и подделки? Почему именно в то время, когда кассою Госпожи Акар заведывает друг господина Жуэ, от нее исходят фальшивые бумажки, которые она так спокойно и беспрекословно принимает? Почему именно та из ее мастериц, которую она выгоняет, получает десятирублевую фальшивую бумажку? Вот вопросы на которые может быть только один ответ: потому что Акар виновна, потому что она распространяет бумажки сознательно.*

Риторический вопрос и риторическое восклицание: *Да и можно ли предположить, чтобы подделыватели таких превосходно сработанных ассигнаций, выпускаемых на огромную сумму (в Варшаве арестовано бумажек на 100 тыс., в Петербурге на 18 и по России на 32 500, итого на 150 с лишком тыс.), можно ли предположить, чтобы они не имели никакого устройства, никакой определенности в своих оборотах, не имели верных людей, опытных сбытчиков, чтобы они сновали, бегали и отдавали свои бумажки первому встречному и тому, на кого он укажет? Это просто немыслимо!*

Таким образом, помимо монологической речи (по форме обвинительные речи А. Ф. Кони, конечно, монологичны, так как не включают в себя ни реплик других участников, ни конкретных адресных вопросов), важную роль в публичной речи играет диалог с аудиторией, поскольку диалогические отношения в широком смысле слова лежат в основе построения любой речи.

Аргументация — фундамент риторического текста

Система аргументации, которую выстраивает ритор в публичной речи, представляется объектом для подробного и обширного изучения. Именно поэтому существует несколько определений понятия **аргументация**, а также несколько систем классификации доводов (или аргументов). Каждая из этих систем, предлагаемых авторитетными авторами, имеет свои особенности и отражает в большей степени один из аспектов построения публичной речи. В общем виде понятие аргументации можно истолковать так: «Аргументация — способ рассуждения, обеспечивающий доказательность и убедительность выступления; совокупность аргументов в пользу чего-либо»[1]. Уже это (весьма широкое) определение указывает на то, что аргументация составляет основу всего текста публичной речи, служит для создания стройной композиции, а также имеет непосредственное отношение к образу ритора.

Техника построения аргументации

Н. Н. Ивакина рассматривает главные понятия техники создания высказывания и под аргументацией подразумевает прежде всего логическую культуру оратора[2]. Данная концепция представляется упрощенной, но заслуживает внимания, поскольку понятия **тезис**, **аргумент**, **демонстрация**, **опровержение** являются общепринятыми в риторической науке и определяют основные принципы построения аргументации. Н. Н. Ивакина рассматривает эти понятия с точки зрения соблюдения оратором одного из главных качеств речи — доказательности. Одновременно правильное построение аргументации (четкая формулировка тезиса, соблюдение законов логики при построении аргументов, яркая, запоминающаяся демонстрация) способствует и убедительности речи.

Рассмотрим несколько примеров из обвинительных речей А. Ф. Кони с точки зрения техники построения аргументации.

Тезис: *Будучи в настоящем деле прокурором апелляционного суда, т.е. представителем обвинительной власти, я выражаю надежду, что Правительствующий сенат оста-*

---

[1] *Богданова Н. В.* Словарь основных понятий и терминов риторики. М., 2001. С. 11.

[2] *Ивакина Н. Н.* Культура судебной речи. М., 1995 (см. тему VI «Логическая культура судебного оратора»).

вит приговор палаты в силе, а ходатайство подсудимого без последствий.

Аргумент: *Устав о службе гражданской т. III Свода законов определяет в ст. 712 «общие качества должностного лица и общие обязанности, которые должны быть всегда зерцалом всех поступков». К ним принадлежат: здравый рассудок, человеколюбие, радение о должности, правый и равный суд всякому состоянию и т.д.*

Демонстрация: *Мы видели, как часто гнев потемнял рассудок подсудимого, мы знакомы с характерными способами выражения им своего человеколюбия, мы знаем, как радение о должности обращалось у него в радение о своей власти, нам известно, как облегчал он обращение к своему правовому и равному суду...*

Тезис: *Он не может, без опасения причинения дальнейшего вреда поручаемому ему делу, оставаться матросом на корабле государственной службы* («По делу земского начальника Харьковского уезда кандидата прав Василия Протопопова, обвиняемого в преступлениях по должности»).

В данном примере тезисы обрамляют высказывание: фактически в начале и в конце доказательства приводится одна и та же мысль — заключение А. Ф. Кони о виновности подсудимого, но сначала в общем виде (*Каков должен быть приговор? — Виновен*), а в конце — более конкретном (*В чем должен заключаться приговор? — Подсудимый должен быть отстранен от поста, им занимаемого*). В этом примере аргумент основывается на конкретном законодательстве и подкрепляется демонстрацией (*В чем именно проявлялось нарушение закона?*), основанной на иронии, что, впрочем, совершенно не мешает данному доказательству быть классическим примером с точки зрения техники построения аргументации.

В зависимости от количества и весомости фактических данных (в данном случае для А. Ф. Кони-прокурора это улики) доказательство истинности тезиса может быть прямым и косвенным. Если прямое обоснование тезиса требует от ритора элементарного знания законов логики и способности оформить это обоснование грамотно с точки зрения русского языка, то косвенное доказательство требует гораздо большей способности к объективному анализу фактических данных и виртуозного владения словом.

Рассмотрим пример мастерского **косвенного обоснования истинности тезиса** из речи «По делу об акушере Колосове и дворянине Ярошевиче, обвиняемых в участии в подделке акции Тамбовско-Козловской железной дороги, а последний, кроме того, в приготовлении к отравлению»:

Первый вопрос, который возникает относительно участия Колосова в деле подделки акций, — мог ли он иметь побуждение участвовать в нем, было ли такое опасное мероприятие ему удобно и заманчиво? Мы знаем, что он человек без всякой служебной карьеры; крестецкий острог и ложный донос на валдайского исправника многое ему испортили в этом отношении. Ему нужно поправиться. Но поправиться на служебном поприще едва ли можно, да если бы и занять какое-нибудь место, то — при всяком неудовольствии начальника — его новгородское прошлое ложилось бы тяжкою гирею на чашу весов служебного доверия и благоволения. Что же делать? Поправиться в другом отношении, сделаться капиталистом, крупным биржевым деятелем, занять в этом отношении видное место в обществе. <...> Итак, надо увеличить свои средства и обратить их из «средств» в «капитал». Притом известно, какими операциями он занимался в последнее время: ростовщическими ссудами, игрою на бирже и т.д. Это такая деятельность, которая не может не развивать алчности к деньгам и постоянно возрастающего желания приобрести побольше. Но игра на бирже бывает рискованна, а операции со ссудами слишком мелки; уж если рисковать, так на приобретение средств в широких размерах и сразу. Конечно, такое приобретение мог бы дать обширный спуск по номинальной или биржевой цене дешево стоящих в подделке бумаг.

В данном случае оратору необходимо обосновать следующий тезис: «Обвиняемый имел цель приобрести существенные средства и не видел законных путей для этого, а потому с большой вероятностью способен был на подделку и сбыт фальшивых бумаг». Однако прямые улики недостаточно указывают на это, поэтому прокурору необходимо тщательно проанализировать личность и положение подсудимого, чтобы, сопоставив его цели и возможные средства (аргумент к цели и средствам), вывести причину возможных и очень вероятных действий подсудимого (аргумент к причине) и обосновать таким образом тезис.

В тех видах красноречия, основу которых составляет спор (в широком смысле — диалог), опровержение встречается весьма часто. **Опровержение** — установление ложности и несостоятельности положения, выдвинутого в качестве тезиса. Характерной приметой стиля, например того же А. Ф. Кони как прокурора, который произносил свои речи до выступлений защиты (таков порядок судебных прений), было использование опровержения до того, как высказан ложный тезис. Условно такое опровержение можно назвать **опережающим** (или **опровержением-опережением**). Как правило, в этом случае опровержение в обвинительных речах А. Ф. Кони начинается словами *Могут сказать..*, *Нам могут указать...* и т.п. Опровержение-опережение соотносится с фигурой **предупреждения**.

При построении аргументации необходимо уделять внимание речевым средствам логичности, в частности специальным средствам связи, обеспечивающим последовательность развития мысли, переход от одной мысли к другой и обозначающим противоречивые отношения, причинно-следственные отношения, а также итог, вывод из сказанного; вопросительным высказываниям; периоду; сложным высказываниям; высказываниям с однородными членами предложения.

Существует достаточно много классификаций доводов (или аргументов): каждый исследователь риторической науки предлагает свою систему классификации, либо опираясь на уже существующие с древних времен, либо предлагая новые.

Интересной представляется классификация Т. Г. Хазагерова и Л. С. Шириной[1], которая имеет два источника — античную (древнегреческую) риторику (в частности, риторику Аристотеля) и психологию восприятия риторического текста. Во времена Аристотеля аргументация делилась на естественные доказательства (то, что потом стало называться **эвиденцией**) и искусственные доказательства, которые подразделялись в свою очередь на логические (дедукция, индукция и аналогия), этические и чувственные. Позднее эта классификация существенно упростилась: логические доводы были объединены с естественными и стали называться *ad rem*, т.е. **по существу**; остальные

[1] См.: *Хазагеров Т. Г., Ширина Л. С.* Общая риторика. Курс лекций и словарь риторических фигур. Ростов н/Д, 1994.

искусственные доказательства получили название *ad hominem*, т.е. **к человеку**. Эта система вполне может быть применима и к современным текстам. Взяв за основу древнегреческую классификацию, Т. Г. Хазагеров и Л. С. Ширина предложили следующую систему доводов:

1а. Довод к очевидному («эвиденция»).

1б. Довод к размышлению («к логосу»).

2а. Довод к чувствам, страстям («к пафосу»).

2б. Довод к чувствам, эстетике, этике («к этосу»).

Как видно из названий доводов, система аргументации значительно пересекается с понятиями **этоса**, **логоса** и **пафоса**, которые составляют основу риторического построения текстов. Таким образом, аргументы, приводимые оратором, должны быть построены в соответствии с законами логики и композиции (логос), должны опираться в первую очередь на этические и правовые представления ритора (этос), должны быть яркими и запоминающимися (пафос).

Похожую систему доводов представляет и Г. Г. Хазагеров. Опираясь на античное учение о доводах, исследователь предлагает следующую классификацию:

I. Доводы «к вещи».

1. Естественные доказательства.

2. Логические доказательства:

— рассуждение с индукцией;

— рассуждение с дедукцией;

— рассуждение с дефиницией.

II. Доводы «к человеку».

1. Доводы к «пафосу»:

— доводы «к обещанию»;

— доводы «к угрозе».

2. Доводы «к этосу»:

— доводы «к сопереживанию»;

— доводы «к отвержению»[1].

В сущности, две приведенные классификации можно считать сходными и воспринимать их как единое целое.

Довод «к очевидному» (естественные доказательства) опирается на факты, слова свидетелей. Это самый простой довод, который не требует изобретения как такового: оратору необходимо только передать уже известное и сказанное другими, дополнив это своими комментариями: факт,

[1] См.: *Хазагеров Г. Г.* Политическая риторика.

наблюдение — это только первая ступень познания; чаще всего это не сама цель. Приведем пример из уже упоминавшегося выступления А. Ф. Кони «По делу об акушере Колосове и дворянине Ярошевиче...»:

Мы имеем ряд его писем и вообще разные указания для характеристики его личности. Письма его, вам прочитанные, указывают на то, что у него весьма наблюдательный, живой и, вместе с тем, тонкий ум. Вместе с тем — это человек холодный и черствый, потому что только такой человек способен хладнокровно и язвительно подшучивать над будущею судьбою «милого друга» и «больного», которого он собирается отправить на тот свет, «прописав ему ижицу»; только такой человек может сознательно и систематически втянуть двоих юношей, своих сыновей, в опасное и преступное дело.

В данном случае в качестве свидетельств оратор предлагает письма и слова подсудимого как очевидные доказательства определенных черт его характера. Надо отметить, что в судебном красноречии, как ни в каком другом, чрезвычайно важно, чтобы источник доказательств был непременно назван: анонимность источника недопустима в судебной речи.

Довод «к очевидному» служит основой доказательной речи, помогает ответить на вопросы: что, где, когда и как произошло? И именно в судебном красноречии этот довод используется чаще всего. Довод от очевидных фактов — аргумент, помогающий на основе произошедших событий и невымышленных явлений убеждать в своей правоте. Однако безупречные в отношении фактическом, доводы могут быть недостаточно представительными и даже невыигрышными в психологическом плане.

Само название **довода «к логосу»** говорит о том, что он связан с логической культурой ритора, поэтому такие понятия, как **дедукция**, **индукция**, **силлогизм**, **умозаключение** являются общими для риторики и логики. Выделяются три вида доводов «к логосу»: 1) рассуждение с дефиницией; 2) рассуждение с дедукцией (от общего к частному); 3) рассуждение с индукцией (от частного к общему).

Вот несколько иллюстраций.

Пример **индукции** во вступлении к речи «По делу об убийстве Филиппа Штрама»:

От частного: *По делу, которое подлежит нашему рассмотрению, казалось бы, не нужно употреблять больших трудов для определения свойств и степени виновности главного подсудимого, потому что он перед вами сознался. <...>*

К общему: *Свидетельство подсудимого является всегда небеспристрастным. Он может быть подвигнут теми или другими событиями своей жизни к тому, чтобы представить обстоятельства дела не в настоящем свете.*

Пример **дедукции** в сочетании с **дефиницией** в обращении А. Ф. Кони к присяжным в речи «По делу об утоплении крестьянки Емельяновой ее мужем»:

От общего + дефиниция 1: *Вашему рассмотрению подлежат самые разнообразные по своей внутренней обстановке дела; между ними часто встречаются дела, где свидетельские показания дышат таким здравым смыслом, проникнуты такою искренностью и правдивостью и нередко отличаются такою образностью, что задача судебной власти становится очень легка. <...>*

Дефиниция 2: *Но бывают дела другого рода, где свидетельские показания имеют совершенно иной характер, где они сбивчивы, неясны, туманны, где свидетели о многом умалчивают, многое боятся сказать, являя перед вами пример уклончивого недоговариванья и далеко не полной искренности.*

К частному: *Я не ошибусь, сказав, что настоящее дело принадлежит к последнему разряду.*

Как видно из приведенных выше примеров, в судебном красноречии доводы «к логосу» помогают квалифицировать то или иное преступление, охарактеризовать подсудимого или свидетеля, т.е. в любом случае — соотнести жизненную ситуацию, со всеми ее перипетиями и случайностями, или человека, со всеми его индивидуальными особенностями и сложной психической организацией, с определенными типами судопроизводства, а значит, и судебного красноречия. Преступление либо имеет место, либо нет, а если имеет — необходимо его соотнести с определенным законом, квалифицировать преступление, чтобы виновные понесли наказание (с точки зрения правового мировоззрения, на которое должен опираться судебный деятель). Человек (будь то свидетель, подозреваемый или подсудимый) должен быть также отнесен к какому-то типу, исходя из практического опыта прокурора или адвоката.

Довод «к этосу» связан с двумя основными понятиям — **сопереживание** и **отвержение**: «Сопереживание — это психический процесс, характеризуемый тем, что убеждаемый отождествляет себя с какими-либо феноменами окружающей действительности, чаще всего с себе подобными, т.е. с другими людьми»; «отвержение — психический процесс, характеризуемый тем, что убеждаемый рассматривает себя и какой-либо феномен окружающей действительности как взаимно исключающие друг друга»[1]. Доводы «к этосу» могут быть **однородными** (и источник, и объект характеризуются одним процессом — сопереживание или отвержение) и **разнородными** (источник и объект связаны с разными процессами). Авторы данной концепции связывают довод «к этосу» с психологией и самыми элементарными представлениями о нравственности: «... разграничение однородности и неоднородности доводов "к этосу" находит подтверждение в работах современных психологов (Лефевр, Шрейдер). Ставится даже вопрос о двух типах этических систем, и в этой связи стоит задуматься над правомерностью и эффективностью двух типов доводов, когда, например, прокурор, исходя из действий обвиняемого, требует наказания, чтобы искоренить мошенничество, кражу, грабеж, убийство как социальные явления, и когда он требует наказания, исходя из сочувствия жертве преступления, или когда защитник просит для обвиняемого снисхождения, оценивая то хорошее, что есть в его подзащитном, и когда он просит смягчить наказание прежде всего потому, что аморальна была и жертва»[2]. Однако такое представление об этосе слишком упрощенно, поскольку нравственность нередко соотносится с тем, что не имеет отношения к психологии и не поддается методам психологии. Тем не менее, довод «к этосу» имеет право на существование вне зависимости от того, что подразумевается под этосом. Именно этот довод лежит в основе той аргументации, которая рассчитана не исключительно на достижение прямой цели (в судебном красноречии это признание виновности подсудимого — для прокурора и признание невиновности — для адвоката), но и на более глубокое воздействие — на сознание людей, на их систему ценностей, увы, не всегда нравственных.

---

[1] *Хазагеров Т. Г., Ширина Л. С.* Общая риторика. С. 44—45.

[2] Там же. С. 48—49.

Доводы «к этосу» признаются одними из самых сложных. Вот несколько примеров этих аргументов из обвинительных речей А. Ф. Кони.

Стоит обратить внимание и на нравственную связь этих свидетелей между собою. Какие это в сущности добрые и предупредительные люди! Как они охотно не отказывают в помощи господину З-ну! Как каждый из них принимает живое и серьезное участие в судьбе бракоразводного дела, отвлекаясь от обычных занятий, подвергаясь преследованиям! И ужели все это делается безвозмездно? Ужели это делается так, просто, по участию? Нет ли здесь выгоды, нет ли в этом присутствия сильного рычага — рычага денежного? <...>

Но вы слышали господина Иваницкого, вы его видели, и я думаю, что незачем разбирать его показания. Скажу только, что этот свидетель имеет слишком необыкновенные качества для того, чтобы пользоваться ими при обсуждении обыкновенного дела. Он обладает удивительным свойством дальнозоркости, и для него до такой степени не существует непроницаемости, что из второго ряда кресел ***Мариинского*** *театра он видит, кто сидит во втором ярусе* ***Большого*** *театра. Мне жаль, что подсудимые оторвали от занятий этого канцелярского чиновника, получающего 23 руб. жалованья в месяц и ходящего слушать Патти в «Мариинский» театр, где он платит за кресло второго ряда «когда рубль, а когда и два»* («По делу о лжеприсяге в бракоразводном деле супругов З-ных»).

В данном примере оратор не жалеет ни эмоций, ни жгучего слова, потому что презрение его к людям, потерявшим совесть, настолько велико, что скрывать его он не в силах. Все лжесвидетели получают у А. Ф. Кони по заслугам, и негодование в его речи выливается в жестокую **иронию**.

Мы находим в Рыжове человека глубоко честного и справедливого, строгого как к себе, так и к другим (потому что он строг к себе), любящего правду, вмешивающегося за нее в чужие дела, иногда с самопожертвованием, доходящим даже до неблагоразумия. Но, господа присяжные заседатели, можно ли это ставить в вину человеку, можно ли в этом не видеть достоинства? Это «неблагоразумие» есть великое качество в наш черствый, себялюбивый век. <...> Эта правдивость, грубая, быть может, неприятная для окружа-

ющих его лиц, имела все-таки своим источником горячее чувство («По делу об убийстве статского советника Рыжова»).

Как видим, доводы «к этосу» могут быть доводами «к отвержению» (первые два примера) и доводами к сопереживанию (третий пример). Вот еще пример довода «к отвержению»:

Соединение мелкой скаредности и скупости, доходящей, как выразился один свидетель, «до гадости», с желанием молодиться, с суетным тщеславием и с отсутствием всяких семейных отношений к купленному мужу, возвращенному обратно в долговое отделение по миновании надобности, — вот выдающиеся черты княгини Щербатовой («По делу о подлоге расписки... от имени княгини Щербатовой»).

Пример довода «к сопереживанию» содержится в речи «По делу о лжеприсяге в бракоразводном деле супругов З-ных»:

Среди слушателей находится Мелихов, молодой моряк. Он оказывается весьма порядочным человеком. Я думаю, что в настоящем деле он единственный свидетель, до которого это дело не коснулось своею грязной стороной. На него можно указать, как на своего рода оазис среди нравственной пустыни свидетельских показаний.

Пример из речи «По делу об акушере Колосове и дворянине Ярошевиче...» характеризуется одновременно двумя процессами — сопереживанием и отвержением, поскольку у высказывания два предмета:

Вам, господа присяжные заседатели... приходилось встречаться преимущественно с подсудимыми обыкновенного типа. По большей части это были обвиняемые в обыденных преступлениях, преимущественно в краже. Бедность, неразвитость, отсутствие безвредных развлечений и иногда крайне печальная нравственная и бытовая обстановка являлись причинами, привлекавшими их на скамью подсудимых. Совершив преступление, нарушив закон, они заслуживали по большей части наказания, но тем не менее нельзя не пожалеть, что они были поставлены судьбою в положение, которое благоприятствовало совершению преступления. <...> Перед нами другие подсудимые. Перед нами люди, которые, во всяком случае, имеют некоторую претензию считаться лицами развитыми, которые имеют средства к существованию...

Довод «к пафосу» апеллирует к чувствам человека, но не к глубинным (религиозному или нравственному), а к тем, которые основаны на эмоциональном состоянии человека. По словам Г. Г. Хазагерова, «эмоциональная память человека определяется его жизненным опытом»[1], поэтому довод «к пафосу» предполагает две крайние точки восприятия: то, что приятно, и то, что неприятно. В связи с этим доводы «к пафосу» делятся на доводы «к угрозе» и доводы «к обещанию». Естественно, эти доводы могут быть ловко использованы «лжеораторами» для манипуляции сознанием широких масс. В обвинительных речах А. Ф. Кони использовал довод «к пафосу» редко: в тех случаях, когда оратор призывает суд (или все общество) к принятию справедливого решения и при этом рисует возможные последствия того или иного решения.

Довод «к угрозе»: *Надо дать место и справедливости, которая выражается в правосудии. Оно иногда бывает сурово и кончается подчас насильственным гостеприимством. Этого правосудия ждет от вас обвинительная власть* («По делу о Станиславе и Эмиле Янсенах...»).

Довод «к обещанию»: *Мы переносим теперь дело Мясниковых из суда общественного мнения на суд общественной совести, которая не позволит вам не признать виновности подсудимых, если они действительно виноваты, и не допустит вас уклониться от оправдания их, если вы найдете их невиновными. Произнеся ваш приговор, вы или снимите с них то ярмо подозрений и слухов, которое над ними тяготеет издавна, или скрепите его вашим спокойным и решительным словом. Если вы произнесете приговор обвинительный, если согласитесь с доводами обвинительной власти и проникнитесь ее убеждением, то из него будет видно, что перед судом по Судебным уставам нет богатых и бедных, нет сильных и слабых, а все равны, все одинаково ответственны. Вы докажете тогда, насколько справедливо можно применить к людям, которым приходится стоять перед вами, слова, что «несть эллин и иудей»* («По делу о подлоге завещания от имени купца Козьмы Беляева»).

В данном примере А. Ф. Кони, прибегая к такой риторической эмоции, как **агапе** (любовь, нравственное чувство, которое растет параллельно духовному росту человека), указывает, как суд — власть от закона — должен воспри-

[1] *Хазагеров Г. Г.* Политическая риторика. С. 45.

нимать свою миссию, которая дана ему свыше. Следует заметить, что в приведенном выше отрывке имеют место и другие риторические эмоции: **равенство**, **справедливость**, **терпимость**, **ответственность**.

К отдельной группе Т. Г. Хазагеров и Л. С. Ширина относят так называемые **вспомогательные доводы — «к доверию»** (в том числе и **«к глобальному доверию»**), **«к недоверию»** и **«к вере»**, а также их многообразные разновидности: **«доверие к логосу»**, **«недоверие к логосу»**, **«доверие к сопереживанию»**, **«доверие к обещанию»**, **«недоверие к обещанию»**, **«недоверие к очевидному»** и т.д. и т.п. Из всех этих вспомогательных, по определению авторов, доводов наибольшего внимания заслуживает **довод «к вере»**, но только в том случае, если под верой подразумевать именно религиозную веру (т.е. довод **«к религиозной вере»**), в противном случае это уже довод **«к авторитету»** (давно устоявшийся термин риторики). Как справедливо отмечают авторы классификации, «в отличие от доверия вера в принципе не требует никаких обоснований ни эмпирического, ни логического, ни даже этического характера, хотя и допускает их»[1]. Довод «к вере», хотя и является сильным орудием слова, в судебном красноречии не может быть частотным, поскольку для судебного оратора важнейшим авторитетом является закон, в широком смысле — правосудие. Характерным примером использования довода «к вере» является речь А. Ф. Кони «По делу об оскоплении купеческого сына Горшкова», в которой оратор постоянно ссылается на христианское учение в силу специфичности разбираемого дела:

В нашем отечестве, при господстве православной веры, существует, однако, целый ряд самых разнообразных сект или учений. Одни из них отличаются только обрядовой стороной от строго православного исповедания, а в существе правильно относятся к учению церкви и евангелию. Но некоторые из учений, несомненно уклоняясь от правил церкви и искажая истинный смысл евангельского учения, доходят до совершенно дикого отрицания существенных и основных законов природы. Такого учения держится преимущественно скопчество.

А. Ф. Кони апеллирует к текстам Священного Писания и учению церкви (в данном случае это и составляет

[1] *Хазагеров Т. Г., Ширина Л. С.* Общая риторика. С. 51.

аргумент «к вере»), но с точки зрения доказательности он может опираться исключительно на те моменты скопческого учения, где оно преступает закон, ибо в России второй половины XIX в. существовала свобода вероисповедания. Однако А. Ф. Кони строит аргументацию в этой речи таким образом, что его личная позиция — позиция православного человека — проступает весьма и весьма явно.

Наиболее полную классификацию, принципиально отличающуюся от разобранных выше, представляет А. А. Волков. Его подход основан на всестороннем анализе различных жанров публичной речи (т.е. имеет обширную практическую базу) и одновременно опирается на традиционные риторические и философские категории. Классификация А. А. Волкова разъясняет все риторические понятия, связанные с аргументацией, каждое определение подкреплено примером из различных риторических текстов. Это делает классификацию А. А. Волкова выдержанной с точки зрения баланса теоретической и практической компонент.

Построение аргументации относится к такому шагу, как изобретение («Изобретение — создание высказывания на уровне замысла»[1]), которое, являясь первой ступенью риторического построения, разделяется в свою очередь на два этапа: 1) создание замысла высказывания и 2) развертывание аргументов. Говоря об аргументации, необходимо раскрыть ряд риторических понятий, относящихся к этапу изобретения.

Риторическая аргументация — «создание публичных высказываний, приводящих к согласию и присоединению аудитории».

Предложение (или **пропозиция**) — «сформулированная мысль, из которой в ходе риторического построения развертывается высказывание».

Создание замысла — «предварительное обдумывание темы».

Предмет речи — «выделенное в замысле конкретное содержание высказываний».

Топ — «общая идея, к которой приводится положение и на основе которой строится аргумент».

Схема аргумента — «структура умозаключения, которая обосновывает положение (вывод) аргумента».

---

[1] *Волков А. А.* Основы русской риторики. М., 1996. С. 91.

Редукция — «совокупность лексических (слова, словосочетания) и синтаксических средств, при помощи которых значение положения сводится к значению приемлемых для аудитории посылок».

Особый интерес представляет такое понятие, как **высказывание**: оно может быть частью аргументации, а может быть и «произведением слова». В искусной речи высказывание — это не только составная часть аргументации, но и самостоятельное литературное произведение. Можно привести два следующих примера из речевой практики А. Ф. Кони:

1) *Затем посмотрите на другую среду, в которой распространяется скопчество. Это дети — существа, которые зависимы, неразвиты, нередко ничего не понимают. Они стоят в полной зависимости от родительской власти, особенно при тех условиях, в которые поставлена родительская власть в низшем слое населения.*

2) ***Могут сказать**, что преследование сект, подобных скопческой, является нарушением свободы совести, что у человека, как бы он ни был связан с государством, как бы тесно ни соприкасался с обществом, в котором живет, должна быть известная **область** душевной свободы, в которую никто не имеет права заглядывать и не должен вторгаться, **область**, вступая в которую, общество и государство должны складывать оружие и являться, в крайнем случае, только наблюдателями. **Могут сказать**, что человек волен бороться с греховными побуждениями теми средствами, которые ему кажутся наилучшими, лишь бы они не затрагивали интересов других людей. Но, господа присяжные заседатели, **если бы дело шло** о преследовании тех 58 чухон, о которых говорилось в прочитанных здесь письмах Горшкова, тех, которых неразумие, невежество, нищета, бедность, скудность природы и тяжкие семейные условия толкнули на скопчество, которые сами не ведали, что творят, давая себя оскопить, то эти соображения могли бы иметь место, как призыв к особому снисхождению к жертвам фанатического заблуждения. **Если бы дело шло** о зрелом человеке, который сознательно и свободно, обдуманно и спокойно, по чувствованию искренней веры, оскопил себя, можно бы говорить об этой неприкосновенной области и спорить относительно ее границ. Но там, **где дело идет** о распространении скопчества, о сознательном вовлече-*

нии в эту секту слабых людей, придавленных судьбою или не обладающих здравым разумением, там слово «свобода совести» является только громким словом, которым можно злоупотреблять без всякой пользы для разъяснения дела. Притом ***скопчество*** *вовсе не является исключительно религиозным* ***учением****, противным православию. <...>* ***Оно*** *является, по способам своего распространения, по среде, в которой* ***оно*** *вербует своих вольных и невольных приверженцев,* ***учением*** *противообщественным.* (Оба примера — из речи «По делу об оскоплении купеческого сына Горшкова».)

А. А. Волков выделяет следующие виды аргументов.
I. Эпидейктические аргументы:
— аргумент к смыслу;
— аргумент к авторитету;
— модель и антимодель;
— аргумент восхождения.
II. Судительные аргументы.
1. Статус установления:
— аргумент к составу;
— аргумент к лицу;
— аргумент к причине;
— аргумент к обстоятельствам.
2. Статус определения:
— аргумент к норме;
— аргумент к истолкованию;
— аргумент к совместимости.
3. Статус оценки:
— аргумент к прецеденту;
— аргумент к прехождению;
— аргумент к прогрессу;
— аргумент к выбору;
— аргумент замещения;
— аргумент к цели и средствам.
III. Совещательные аргументы:
— аргумент к опыту;
— аргумент к невыносимости;
— аргумент к оптимуму;
— аргумент к долженствованию;
— прагматический аргумент;
— аргумент направления.

Предметом **эпидейктической аргументации** являются нормы, правила, законы природы, которые не зави-

сят от времени и обстоятельств. По словам А. А. Волкова, «*задача эпидейктической аргументации* — установление принципов и ценностей, на основе которых обсуждаются проблемы», а «эпидейктический ритор — проповедник, философ, педагог, законодатель», поэтому эпидейктические аргументы наименее «доказательны» с точки зрения логики и основываются в первую очередь на личном авторитете ритора, которого аудитория знает и уважает.

Аргумент к смыслу ведет аудиторию вслед за ритором к более глубокому пониманию произошедших событий или личности обвиняемого/свидетеля; при этом оратор опирается на общепринятые законы, правила, нормы. В приводимом ниже примере (это также и пример довода-опровержения) А. Ф. Кони в качестве отправной точки берет законы психологии:

Я думаю, что все мы, жители больших городов, люди последнего времени, получившие слишком раннее умственное развитие и недостаточное развитие физическое, все мы люди болезненные, у всех у нас нервы не в порядке, у всех они натянуты, как струны, и звучат сильнее, нежели у жителей деревни, близких к природе. Но все это не может служить поводом к тому, чтобы мы во всех наших действиях ссылались на нервы как на причину ненормальности наших действий, чтобы в них искали оправдания в наших капризах, убежища в наших преступлениях. <...> Утонченный и истощенный житель города, принадлежащий к так называемому образованному обществу, — всегда гораздо больше аналитик и скептик, чем здоровый житель деревни... Но где анализ и сомнение — там и охлаждение порывов, и наблюденье за собою, и некоторая препона необузданной игре нервов. Поэтому нервозность, которую мы замечали в подсудимом Шляхтине, не может служить к оправданию его преступления («По делу об убийстве статского советника Рыжова»).

Аргумент к авторитету, который в качестве авторитетной инстанции может подразумевать внутренний опыт аудитории, рациональную интуицию, нравственное чувство аудитории, в том числе религиозное (см. выше аргумент «к вере»), эмпирическую очевидность или внешнюю инстанцию, используется не столь часто и, как правило, он не слишком развернутый. Вот два примера: 1) авторитетная инстанция — народ: *Вы, конечно, знаете, что занятие меняльной торговлей принадлежит, в глазах народа,*

к одному из присущих скопцам признаков; 2) авторитетные инстанции — компетентная сторона и оппонент: *Я думаю, что сам защитник не откажется подтвердить, что на эту сторону указывают все исследователи скопчества.* (Оба примера из речи «По делу об оскоплении купеческого сына Горшкова».)

Аргументы «модель» и «антимодель» очень часто встречаются у А. Ф. Кони вместе — при сопоставлении законопослушных граждан и преступников; честного труда и незаконного приобретения материальных благ; нравственного образа жизни и аморального; ответственного отношения к делу и безответственного:

Но, спрашивается, какое сомнение?

Модель: *Сомнение, которое возникает после оценки всех многочисленных и разнообразных доказательств, которое возникает из оценки нравственной личности подсудимого. Если из всей этой оценки, долгой и точной, внимательной и серьезной, все-таки вытекает такое сомнение, что оно не дает возможности заключить о виновности подсудимого, тогда это сомнение спасительно и должно влечь оправдание.*

Антимодель: *Но если сомнение является только от того, что не употреблено всех усилий ума и внимания, совести и воли, чтобы, сгруппировав все впечатления, вывести один общий вывод, тогда это сомнение фальшивое, тогда это плод умственной расслабленности, которую нужно побороть. Над сомнением нужно поработать, его нужно или совсем победить, или совсем ему покориться, но сделать это во всяком случае серьезно, взвесив и оценив данные для обвинения* («По делу о Станиславе и Эмиле Янсенах...»).

Аргумент восхождения помогает оратору представить перед аудиторией картину возможного исправления преступника, т.е. создать «динамический тип личности»[1]:

Подсудимый молод, ему 18 лет, вся жизнь еще перед ним. Он начал ее печальным делом, начал преступною сделкою со своей совестью. Но надо думать, что он не погиб окончательно и, конечно, может исправиться, может иначе начать относиться к задачам жизни и к самому себе. Для этого исправления строгий и правдивый приговор суда должен быть первым шагом. Со сделкой с совестью ему не удалось. Теперь он находится перед вами и, по-видимому, хочет вступить в сделку с правосудием. <...> Не думаю, чтобы на него хорошо

[1] *Волков А. А.* Основы русской риторики. С. 115.

подействовало нравственно, если эта вторая сделка удастся. Вот почему я думаю, что она ему может и не удаться («По делу об убийстве иеромонаха Илариона»).

Таким образом, эпидейктическая аргументация в публичной речи играет важную роль именно тогда, когда основная роль оратора — это роль воспитателя, наставника, проповедника норм правовых и общечеловеческих (этических).

На **судительных аргументах** строится основная часть любой судебной речи, поскольку судебный оратор имеет дело с анализом данных, а «*задача судительной аргументации* — установление, определение и оценка фактов». Поскольку работа с фактическими данными проходит три основных этапа — констатация факта, определение факта и оценка факта, то судительные аргументы относятся, соответственно, к статусам установления, определения или оценки.

Аргументы к составу, к лицу, к причине и к обстоятельствам (статус установления) нередко встречаются в сочетании друг с другом:

Вы знаете, в чем состоял этот случай. К курьеру французского министерства иностранных дел Обри явился неизвестный человек, назвавшийся Леоном Риу. Он принес ему посылку и просил отвезти ее в Петербург. Обри решился взять эту посылку. Как курьер, он нередко это исполнял, и понятно, почему исполнял. Он не подвергается таможенному досмотру, везет беспошлинно всю кладь, а между тем бывают драгоценные вещи, которые можно переслать и верно, и дешево, и небезвыгодно для курьеров («По делу о Станиславе и Эмиле Янсенах...»).

Данный фрагмент речи является примером одновременно и **аргумента к составу** и **аргумента к причине**. Однако если аргумент к составу — это своего рода рассказ с краткими комментариями оратора, и в его основе лежит повествование (что, где, когда произошло), то аргумент к причине бывает нескольких видов. Когда ритору необходимо обосновать простейшие тезисы, то аргумент к причине используется так, как в приведенном примере, являясь всего лишь ответом на вопрос *Почему произошло или могло произойти?* Однако когда оратору необходимо понять и объяснить аудитории причины более глубокие (*Почему преступник оказался в таком положении?*), то аргумент к причине несет уже больший смысл:

Это преступление обдуманное и требующее для выполнения много времени. Чтобы решиться на такое преступление, нужно подвергнуться известному риску, который может окончиться скамьею подсудимых, как это случилось в настоящем деле. Чтобы рискнуть на такое дело, нужно иметь в виду большие цели, достижение важного результата и, притом, конечно, материального, денежного. Только в виду этого результата можно пойти, имея определенное общественное положение, на преступление. Но если важен результат, если заманчивы цели, если решимость связана с большим риском, если можно видеть впереди скамью подсудимых и сопряженную с нею потерю доброго имени и прочие невеселые последствия, то естественно, что при совершении этого преступления нужно употребить особую энергию, особую осмотрительность, обдумать каждое действие, постараться обставить все так хитро и ловко, чтобы не попасться, постараться особенно, чтобы концы были спрятаны в воду («По делу о Станиславе и Эмиле Янсенах...»).

В данном случае аргумент к причине используется в сочетании с аргументом к цели и средствам (статус оценки) и раскрывает психологические мотивы преступника.

Аргумент к обстоятельствам помогает оратору обрисовать обстановку, в которой находился преступник или свидетель, чтобы затем указать на те обстоятельства, которые способствовали и препятствовали тому или иному деянию:

Трудно предположить, чтоб француз, не знающий говорить по-русски, новый человек в Петербурге, приехавший по случаю болезни матери, нашел случай отыскать людей, которые взялись бы сбывать бумажки, или стал бы распространять их сам по рукам — по одной, по две. Это требует долговременного пребывания и, при незнании русских обычаев и языка, было бы опасно («По делу о Станиславе и Эмиле Янсенах...»).

Аргумент к лицу, который показывает совместимость субъекта и деяния, важен при характеристике личности подсудимого или свидетеля и для последующего решения о виновности/причастности подсудимого к преступлению. Этот же аргумент используется, когда нужно сделать вывод об искренности или лживости показаний свидетеля. Даже если имеется достаточно фактических данных для обосно-

вания того или иного тезиса, А. Ф. Кони, как правило, дает характеристику личности:

Соединение мелкой скаредности и скупости, доходящей, как выразился один свидетель, «до гадости», с желанием молодиться, с суетным тщеславием и с отсутствием всяких семейных отношений к купленному мужу, возвращенному обратно в долговое отделение по миновании надобности, — вот выдающиеся черты княгини Щербатовой («По делу о подлоге расписки... от имени княгини Щербатовой»).

Среди слушателей находится Мелихов, молодой моряк. Он оказывается весьма порядочным человеком. Я думаю, что в настоящем деле он единственный свидетель, до которого это дело не коснулось своею грязной стороной. На него можно указать, как на своего рода оазис среди нравственной пустыни свидетельских показаний («По делу о лжеприсяге в бракоразводном деле супругов З-ных»).

Судительные аргументы **статуса определения** помогают судебному оратору привести разнородные факты к единой схеме преступления и эту схему соотнести с той или иной правовой (и, нередко, нравственной) нормой.

Аргумент к норме часто используется как технический аргумент. Апелляция к закону является наиболее характерной приметой всех текстов судебного красноречия. Наибольший интерес этот аргумент представляет тогда, когда оратор обращается к моральной норме, при этом последняя может опираться и на общие принципы добра, братства, милосердия, и на частные, например на любовь к детям.

Аргумент к истолкованию может объяснять значение того или иного правового понятия, а может трактовать понятия моральные (ср. с аргументом к норме). Пример истолкования в речевой практике А. Ф. Кони приводит А. А. Волков[1]: в статье «Общие черты судебной этики» оратор дает толкование понятия **клевета** как юридического термина. В теоретических работах А. Ф. Кони, рассчитанных на читателя, подготовленного к восприятию юридической лексики, безусловно, содержится множество толкований тех или иных понятий науки о законе. В своих обвинительных речах А. Ф. Кони также истолковывает иногда понятия юриспруденции, но чаще он дает определения понятиям моральным. В приведенном ниже примере это понятие дружбы:

[1] См.: *Волков А. А.* Основы русской риторики. С. 136—137.

Но почтенное чувство дружбы и товарищества может иногда невольно умалять в наших глазах резкость образа действий друга, особливо когда наше показание против него могло бы положить большую гирю на чашу обвинения. Тут и сожаление, и боязнь повредить близкому человеку, и разные другие хорошие ***личные*** *чувства могут заслонять от нас* ***общественную*** *обязанность не закрывать глаза на деяния неправого* («По делу земского начальника Харьковского уезда кандидата прав Василия Протопопова, обвиняемого в преступлениях по должности»).

Аргумент к совместимости состоит в сведении или разведении норм, к которым относится установленный факт. В судебном красноречии мало растолковать правовую норму и охарактеризовать обвиняемого и преступление — необходимо еще и доказать, что преступные, аморальные деяния обвиняемого соответствуют нарушению именно данного закона. От того, к какой статье Уголовного кодекса относится преступление, зависит дальнейшая судьба подсудимого:

Будучи в настоящем деле прокурором апелляционного суда, т.е. представителем обвинительной власти, я выражаю надежду, что Правительствующий сенат оставит приговор палаты в силе, а ходатайство подсудимого без последствий. Устав о службе гражданской т. III Свода законов определяет в ст. 712 «общие качества должностного лица и общие обязанности, которые должны быть всегда зерцалом всех поступков». К ним принадлежат: здравый рассудок, человеколюбие, радение о должности, правый и равный суд всякому состоянию и т.д. («По делу земского начальника Харьковского уезда кандидата прав Василия Протопопова, обвиняемого в преступлениях по должности»).

Аргументы **статуса оценки** не представляют большой сложности. Когда факт установлен и определен, оратору остается только оценить его, а для этого требуется объективность, беспристрастность и логичность, так как «в судебной аргументации статус оценки используется при обсуждении меры ответственности». Аргументы статуса оценки должны опираться на правила справедливости, обратимости и транзитивности. Они помогают аудитории, помимо прочего, разобраться в противоречивых и подчас ложных показаниях свидетелей. Наиболее частотными в обвинительных

речах А. Ф. Кони являются **аргумент к выбору** и **аргумент к цели и средствам**.

Интересный пример аргумента к выбору, в сочетании с аргументом к сочувствию, находим у А. Ф. Кони в речи «По делу об убийстве статского советника Рыжова», где оратор последовательно и убедительно доказывает, что словам свидетельницы можно полностью верить:

Я думаю, что нет возможности усомниться в правдивости показания вдовы Рыжовой. Правда, отчасти в тоне ее голоса, отчасти в манере говорить проявлялась здесь некоторая трагичность, в ее тоне слышалось некоторое стремление выставить особенно рельефно, обрисовать самыми мрачными красками то несчастие, которое разразилось над нею, но, господа присяжные заседатели, войдя в положение этой женщины, вы поймете, что иначе, при нервной и впечатлительной ее организации, и быть не может. Положение ее поистине ужасно: она лишилась мужа, которого горячо любила, лишилась в нем единственного заступника, единственной поддержки — и лишилась от руки своего брата. Ей представляется ее жестокою судьбою на выбор — или молчаливое согласие на опозоренье памяти покойного, любимого, неповинного мужа, чем, быть может, будет куплено спасение брата, или же горестное и тяжкое служение правде, которое, не возвращая ей мужа, должно подвести брата под справедливую кару. Для нее нет выхода из этого.

Имея основную цель доказать, что слова свидетельницы правдивы, А. Ф. Кони обрисовывает перед аудиторией все трудности выбора, которые стояли перед свидетельницей Рыжовой, придавая тем самым еще большую ценность ее показаниям.

Аргумент к цели и средствам необходим ритору в двух случаях:

1) когда необходимо показать, что есть (были) те или иные цели и что найдены средства для их достижения:

Первый вопрос, который возникает относительно участия Колосова в деле подделки акций, — мог ли он иметь побуждение участвовать в нем, было ли такое опасное мероприятие ему удобно и заманчиво? Мы знаем, что он человек без всякой служебной карьеры; крестецкий острог и ложный донос на валдайского исправника многое ему испортили в этом отношении. Ему нужно поправиться. Но

поправиться на служебном поприще едва ли можно, да если бы и занять какое-нибудь место, то — при всяком неудовольствии начальника — его новгородское прошлое ложилось бы тяжкою гирею на чашу весов служебного доверия и благоволения. Что же делать? Поправиться в другом отношении, сделаться капиталистом, крупным биржевым деятелем, занять в этом отношении видное место в обществе. <...> Итак, надо увеличить свои средства и обратить их из «средств» в «капитал». Притом известно, какими операциями он занимался в последнее время: ростовщическими ссудами, игрою на бирже и т.д. Это такая деятельность, которая не может не развивать алчности к деньгам и постоянно возрастающего желания приобрести побольше. Но игра на бирже бывает рискованна, а операции со ссудами слишком мелки; уж если рисковать, так на приобретение средств в широких размерах и сразу. Конечно, такое приобретение мог бы дать обширный спуск по номинальной или биржевой цене дешево стоящих в подделке бумаг («По делу об акушере Колосове и дворянине Ярошевиче, обвиняемых в участии в подделке акции Тамбовско-Козловской железной дороги, а последний, кроме того, в приготовлении к отравлению»);

2) когда важно обосновать тезис: *Цели оправдывают/не оправдывают средств.*

Аргумент к прецеденту, вероятно, более характерен для судебного красноречия государств с прецедентным правом. В России право не было прецедентным (и не является прецедентным до сих пор), поэтому лишь в отдельных случаях оратор позволяет себе прибегать к примерам других судебных дел или даже других стран, как в следующем отрывке:

...наконец, и практика иностранных законодательств признает рулетку запрещенною игрою. <...> Как только сильная государственная власть вступала в обладание теми землями, где процветала рулетка, она уничтожала ее. Пруссия, вступив во владение Нассауским герцогством, сосчитала дни рулетки в Висбадене и Гомурге. Когда в истощенной войною Франции раздались голоса об учреждении открытой игры в рулетку, чтоб увеличить наплыв путешественников и усилить прилив золота в стране, лучшие представители общества и литературы с негодованием восстали против этого, и правительство отвергло предло-

жение о таком недостойном средстве обогащения («По делу об игорном доме штабс-ротмистра Колемина»).

В некоторых случаях А. Ф. Кони прибегает и к **аргументу замещения**, а вернее, к его опровержению. Если слова оппонентов, свидетелей или обвиняемых основаны на подмене того или иного понятия, оратор выдвигает свой контраргумент: *Вам, может быть, скажут, что поведение отца его у Обри показывает, что Янсен действовал с сознанием своей невинности. С видом невинности, но не с сознанием ее, скажу я* («По делу о Станиславе и Эмиле Янсенах...»).

Аргумент замещения как таковой (т.е. аргумент, вводящий в заблуждение) добросовестный оратор, конечно, использовать не должен.

Итак, **судительные аргументы** позволяют оратору представить перед аудиторией разобщенные, запутанные, противоречивые фактические данные в строгой логической последовательности как единую систему.

Предметом **совещательной аргументации** является будущее, поскольку в основу совещательных аргументов ложится та или иная пропозиция оратора. Ритор предлагает с помощью совещательных аргументов определенную модель, которую аудитория может принять или отвергнуть. Естественно, целью всякой публичной речи является либо согласие, либо присоединение аудитории.

Согласие — «это согласие действовать определенным образом в определенных целях».

Присоединение — «это объединение в действие».

В риторической практике совещательная аргументация строится, как правило, во вступлении или в заключении речи. Наиболее характерным для манеры речей А. Ф. Кони, избранных нами в качестве образца, можно считать **аргумент к долженствованию**. Обращаясь к судьям и присяжным, оратор нередко указывает на их долг перед обществом, напоминает, что конечная цель правосудия состоит в достижении справедливости:

Суду не следует служить органом общественного мнения, которое бывает изменчиво и слагается иногда случайно, под слишком разнородными и неуловимыми влияниями. Но суд, оставаясь живым организмом, а не мертвым механизмом, не может не отражать в своем приговоре голоса общественной совести, которая выражается и в твердом слове закона, и в проникающем этот закон духе. И если перед судом есть

доказанное обстоятельство, оскорбляющее такую совесть, — суд исполняет свою обязанность, произнося слово осуждения без той ложной чувствительности, за которою столь часто скрывается черствое равнодушие к положению потерпевших («По делу земского начальника Харьковского уезда...»).

Аргумент к опыту наиболее действен, когда оратор обращается к такому источнику опыта, как право. В этом случае данный аргумент будет особенно эффективен и убедителен. Однако такой уважаемый оратор, как А. Ф. Кони, воспользовавшись своим авторитетом в благих целях, может позволить и свой личный опыт в юриспруденции представить как опыт, значимый для аудитории:

*Опыт, даваемый уголовною практикою, приводит к тому, что в большей части преступлений, в которых виновность преступника строится на косвенных доказательствах, на совокупности улик и лишь отчасти подкрепляется его собственным сознанием, это сознание несколько раз меняет свой объем и свою окраску. **Подозреваемый** сознается лишь в одном, в неизбежном, надеясь уйти от суда; **обвиняемый** сознается полнее, потому что надежда уйти от суда мерк-нет в его глазах; **подсудимый**, пройдя школу размышления, а иногда и советов товарищей по несчастию, снова выбрасывает из своего признания все то, что можно выбросить, все, к чему не приросли твердо улики, ибо у него снова блестит надежда уйти уже не от суда, но от наказания* («По делу об убийстве Филиппа Штрама»).

В данном примере А. Ф. Кони, опираясь на свой опыт общения с обвиняемыми, объясняет, почему подсудимый все время меняет свои показания, и указывает судьям, на какие именно показания следует обратить большее внимание.

В основе **аргумента направления** лежит **принцип восхождения**, и обращен этот аргумент не к одному человеку, как в аргументе восхождения, а к целому обществу или значительной его части, наиболее авторитетной и уважаемой. В обвинительных речах А. Ф. Кони такой частью общества является суд (судьи и присяжные заседатели), от правовой и этической установки которых зависит благосостояние общества. В приводимом ниже примере оратор вновь «объясняет» суду его высокую задачу и показывает, к чему должны стремиться стражи правосудия (речь идет о при-

говоре «подделывателям» и «распространителям» фальшивых билетов):

У нас есть против этого одно средство — чистое, торжественное, хорошее. Это средство — суд. Только судом можно сократить, в сфере государственной и общественной безопасности, подобного рода преступления и не давать им развиться. Господа присяжные заседатели, ваш приговор является таким средством. Он является сильным оружием в борьбе общества с подделывателями и распространителями («По делу о Станиславе и Эмиле Янсенах...»).

Совещательная аргументация помогает оратору поддерживать диалог с аудиторией, добиваться согласия или присоединения аудитории, воплощать то решение, которое сформировалось у оратора. Прибегая к различным видам аргументов, оратор добивается наибольшей убедительности и доказательности.

Аргументация и топика

Поскольку топика составляет важный материал для построения аргументации, необходимо в общих чертах описать ее роль.

Топ (топос) — это общая идея, или общее место (иногда используется именно этот термин вместо терминов **топ** и **топос**): «Топ обычно содержится в большей посылке умозаключения, которая в риторических аргументах может быть опущена, — в таком случае топ подразумевается как общественное положение»[1]. Топы содержатся в пословицах и поговорках, в текстах Священного Писания, в литературных произведениях, в высказываниях авторитетных лиц и т.д. Иными словами, топика — это историко-культурная память людей, выраженная в слове или подразумеваемая. Существует определенная иерархия топов: они разделяются на общие (идея или правило, которое принимается всеми) и частные (идея или правило, которое признается не обязательно всеми и всегда); внешние (содержит две категории, которые вместе образовывают суждение) и внутренние (отношения смысловых категорий, с помощью которых связываются части внешних топов). Каждый аргумент состоит из нескольких (а иногда из множества) топов, которые организуются в единую систему. А. А. Волков предлагает следующую классификацию топов.

[1] *Волков А. А.* Основы русской риторики. С. 45.

I. Внутренние топы.
1. Топы определения:
а) признак;
б) тождество;
в) сущность;
г) привходящее;
д) соотносительность;
е) производность;
ж) род и вид;
з) часть и целое;
и) имя.
2. Топы соположения:
а) сравнение;
б) сопоставление;
в) противоположное;
г) несовместимость;
д) аргумент к человеку.
3. Топы обстоятельств:
а) место;
б) время;
в) предыдущее/последующее;
г) действие и претерпевание;
д) причина;
е) цель/средство;
ж) образ действия.

II. Внешние топы.
1. Религия.
2. Наука.
3. Искусство.
4. Право.
5. Исторический опыт.
6. Личный авторитет.
7. Государственные институции.
8. Общественная мораль.
9. Политическая система.
10. Общественное мнение.

Исходя из этой классификации, легко сопоставить на примере обвинительных речей А. Ф. Кони виды внутренних топов с видами аргументов (особенно учитывая, что нередко совпадают названия топов и аргументов): **аргумент к составу** основывается на топах **действие** и **претерпевание**, **место** и других топах обстоятельств; **аргумент к смыслу** содержит топы **признак** и **сущность**; **аргумент «модель и антимодель»** строится на топах **род** и **вид**, **сопоставление**; **аргумент к выбору** состоит из топов **противопоставление**, **несовместимость**; а **аргумент к причине** подразумевает использование топа **причина**. В судебном красноречии наиболее часто употребляются топы обстоятельств. Г. Г. Хазагеров соотносит их с понятием древней риторики — **стасисом**: «Стасисы — это обстоятельства дела (преимущественно в судебном красноречии). Они отвечают на вопросы: кто сделал, что сделал, когда сделал и как. Могут включать и вопрос: “А судьи кто?”».

Сложнее представляется система внешних топов, которая в большей степени опирается на культурную традицию и коллективное сознание народа. Так, А. Ф. Кони часто прибегал к таким топам, как **общественная мораль** и **общественное мнение**, ведь для оратора всегда важно соотнести закон с общественными потребностями в справедливости и правосудии.

Система топов (или топосов) в каждом риторическом (и художественном) тексте составляет «внутреннюю кухню инвенции», опирается в первую очередь на культуру народа, располагающую «запасом устойчивых форм, которые актуальны на всем ее протяжении», а также на культурно-историческую ориентацию самого оратора. По выражению Г. Г. Хазагерова, «общие места полезны для оценки именно риторического поля, для понимания того, из каких кирпичиков строится тот или иной дискурс»[1].

Итак, аргументация, построенная на «кирпичиках» — топах, предстает как стройное здание убедительного риторического текста, по своим художественно-риторическим качествам близкого к совершенному произведению искусства. Отметим также, что аргументация имеет равное отношение и к этосу, и к логосу, и к пафосу, о которых шла речь выше. Наиболее значимые и эффективные аргументы основываются на понятиях нравственности, морали, правосудия, справедливости (этос). Ораторские страсти, на которых строится пафос, предполагают использование наиболее сильных аргументов, чтобы эмоции ритора получили обоснование. И, наконец, внутренняя последовательность риторического текста (композиция в первую очередь) также во многом определяется правильным и логичным построением и расположением высказываний (логос).

4.2. Логика материала. Виды вспомогательного материала

Понятие композиции

Слово **композиция**, взятое в самом общем значении, соответствует понятию о строении, соотношении и взаимном расположении частей целого. **Целое** обычно соотносится в таком понимании с **произведением**. В зависимости

[1] *Хазагеров Г. Г.* Политическая риторика. С. 61.

от того, о каком произведении идет речь, слово **композиция** может использоваться и как специальный термин. Так, в литературоведении и — шире — в искусствознании композиция обычно рассматривается как конкретное построение, внутренняя структура произведения (архитектоника), подбор, группировка и последовательность изобразительных приемов, организующих идейно-художественное целое. **Композиция речи** — это закономерное, мотивированное содержанием и замыслом расположение всех частей выступления.

Существует несколько подходов в изучении композиции. Традиционно в риторике используется такой термин, как **диспозиция** (лат. *disposition* — расположение) — «один из основных разделов классической риторики, "расположение": в нем рассматривается композиция речей, сочинений, в зависимости от жанра и типа речи»[1].

Говоря о композиции, следует иметь в виду, что в ее основе лежит **риторическая традиция** красноречия, поэтому общая структура речи остается неизменной и может быть представлена достаточно просто: вступление — главная часть — заключение. По словам Н. Н. Ивакиной, «для любой публичной речи характерно трехчастное деление: вступление — основная часть — заключение». Однако как только конкретный текст становится предметом исследования, появляется множество факторов, которые выводят его за пределы данной схемы. В риторике, как правило, основные части речи дробят на более мелкие. Так, согласно А. А. Волкову начало речи может содержать вступление, пропозицию и разделение; середина речи — описание, повествование, обоснование и опровержение; завершение речи — рекапитуляцию, заключение, вывод.

Г. Г. Хазагеров предлагает несколько теорий, посвященных композиции: 1) теория выдвижения; 2) теория расположения доводов; 3) теория частей ораторской речи. Исследователь по сути излагает римскую риторику Квинтиллиана, которая выделяла следующие **части публичной речи: обращение, именование темы, повествование, описание, доказательство, опровержение, воззвание, заключение**. Разумеется, порядок расположения частей речи может и не соблюдаться (кроме вступления и заключения),

[1] *Богданова Н. В.* Словарь основных понятий и терминов риторики. М., 2001. С. 18.

некоторые части могут опускаться. Все эти части можно объединить в три главные: обращение и именование темы входят в состав вступления, повествование, описание, доказательство, опровержение — в состав главной части, воззвание и заключение — в состав заключения (с точки зрения общепринятого понятия). Кроме того, стоит отметить, что описание, повествование и доказательство как части публичной речи вполне соотносятся с функциолнально-смысловыми типами изложения.

Таким образом, каноническая схема расположения, или композиции, строится следующим образом.

Вступление
(ритор представляет себя
и основания своего обращения к аудитории)

↓

Позиция
(предложение + положение = теза)

↓

Разделение
(состав и последовательность
главного содержания высказывания)

↓

Изложение (фактического материала)
Описание (предмета)
Повествование (о событиях)

↓

Обоснование
(предложения доводами рассуждения)

↓

Опровержение
(после определения предпосылок критики)

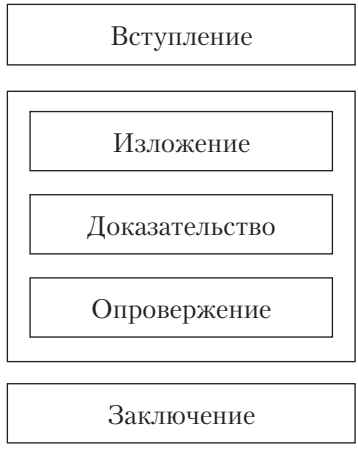
↓

Рекапитуляция (обобщения)
или
Выводы

↓

Побуждение
(аудитории принять предложенное решение)

В свернутом (упрощенном) виде эта схема может быть представлена следующим образом:



Содержательные изъяны данной схемы можно восполнить расшифровкой каждого из компонентов с точки зрения целевой установки.

Так, целевая установка вступления:

а) вызвать интерес, овладеть вниманием аудитории;

б) установить взаимопонимание и доверие;

в) подготовить аудиторию к восприятию речи.

Целевой установкой основной части (изложение, доказательство, опровержение) должно быть:

а) сообщение информации;

б) обоснование точки зрения самого ритора;

в) убеждение аудитории;

г) побуждение слушателей к конкретным действиям.

И, наконец, в заключении ритор должен:

а) суммировать сказанное, сделать выводы;

б) усилить интерес к предмету речи;

в) закрепить впечатление от речи.

Вступление

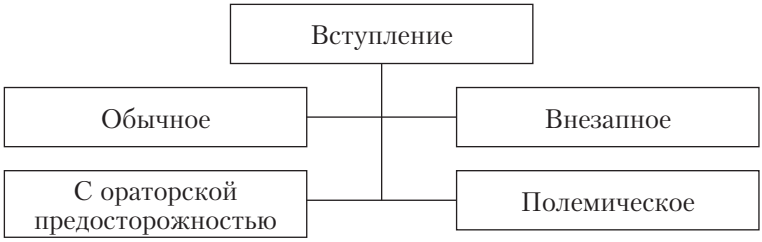
Правила построения вступления. Во-первых, даже при неудавшемся вступлении, **если оно кратко**, интерес публики к ритору сохраняется, и ошибку можно исправить — впереди целая речь, в содержании которой обнаружатся качества оратора.

Во-вторых, вступление должно быть **умеренно энергичным**: яркое вступление привлекает внимание и вызывает симпатию к оратору, но может не хватить сил продолжать на том же эмоциональном уровне. От сильных эмоций аудитория устает, а ритор должен приберечь пафос к концу речи.

В-третьих, **стилистически вступление не должно резко контрастировать с основными частями речи**, так как может сложиться впечатление, будто ритор стремится привлечь внимание к себе, а не к предмету речи.

В-четвертых, **во вступлении следует избегать существенных для аргументации формулировок и данных, если они не повторяются в других частях речи**, так как аудитория входит в речь постепенно.

В-пятых, **вступление не следует сочинять до основных частей речи**, так как оно отражает для ритора содержание и пафос высказывания в целом, являясь речью о речи.



Обычное вступление

Кроме общих правил краткости, умеренности, уместности, соответствия предмету и постепенности, вступление характеризуется следующими качествами:

1. Во вступлении особенно проявляются ораторские нравы — честность, скромность и т.д.

2. Ритор показывает основания своего обращения к аудитории с речью и стремится дать представление об уровне значимости предмета для общества. Часто здесь встречаются апелляции (или доводы) к авторитетам.

3. В неявном виде указывается тип ценностной иерархии, которой следует ритор.

Обращение, начальную часть речи, привлекающую внимание слушателей, следует рассматривать как прием диалогизации. В основе построения публичного выступления лежит монолог как особая форма стилистического постро-

ения, в которой сплетаются синтаксические особенности письменного и разговорного литературного языка. Характерными чертами публичного монолога лингвисты считают преднамеренность воздействия на слушателей, замысел, но это лишь формальный признак публичного ораторского выступления. Если говорить о внутреннем содержании публичной речи, то на первый план выходят отношения диалогические. Применительно к судебной речи монологического характера диалогичность понимается как апелляция к суду и воспроизведение чужого мнения с целью доказывания, отражающее особенности устной разговорно-бытовой диалогической речи. Однако понятие диалогичности гораздо шире: если риторический идеал оратора связан с истиной, с ее выяснением, то цель выступающего не может быть сведена лишь к убеждению как таковому. Аудитория, как правило, принимает участие в размышлениях оратора если не интеллектуально, то хотя бы эмоционально. В обращениях А. Ф. Кони встречаются апелляции к судебному опыту, опыту присяжных или обвинительной власти, но иногда оратор строит обращение на определении своей роли в данном деле: *Не скрою от вас, что приступая к исполнению лежащей на мне обязанности поддерживать это обвинение, я чувствую всю трудность предстоящей мне задачи* («По делу об оскоплении купеческого сына Горшкова»).

Бывает, что обращение во вступительной части оттягивается, пропуская вперед вступление: *Господа судьи, господа присяжные заседатели! 10 января нынешнего года отец Илларион, иеромонах Александро-Невской лавры, был найден в своей келье окончившим жизнь насильственным образом от чужой руки. <...> Вы, представители суда в настоящем деле, не можете быть орудием ни в чьих руках* («По делу об убийстве иеромонаха Илариона»).

Именование темы, или собственно вступление, зависит от «целевой установки оратора».

1. Вступление может начинаться с изложения фактов, чтобы обратить внимание аудитории на то, что произошло, и тогда в основной части, вероятно, главным будет анализ сюжета.

2. Вступление может быть сосредоточено на задачах обвинения или на задачах судебной власти в целом: *Вам предстоит произнести приговор по делу весьма сложному и во многих отношениях весьма интересному* («По делу об акушере Колосове и дворянине Ярошевиче...»).

3. Вступление очень часто содержит программу речи: *Мне предстоит произнести перед вами обвинительную речь, которая должна составлять развитие оснований и соображений, изложенных в обвинительном акте* («По делу о нанесении губернским секретарем Дорошенко мещанину Северину побоев, вызвавших смерть последнего»).

4. Вступление нередко сосредоточено на общественной и моральной оценке предмета речи: *Преступления, принадлежащие к разряду многообразных подлогов, отличаются от большинства других преступлений, между прочим, одною резкою чертой: в большей части преступлений обвиняемые становятся более или менее в явно враждебные отношения к лицу потерпевшему... <...> Существенный признак этого преступления составляет обман, в который вводятся лица, против которых направлен подлог* («По делу о подлоге расписки в 35 тысяч рублей серебром от имени княгини Щербатовой»).

5. Вступление может начинаться с так называемого **психологического крючка**: *Позднее время, в которое начинаются судебные прения, утомительное судебное заседание, и, наконец, то внимание, с которым вы слушали настоящее дело, обязывают меня и дают мне возможность быть кратким...* («По делу о Станиславе и Эмиле Янсенах...»).

Все эти виды вступлений нередко встречаются и в сочетании друг с другом. Кроме того, в риторическом тексте, как правило, обращение и именование темы практически неотделимы друг от друга. В любом случае вступительная часть определяется замыслом речи и является основой для дальнейшего исследования обстоятельств дела, содержит проблему, которую следует разрешить.

А. Ф. Кони в «Советах лекторам» так говорил о роли вступительной части: «Привлечь (завоевать) внимание слушателей — первый ответственный момент в речи лектора — самое трудное. Внимание всех вообще (ребенка, невежды, интеллигента и даже ученого) возбуждается простым интересным (интересующим) и близким к тому, что наверно пережил или испытал каждый».

Главная часть

Три составляющие основной части — повествование, описание, доказательство — опираются на понятие **типы изложения**. Н. Н. Ивакина, выделяя типы изложения в судебной речи, прибегает к таким терминам, как **представ-**

ляющие последовательности и **аргументативные**[1]. Однако при анализе публичной речи с точки зрения риторической концепции (а также с целью лингвистического анализа) возможно использование и общепринятых в филологической (стилистической) науке терминов, а именно: **повествование**, **описание**, **рассуждение**. Кроме того, термин Н. Н. Ивакиной **представляющие последовательность** предполагает комбинирование сразу двух типов изложения — повествования и описания, в то время как эти типы изложения не всегда встречаются в сочетании.

Повествование описывает историю вопроса: оратор передает последовательность событий, излагает своего рода картину преступления. Причем в данном случае уместно прибегнуть к такому понятию, как **сюжет**. Чтобы достичь наивысшей выразительности, необходимо, чтобы речь кроме рассуждений содержала эффектные картины, запоминающиеся образы, характерные эпизоды. Сюжетность необходима в публичной речи, поскольку для слушателей всегда убедительней примеры, а не морализаторство в чистом виде. Судебный оратор, например, восстанавливает все, что произошло, аргументируя, почему он считает, что это произошло именно так. Вот почему хронологический порядок лежит в основе главной части судебной речи. При этом отнюдь не обязательно следует идти по принципу от более раннего к более позднему событию: иногда возможно и обратное построение сюжета. Приведем пример. В речи «По делу об убийстве коллежского асессора Чихачева» А. Ф. Кони рассказывает эпизод из жизни обвиняемой:

В довольно отдаленном прошлом, семь лет назад, на жизнь обвиняемой легло пятно, оставившее неизгладимое и тяжелое воспоминание. Тогда она была еще молодою девушкою, недавно вышедшею из института, и гостила у своих родственников. Туда ездил человек несчастный в семейной жизни, который горевал о своей разбитой жизни и плакался на свою судьбу, только в этом семействе находя себе утешение. Понятно, что в молодой девушке должно было развиться чувство сострадания к нему. <...> Понятно также, что Чихачев, искавший теплого, сердечного участия, потянулся как растение к солнцу, к той, в ком его участие выражалось в наиболее привлекательной и горячей форме, и стал искать преимущественно около обвиняемой душевного отдыха.

[1] См.: *Ивакина Н. Н.* Культура судебной речи. С. 86—87.

Затем оратор подробно рассказывает историю этих отношений и дальнейшую жизнь обвиняемой. Эта предыстория необходима А. Ф. Кони для того, чтобы показать, как эта жизненная ситуация, казалось бы, столь обычная, привела к тяжкому преступлению. Однако этот сюжет, безусловно, играет и другую роль в речи: слушатель (а потом и читатель) вовлекается оратором в само повествование, ему интересно, что же происходило с этой девушкой, как дальше развивались ее отношения с убитым и что сталось с ее судьбой потом. Таким образом, сюжет удерживает внимание и интерес аудитории.

К **описанию** можно прибегнуть, например, для характеристики личности подсудимого или свидетеля или для создания картины образа жизни того или иного человека, что тоже по сути является способом характеристики самой личности. А. Ф. Кони всегда указывал на то, что характер подсудимого или свидетеля представляется ему главным источником при анализе его действий. В приводимом ниже примере А. Ф. Кони обрисовывает и самого подсудимого, и обстановку, в которой он жил:

Прежде всего остановимся на личности Александра Штрама — характеристической и весьма интересной. Показаниями свидетелей, начиная от отечески добродушного и сочувственного к подсудимому показания свидетеля Бремера и кончая резким и кратким отзывом о неблаговидном его поведении свидетеля Толстолеса, личность Александра Штрама обрисовывается со всех сторон. Мы видим его молодым юношей, находящимся в ученье, добрым, отличным и способным работником, несколько робким, боящимся пройти мимо комнаты, где лежит покойница; он нежен и сострадателен, правдив и работящ. Затем он кончает свою деятельность у Бремера и уходит от него; ему приходится столкнуться со своею семьею — с матерью, съемщицею квартиры, где живет иногда бог знает какой народ, собравшийся отовсюду и со всякими целями. В столкновениях с этой не особенно хорошей средою заглушаются, сглаживаются некоторые нравственные начала, некоторые хорошие, честные привычки, принесенные от старого, честного Бремера. К нравственному беспорядку жизни присоединяются бедность, доходящая нередко до крайности, до вьюшек, вынимаемых хозяевами, требующими денег за квартиру,

и холод в комнате, так как дрова дороги, а денег на покупку нет («По делу об убийстве Филиппа Штрама»).

Итак, А. Ф. Кони, тонкий психолог, показывает, как среда — нищета и дурное влияние окружающих — может повлиять на судьбу и характер чистого, но не твердого в нравственном отношении юноши.

Доказательство соответствует такому функционально-смысловому типу изложения, как рассуждение, и предполагает сосредоточение логических аргументов, о которых уже говорилось выше.

Рассуждение как тип изложения, кроме того, может использоваться в сочетании с описанием или повествованием, потому что оратор всегда говорит о том (неважно, описывает он или рассказывает), что вероятнее всего произошло или вероятнее всего выглядит именно так. В связи с этим в арсенале оратора всегда есть ряд умозаключений, которые способны подтвердить его соображения. В части **доказательство** всегда очень эффектно выглядит **апофазис** (последовательный перебор и отвержение всех возможных альтернатив, кроме одной). Это делает позицию ритора очень сильной: он заранее анализирует все возможные возражения и гипотезы своих противников, которые могут входить в состав аудитории или быть оппонирующей стороной в публичном споре. В качестве примера можно привести разбор свидетельских показаний в речи «По делу об оскоплении купеческого сына Горшкова». Когда оратор переходит к самому преступлению, которое явилось предметом судебного разбирательства, то оказывается, что у обвинительной власти очень мало улик, хотя виновность обвиняемого для А. Ф. Кони очевидна (это следует из всего текста речи и в этом не может быть никакого сомнения). Основным предметом доказательства становятся свидетельские показания, главным образом их сопоставление. Именно эти показания, разобрав их последовательно и скрупулезно, отвергает А. Ф. Кони как ложные и точно так же отвергает он все возможные ситуации с оскоплением мальчика без участия его отца:

Первый вопрос по существу дела заключается в том, ***мог ли Горшков не знать, что его сын оскоплен****? Можно ли было это сделать без его ведома, и справедлив ли рассказ его сына? Полагаю, что рассказ этот совершенно несправедлив. Разберем, в чем он состоит, разберем, кстати, и рассказ его матери.*

Далее следует повествование, которое в данном случае является частью доказательства:

Но стоит немножко вдуматься в операцию оскопления, чтобы понять, что этот рассказ неправдоподобен. *Не говоря о том, что то, что рассказывает молодой Горшков курской уголовной палате, невероятно с физической стороны, оно невероятно и с нравственной стороны. <...> Заявление матери еще менее правдиво. Эта мать, узнав из слов сына, что его «испортили», не полюбопытствовала даже узнать, что именно с ним сделалось, не занялась его лечением, не расспросила его, а просто сказала какой-то Пелагее Ивановой, которая чем-то и примачивала Василию больное место. <...> То, что произошло с ним, в самой вялой и апатичной матери, — если только она мать действительно, — должно было возбудить негодование, слезы... <...> Тех ссылок, которые я сделал на дело Маслова, достаточно для того, чтобы признать, что рассказ Василия Горшкова и матери его несправедлив. Тогда остается один вывод: он оскоплен не Масловым и не при матери, в Курске. <...> Мы должны предположить отсутствие у отца его всякой наблюдательности, всякого внимания к сыну, всякого отцовского чувства, когда он не замечает, что у малолетнего сына, при наступлении зрелости, голос не становится мужественным, а дребезжит и делается скопчески-писклив, когда он не замечает, что вместо того, чтобы, возрастая, румянеть и цвести, он делается хилым, вялым и худеет, и глаза его не блестят, походка шатка и неровна и, наконец, что у сына нет ни детской веселости, ни шалостей, ни юношеского задора. Всего этого отец не мог не заметить, а если он не мог этого не заметить, то он и не мог не знать, что сын его оскоплен.*

Как видим, это доказательство строится не на одном только рассуждении, но и на повествовании и описании. В чистом виде описание и повествование в убеждающей публичной речи возможно лишь тогда, когда оратор отходит от основного вопроса (например, в отступлениях). В приведенном выше примере содержится и **отвержение**. Строго говоря, отвержение — это разбор и отведение реальных или возможных аргументов противника. Однако в данном случае А. Ф. Кони отвергает не слова процессуального противника (адвоката), а слова свидетелей, на которых, вероятно, и основывалась защита. В данном случае А. Ф. Кони при-

бегает к **элевации** (выделено в фрагменте полужирным), отрицанию аргумента противника как «небывалого по сущности», и к **диасирмусу** (подчеркнуто в тексте), отрицании того или иного предположения как «небывалого по развернутым картинам».

Отдельного комментария требует такая композиционная составляющая, как **отступление**, также относящаяся к главной части. В литературоведении существует термин **лирическое отступление**. Он применим к художественной литературе, однако в тексте риторическом также возможны отступления от основной темы. Такие отступления целесообразно, по-видимому, назвать **риторическими**. Отступления в публичных речах часто обладают определенной завершенностью, роднящей их с самостоятельными текстами: Понятие **текст** может быть применено не только по отношению к цельному литературно оформленному произведению, но и к его части, достаточно самостоятельной с точки зрения микротемы и языкового оформления. Так можно говорить о тексте главы, раздела, параграфа; тексте введения, заключения и т.п. В этих отступлениях оратор может отразить, например, свой профессиональный опыт. В них всегда можно выделить такие аспекты, как исторический, профессиональный (связанный с профессиональной деятельностью самого оратора или аудитории) и нравственно-психологический.

Так, отступление в речи «По делу о Станиславе и Эмиле Янсенах...» содержит острую для России того времени проблему ввоза, производства и оборота фальшивых денег:

Россия в последнее время сделалась обширным полем, на котором ведется систематическая война против общества и государства посредством кредитной подделки всевозможных систем. Против каждого из русских людей, против всего нашего отечественного рынка, против нашего кредита и против целого общества — ввозом фальшивых бумажек ведется война; от преступления здесь страдает и отдельная личность, и целое общество. Эта война не может быть, однако, терпима, нужно по возможности стараться прекратить ее. Подделыватели и распространители фальшивых билетов вносят в эту войну искусство, ум, энергию, изобретательность и всевозможные средства, нечистые и бесчестные, но обдуманные и ловкие. У нас против этого одно средство — чистое, торжественное и хорошее. Это

средство — суд. Только судом можно сократить, в сфере государственной и общественной безопасности, подобного рода преступления и не давать им развиться.

Осознавая глобальность проблемы, затронутой в этом деле, А. Ф. Кони призывает судей бороться с преступлениями подобного рода в каждом отдельном случае: метафорично называя Россию *полем*, а незаконный оборот фальшивых денег *войной* (это так называемые **военные** метафоры), оратор прибегает к гиперболе, не останавливаясь на обстоятельствах данного дела, но обрисовывая опасность конкретного преступления как части целой волны преступлений, связанных с подделкой денег. Призыв к судьям звучит из уст А. Ф. Кони, когда он с помощью антонимов (*нечистые и бесчестные — чистое, торжественное и хорошее*) строит параллельные конструкции и, кроме того, создает антонимические ряды и градацию: *...всевозможные средства, **нечистые и бесчестные, но обдуманные и ловкие**. У нас против этого одно средство — **чистое, торжественное и хорошее**.*

В речи «По делу о подлоге расписки... от имени княгини Щербатовой» отступление касается участников судебной коммуникации в ее публичной фазе — судебном процессе, а именно: роли обвинителя на суде и во время следствия и психологического состояния преступника.

*Но обязанность обвинителя не ограничивается одною отрицательною стороною дела, необходимо указать, **как** было совершено преступление, проследить тот путь, каким совершилось оно, и к отрицательной стороне дела, к разбору объяснений подсудимого прибавить положительную, состоящую в ряде улик и доказательств преступности его действий. <...> Если сравнить действия человека, поступающего законно и правильно, с уверенностью в своей правоте, с действиями человека преступного, то в них всегда можно подметить резкие отличительные черты, яркие особенности. Человек, сознающий правоту своих действий, не будет говорить о них украдкою, не станет действовать, по возможности, без свидетелей, не будет стараться подговорить их «на всякий случай», не станет скрывать следов того, что совершил. <...> Совершенно в обратном направлении будет действовать тот, кто сознает, что поступает нечисто и дурно. У него явятся и подставные свидетели, и сокрытие следов. Иногда на помощь правосудию придет и другое,*

довольно нередко встречающееся в преступлениях свойство: виновный проболтается, проговорится, и сам поможет таким образом разъяснить дело. <...> Иногда виновный дает против себя оружие, проговаривается под влиянием отягощенной совести, которая настойчиво требует хоть косвенного признания. Но чаще это бывает, когда он совершит какое-нибудь ловкое действие и видит в том силу и торжество своего ума.

Рассматривая судебную власть как орудие в руках правосудия, себя А. Ф. Кони не возвышает. Он осознает, что удачная речь, произнесенная в суде, — не главная задача. Она становится главной только на последнем этапе, когда не осталось темных пятен в доказательствах и показаниях. Теперь, когда сам оратор привел все доказательства своей позиции, он имеет право построить свою аргументацию так, чтобы его пропозиция была принята. Насколько ему удастся сделать свою речь именно такой — убедительной и ясной — зависит, конечно, и от его мастерства владения словом. Вторая часть рассматриваемого отступления касается психологии преступника и логики его действий. В данном случае А. Ф. Кони, бесспорно, исходит из своего прокурорского опыта. Неслучайно оратор использует **прием контраста**, сравнивая действия человека, поступающего согласно с совестью и с законом, и человека, нацеленного на преступление. Задача судебных деятелей — распознать, исходя из слов подсудимого и из других доказательств, были ли заключены человеком *сделки* с совестью и с законом, если пользоваться метафорой А. Ф. Кони.

Отступления в обвинительных речах А. Ф. Кони являются связующим началом между конкретным судебным делом и личной позицией оратора, его правовой и нравственной позицией. Таким образом, в отступлениях четко прослеживается связь между личностью оратора и предметом его речи.

Отступления не могут быть отнесены к композиционно инородным элементам: во-первых, они связаны с сутью предмета речи, будь то какое-либо событие или личность человека; во-вторых, они помогают оратору объяснить свою позицию и принципы построения публичного слова; в-третьих, отступления, как правило, строятся по принципу краткости, емкости и образности.

Заключение. «Закон края»

Речи А. Ф. Кони построены по принципу кольцевой композиции, но такое построение обусловлено отнюдь не формальностью судебной речи, которая, несмотря на принадлежность этого жанра к сфере риторического и лингвистического исследования, все-таки приобретает многие черты официально-делового стиля, ведь все, что произносится на суде, составляет потом судебный протокол. У А. Ф. Кони кольцевая композиция[1] обусловлена главным образом идеей: обращение к судьям в начале и в конце выступления (в заключении это обращение, как правило, переходит в воззвание), что является традиционной схемой судебной речи, получает и иную трактовку в речах А. Ф. Кони. Сам оратор так говорил о значении кольцевой композиции в речи: «Конец речи должен закруглить ее, то есть связать с началом». Если во вступлении он говорит с присяжными в основном как с людьми, на которых возложена непростая миссия, ссылается иногда даже на усталость судей, призывает не поддаваться ей (даже излагая суть дела, А. Ф. Кони часто объясняет свою лаконичность желанием не отвлечь аудиторию деталями от главного, не утомить ее напоминанием уже перечисленного), то заключения, которые делает А. Ф. Кони в своих речах, риторически возвышенны и художественно совершенны.

Затрагивая проблему правосудия во вступлении, обращаясь к идеалам правосудия на протяжении всей речи, А. Ф. Кони в финале открыто воспевает его силу, пользуясь самыми разными риторическими приемами. Правосудие как соединение гуманизма, справедливости, честности и при всем этом юридической точности является для А. Ф. Кони всегда именно тем идеалом, к которому он сам стремится и призывает стремиться других. Неслучайно этот

---

[1] В риторической науке существует также такой термин, как **закон края** — «выведенная из практики и экспериментально подтвержденная психологами закономерность, сущность которой, применительно к публичному выступлению, состоит в том, что слушатели лучше всего запоминают начальные и заключительные фрагменты речи»; «одно из правил композиции, требующее особенно четко и выразительно излагать тему, проблематику и задачи выступления (начальный фрагмент), а также ясно формулировать частные и общие выводы (заключительный фрагмент)» (*Богданова Н. В.* Словарь основных понятий и терминов риторики. М., 2001. С. 20—21).

идеал — правосудие — в обвинительных речах А. Ф. Кони образ почти живой, действующий, выступает главным охранителем не только законности, но и нравственности. Рассмотрим некоторые примеры заключений оратора.

В речи «По делу об убийстве иеромонаха Иллариона» обвинитель произносит свой строгий, но одновременно и гуманный приговор убийце:

Подсудимый молод, ему 18 лет, вся жизнь еще перед ним. Он начал ее печальным делом, начал преступною сделкою со своей совестью. Но надо думать, что он не погиб окончательно и, конечно, может исправиться, может иначе начать относиться к задачам жизни и к самому себе. Для этого исправления строгий и правдивый приговор суда должен быть первым шагом. Со сделкой с совестью ему не удалось. Теперь он находится перед вами и, по-видимому, хочет вступить в сделку с правосудием. <...> Не думаю, чтобы на него хорошо подействовало нравственно, если эта вторая сделка удастся. Вот почему я думаю, что она ему может и не удаться.

Последняя фраза обращена, безусловно, непосредственно к присяжным, но произнесена она иносказательно: оратор намекает на то, что судьи — это именно те люди, которые не должны допускать *сделок*. Однако человек, против которого выступает А. Ф. Кони со своей речью, не уходит на второй план, его участь важна для самого обвинителя, и свою миссию он видит в том, чтобы, обвинив, направить молодого человека на верный путь.

А. Ф. Кони также дает блестящие примеры эвфемистических заключений:

Надо дать место и справедливости, которая выражается в правосудии. Оно иногда бывает сурово и кончается подчас насильственным гостеприимством. Этого правосудия ждет от вас обвинительная власть («По делу о Станиславе и Эмиле Янсенах...»).

Оратор, не выражая открыто своих чувств и воздерживаясь от громких обвинений, все же находит способ выразить свое негодование и свою волю, которая в его судебных речах всегда тождественна воле справедливого обвинения.

Как представитель обвинительной власти, А. Ф. Кони уверен, что ее назначение — подтолкнуть суд принять единственно справедливое решение, которое докажет еще

раз, что в русском обществе сильны законы и юридические, и нравственные:

Личности, подобные Колосову, вредны не только как люди, совершающие известное, караемое законом преступление, они еще более вредны как вносящие всюду... нравственную заразу. Такие люди, в видах ограждения общества, должны быть устранены из него. Вот почему я думаю, что, услышавши ваш обвинительный приговор и о себе, и о Колосове, Ярошевич, который верил, что его руководитель счастливо прошел «огонь, воду и медные трубы», поймет, что, кроме огня, воды и медных труб, есть еще нечто, чрез что гораздо труднее пройти — это суд («По делу об акушере Колосове и дворянине Ярошевиче...»).

Злая ирония и суровый приговор слышен в словах А. Ф. Кони, когда, разрушая фразеологический оборот (*пройти через огонь, воду и медные трубы*), он вновь и вновь напоминает о назначении суда как высшего органа правосудия.

Когда оратор видит трагедию в жизни людей, когда хочет показать весь ужас злодеяния и призвать присяжных восстановить справедливость, он не пренебрегает и аргументом к жалости. В речи «По делу об убийстве статского советника Рыжова» заключение ритора представляет собой короткое, но экспрессивное отступление от реальных фактов (А. Ф. Кони рассуждает о том, как в будущем может сказаться отсутствие отца и мужа в семье убиенного):

Там, где действительно совершено преступление, приговор обвинительный, несмотря на свою тяжесть, завершает собою для подсудимого и для пострадавших житейскую драму, сглаживая чувства личной злобы и негодования и успокаивая смущенную общественную среду спокойным, хотя и суровым словом правосудия. Вот почему я кончаю свое обвинение тем, что обращаюсь мыслью к будущему. Я предвижу то время, когда несчастные, осиротелые дети Рыжова подрастут, когда их безвременное сиротство скажется на них особенно тяжело. <...> Но я надеюсь, что окружающие будут иметь возможность сказать им: «Дети, в жизни много зла, но бывает и справедливость, и человек, который причинил вам столько несчастья, уже искупил свою вину».

И А. Ф. Кони, даже абстрагируясь от реальности, обращаясь исключительно к судьбе человека, его чувствам,

ни на минуту не забывает о великом назначении правосудия, которое призвано восстановить справедливость.

Следует отметить, что нравственные ценности в речах А. Ф. Кони никогда не выступают в роли абстрактных категорий, не причастных к реальной жизни. Напротив, оратор всегда соотносит как юридические, так и нравственные правила с общественными потребностями и ценностями, поэтому и обращение к присяжным в финале как к членам того же общества, безопасность которого они обязаны обеспечить, представляется вполне естественным:

Вам, представителям всех слоев этого общества, всего лучше и справедливей произнести решительное и окончательное слово о виновности подсудимого перед законом, стоящим на страже общественной и личной безопасности («По делу о нанесении губернским секретарем Дорошенко мещанину Северину побоев, вызвавших смерть последнего»).

Это заключение, кроме того, содержит и воззвание — обращение к чувствам, где сосредоточены доводы «к человеку».

Заключение в обвинительных речах А. Ф. Кони становится композиционно наиболее значимой частью: во-первых, оно служит поводом для обращения к присяжным как к самой важной части аудитории, на которую рассчитывает оратор, что, конечно, не исключает интереса всех других слушателей судебного заседания; во-вторых, заключение является важным признаком (наряду со вступлением) соблюдения традиционной формы публичной убеждающей речи; в-третьих, в финале речи, когда все факты уже изложены подробно, появляется возможность для проявления стилистического таланта оратора. Разобранные выше примеры заключений говорят о том, что А. Ф. Кони умело пользовался иронией, сарказмом, фразеологическими и лексическими возможностями русского языка, метафорами, эвфемизмами.

Наконец, главная, убеждающая сила заключений обвинительных речей А. Ф. Кони состоит в том, что именно в них приобретает свою красоту и значимость образ **правосудия**, который в каждой речи А. Ф. Кони воплощается по-разному, но смысл которого всегда один — утверждение принципов добра, справедливости, честности. Композиция, «группировка содержательных текстообразующих элементов к авторскому “я” как стилистическому центру

системы»[1] в речах А. Ф. Кони самым удачным образом проявилась именно в заключениях.

Таким образом, композиция обвинительных речей А. Ф. Кони, соответствуя канонам классической риторики, демонстрирует один из важнейших способов достижения оратором наибольшей убедительности, концентрации внимания аудитории на наиболее значимых частях речи и — главное — важнейших идеях самого оратора.

4.3. Изобразительность убеждающей речи. Риторические фигуры и тропы, риторические приемы

Изобразительность риторического текста представляет собой отдельный (сложный и интересный) предмет исследования. Что такое изобразительность речи? **Изобразительной** принято называть предельно конкретную речь, способную обозначать единичный предмет, способную вызвать представление. В этом определении изобразительности есть два важных момента. Во-первых, указание на способность речи вызывать представление, т.е. образ; во-вторых, указание на предельную, максимальную конкретность. Способность вызывать представление характерна для любой речи, а обусловливать появление предельно конкретного образа — далеко не всякой. Обычная речь изучается в курсах грамматики (в широком смысле), в лексике. **Риторика** же изучает необычную, **максимально конкретную речь**. Значит, ей нужно изучать не просто те языковые средства, которые вызывают представления, а те, которые усиливают способность вызывать и доводить их до максимальной конкретности. Иными словами, **риторика должна интересоваться не собственно изобразительностью, а средствами ее усиления**. Именно поэтому в публичных речах и вообще в риторических текстах наиболее сильные аргументы всегда связаны с использованием различных средств усиления изобразительности, которые распределены не равномерно, как в художественном произведении, а концентрируются в каком-либо одном фрагменте. Подобное расположение фигур и тропов называется в риторике **конвергенцией**[2].

---

[1] *Кайда Л. Г.* Авторская позиция в публицистике : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1992. С. 10.

[2] *Хазагеров Г. Г.* Политическая риторика.

Усиление изобразительности начинается с интуитивного или осознанного отбора языковых средств, который подчиняется в первую очередь принципу большей конкретности. Понятие изобразительности связано с такими риторическими терминами, как **фигура** и **троп**. Именно фигуры и тропы усиливают изобразительность речи. Теоретики риторической науки по-разному определяют значение этих терминов. Также существуют различные классификации риторических приемов — фигур и тропов. В античной риторике понятия **троп** и **фигура** противопоставлялись: троп понимался как слово, фигура — как словосочетание. Античная риторика разделяла риторические фигуры на фигуры мысли и словесные фигуры. Классификация словесных фигур дана в восьмой и девятой книгах труда Квинтиллиана «Двенадцать книг риторических наставлений». Классификация тропов впервые была представлена в трудах Трифона, александрийского филолога, который перечислил 14 основных разновидностей и 37 вариантов тропов.

В современной науке **фигура** и **троп** могут пониматься как синонимические термины, служить принципом классификации различных риторических приемов; кроме того, фигура может быть родовым понятием, а троп — видовым. Приведем определения, исходя из которых фигура и троп оказываются синонимичными понятиями.

Тропы — слова или обороты речи, употребленные в переносном значении для достижения большей выразительности.

Риторическая фигура — типичный, воспроизводимый прием словесного оформления мысли.

Исследователь А. А. Волков рассматривает только фигуры речи как риторические приемы усиления изобразительности, выделяя при этом фигуры осмысления (энналага, эпимона, контекстный троп), фигуры выделения (реприза, анафора, эпифора, окружение, отличение, различение, разделение, эпитет, плеоназм, перифраз, оксюморон, градация, антитеза, этимология, соответствие, интерпретация, перемещение), фигуры диалогизма (диалог, предупреждение, ответствование, сообщение, заимословие, цитата, аллюзия, риторический вопрос, риторическое обращение, риторическое восклицание). Данная классификация, хотя и является очень краткой, отражает сами принципы построения риторического текста.

Одну из наиболее полных и сложных классификаций средств усиления изобразительности предлагают исследователи Т. Г. Хазагеров и Л. С. Ширина[1], разделяя все средства усиления изобразительности на общие и специальные.

Специальные средства усиления изобразительности — это стилистические приемы, например, построение синонимических и антонимических рядов, а также сложных рядов с однородными членами предложения. Они организованы в гораздо более сложную структуру: делятся на целостные, дискретные и недискретные фигуры. Недискретные фигуры подразделяются в свою очередь на тропеические (тропы, фигурные амплификации и особая разновидность — грамматический троп, или аллеотета) и нетропеические, или диаграмматические. Согласно этой классификации к тропеическим фигурам относятся такие, как метафора, антифразис, риторический вопрос, риторическое обращение, эпилемма (возражение и ответ самому себе); к диаграмматическим фигурам, например, анафора. Градация и период являются гибридными фигурами.

В концепции А. П. Сковородникова и Г. А. Копниной тропы и фигуры объединяются общим понятием **риторический прием**, который рассматривается как мотивированное отклонение от нормы с целью оказания определенного воздействия на адресата, т. е. слушателя или читателя[2].

В публичной речи, в основе которой лежат диалогические отношения в широком смысле этого понятия, структурообразующую роль играют фигуры диалогизма, особенно вопросительные высказывания. На первый план выходит понятие риторического вопроса, который может использоваться как отдельно, так и в составе вопросно-ответного высказывания, нередко за риторическим вопросом следует риторическое восклицание. Приведем примеры из речи А. Ф. Кони «По делу об оскоплении купеческого сына Горшкова».

Вопросно-ответное единство в сочетании с риторическим восклицанием: *Но разве оно рисует им лучшую жизнь и счастие? Нет, нисколько. Да этого и не нужно!*

---

[1] См.: *Хазагеров Т. Г., Ширина Л. С.* Общая риторика.

[2] *Копнина Г. А.* Отклонение от онтологической нормы как риторический прием // Русская речь. 2005. № 5. С. 45—51.

Риторический вопрос: *Оскопить несчастного ребенка, накормив его каким-то пряником, и затем потерять его из виду — разве не все равно, что отрезать человеку нос или отрубить руку во время сна?*

Нанизывание вопросов, призыв оратора к размышлению: *Но отчего же по приезде в Петербург она не заявила об этом мужу? Отчего не заявила никому на месте? Ведь в ней должно было прежде всего заговорить материнское чувство.*

Сочетание риторического вопроса (по форме) и риторического восклицания (по содержанию): *Как можно, без ведома отца, нравственно оторвать ребенка от семьи и внедрить в него скопческие мысли, как можно оскопить его незаметно, неслышно для отца?*

Риторическое восклицание: *Таким образом, Горшков является исполнителем опасных, по-видимому, поручений скопцов и, следовательно, сам подвергается из-за них опасности, из-за них — из-за губителей своего сына!*

Значение фигур диалогизма (риторического вопроса, риторического восклицания и вопросно-ответных единств) для публичной убеждающей речи трудно переоценить. Эти фигуры лежат в основе композиции такого рода текстов, помогают оратору сконцентрироваться на важнейших моментах и, что самое главное, обеспечивают поддержание живого диалога оратора с аудиторией.

Наиболее сложной и наиболее интересной риторической фигурой считается **период**. Существует несколько определений этого понятия.

Период — «сложная синтаксическая конструкция, отличающаяся полнотой развертывания мысли и законченностью интонации»[1].

Период «в ораторской речи — это цельное логическое рассуждение, по своей структуре одинаковое с умозаключением: тезис (выраженный или подразумеваемый) — аргументы — вывод. <...> В первой части периода дается развернутое, детальное изложение темы, ее глубокий анализ, вторая часть представляет более кратко сформулированную рему. Эти две части, логически дополняя одна другую, способствуют выражению одной мысли»[2].

---

[1] *Богданова Н. В.* Словарь основных понятий и терминов риторики. М., 2001. С. 31.

[2] *Ивакина Н. Н.* Культура судебной речи. М., 1995. С. 70.

«В отличие от грамматических предложений *период* рассматривается как сложное синтаксическое построение, которое характеризуется подробным развитием мысли, ритмической законченностью интонации и употребляется как стилистический прием»[1].

Период — это «гибридная фигура, образованная высказыванием (простым или сложным предложением, сложным синтаксическим целым), которое четко расчленяется на две интонационно противопоставленные друг другу части. Первая носит название — ПРОТАСИС. Она характеризуется восходящим движением тона и в свою очередь членится на ряд однородных элементов <...> которые носят название членов или КОЛОНОВ и сами могут делиться на еще более мелкие отрезки, или коммы. Вторая часть, называемая АПОДОСИС, характеризуется понижающимся, нисходящим тоном. Первую часть отделяет от второй длительная пауза, создающая резкий мелодический перелом»[2].

Все исследователи указывают на то, что период, вне зависимости от его грамматического построения, обязательно имеет две части, которые разделяются по смыслу и интонационно (мелодически), обладает определенной законченностью и заключает в себе развитие той или иной мысли. Признается и тот факт, что способность оратора создавать периодическую речь говорит о его высоком мастерстве. Речь, насыщенная периодами, считается речью образцовой. При этом надо отметить, что использование периода в речи профессионального оратора является, как правило, интуитивным, поскольку периодическая речь — самый удачный способ организации высказываний в публичной речи.

Т. Г. Хазагеров и Л. С. Ширина выделяют следующие виды периода: временной, заключительный, обобщающий, определительный, противительный, сопоставительный, сравнительный, уступительный. Из этой классификации следует, что между двумя частями периода — протасисом и аподосисом — существуют определенные отношения, и в зависимости от идеи, которую вкладывает оратор в то ли иное высказывание, отношения эти могут быть временными, определительными, противительными и т.д.

Логическая спаянность периода, его приспособленность к убеждающему рассуждению, полнота выражения мысли,

---

[1] *Граудина Л. К., Кочеткова Г. И.* Русская риторика. М., 2001. С. 355.

[2] *Хазагеров Т. Г., Ширина Л. С.* Общая риторика. 1994. С. 152.

а также экспрессивно-приподнятый характер обусловливают широкое использование его в ораторской речи, для которой характерно сочетание логичности рассуждения со страстностью убеждения.

Рассмотрим пример периода на отрывке из речи А. Ф. Кони «По делу об оскоплении купеческого сына Горшкова»:

***Могут сказать**, что преследование сект, подобных скопческой, является нарушением свободы совести, что у человека, как бы он ни был связан с государством, как бы тесно ни соприкасался с обществом, в котором живет, должна быть известная **область** душевной свободы, в которую никто не имеет права заглядывать и не должен вторгаться, **область**, вступая в которую, общество и государство должны складывать оружие и являться, в крайнем случае, только наблюдателями. **Могут сказать**, что человек волен бороться с греховными побуждениями теми средствами, которые ему кажутся наилучшими, лишь бы они не затрагивали интересов других людей. Но, господа присяжные заседатели, **если бы дело шло** о преследовании тех 58 чухон, о которых говорилось в прочитанных здесь письмах Горшкова, тех, которых неразумие, невежество, нищета, бедность, скудность природы и тяжкие семейные условия толкнули на скопчество, которые сами не ведали, что творят, давая себя оскопить, то эти соображения могли бы иметь место, как призыв к особому снисхождению к жертвам фанатического заблуждения. **Если бы дело шло** о зрелом человеке, который сознательно и свободно, обдуманно и спокойно, по чувствованию искренней веры, оскопил себя, можно бы говорить об этой неприкосновенной области и спорить относительно ее границ. Но там, **где дело идет** о распространении скопчества, о сознательном вовлечении в эту секту слабых людей, придавленных судьбою или не обладающих здравым разумением, там слово «свобода совести» является только громким словом, которым можно злоупотреблять без всякой пользы для разъяснения дела.*

Этот отрывок представляет собой сложно организованную структуру: протасис начинается со слов *Могут сказать, что преследование сект...*, аподосис (со слов *Но, господа присяжные заседатели...*) организован сам как период (в нем можно выделить протасис 2 — со слов *Но, господа*

присяжные заседатели... и аподосис — со слов *Но там, где дело идет...*). Иными словами, мы сталкиваемся с явлением, которое можно по аналогии с другими лингвистическими терминами назвать **период в периоде**. Построение такого сложного высказывания обусловлено у А. Ф. Кони тем, что данный период несет серьезную смысловую нагрузку — как аргумент-опровержение, с одной стороны, и как одна из главнейших идей всей речи — с другой. Этот период является одновременно и противительным, и уступительным (первая часть), и заключительным (вторая часть). Кроме того, периодическая организация речи в данном примере способствует конвергенции: оратор прибегает к анафоре (*могут сказать; если бы дело шло*), градации (*неразумие, невежество, нищета, бедность, скудость природы и тяжкие семейные условия*), образным определениям (*фанатическое заблуждение; искренняя вера*).

Использование риторических фигур, тропов, стилистических приемов в убеждающей речи всегда связано с целевой установкой оратора: «...общим принципом употребления риторических фигур в <...> речи является их функциональная мотивированность: только те риторические фигуры могут быть использованы оратором, которые несут эмоциональную и смысловую нагрузку, а не используются ради чистого украшательства речи»[1].

Вопросы и задания для самоконтроля

1. С помощью чего в первую очередь оратор добивается присоединения аудитории к своей точке зрения?
2. Назовите основные структурные компоненты аргумента.
3. Дайте классификацию аргументов по Т. Г. Хазагерову и Л. С. Шириной.
4. Дайте классификацию аргументов по А. А. Волкову.
5. Что такое топ (топос)? В чем заключается отличие внешних топосов от внутренних?
6. Что такое композиция речи? Из каких частей состоит композиция в риторике?
7. Назовите пять правил построения вступления.
8. Охарактеризуйте повествование, описание и доказательство с точки зрения их композиционной роли в публичном выступлении.

---

[1] *Граудина Л. К., Миськевич Г. И.* Теория и практика русского красноречия. М., 1992. С. 173.

9. Что такое «закон края»?

10. Какие языковые изобразительные средства изучает риторика?

11. С какими риторическими терминами связано понятие изобразительности? Дайте их современное определение.

12. Какие риторические фигуры играют структурообразующую роль в публичной речи?

13. Дайте определение периода. В чем заключается особенность этой сложной синтаксической конструкции?

Глава 5
РЕГУЛИРОВАНИЕ КОММУНИКАЦИИ СО СТОРОНЫ ОБЩЕСТВА. НОРМЫ ПУБЛИЧНОГО ОБЩЕНИЯ И ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ИХ НАРУШЕНИЕ

В результате изучения данной главы обучающийся должен:

— **знать**, в каких формах осуществляется регулирование речевой коммуникации со стороны общества, каковы основные отличия законодательного и этического регулирования, какие ресурсы языка служат его основой, какие проблемы этим вызваны; должное, этическую и законодательную норму;

— **уметь** определять основные нарушения нормы, ситуации, чреватые их возникновением, и языковые причины игнорирования этических и законодательных предписаний;

— **владеть** соответствующей терминологией и начальными навыками этического и юридического контроля устной и письменной речи.

5.1. Этика и закон как формы общественного регулирования речевой коммуникации: норма и ее важнейшие свойства

Речевая коммуникация — процесс достаточно жестко и разносторонне регулируемый:

— со стороны условий и целей речевого общения (публичное/межличностное; подготовленное/спонтанное; деловое/досуговое и т.д.) и его типичных ситуаций; влияние тех и других привело к формированию системы сфер общения (бытовое, деловое, научное, досуговое), речевых актов, устных и письменных жанров, как литературных (аналитическая записка, доклад, интервью, приказ и т.п.), так и речевых (похвальба, светская беседа и т.п.), которые эти сферы обслуживают;

— со стороны языка, функциональное расслоение которого эволюционировало так, чтобы обеспечить рациональными языковыми средствами различные сферы и ситуации общения, речевые акты, литературные и речевые жанры;

— со стороны культуры, традиций и ценностей общества (в данном параграфе речь пойдет именно о них).

Традиционно сложились две основные формы регулирования коммуникации — этическая и юридическая. Преимущественно будет анализироваться первая из них. Причем в нашу задачу не входит систематическое изложение сведений курса профессиональной этики (скажем, журналистов, юристов или менеджеров), лингвистической конфликтологии и тем более законодательства: специалисты соответствующего профиля сделают это лучше.

Мы рассмотрим некоторые аспекты общественного регулирования речевого общения с точки зрения языка как инструмента общения, лингвистики как науки, этот инструмент исследующей, и национальной культуры. Иначе говоря, с точки зрения того, как этические и юридические предписания живут в языковом сознании общества, отражаются в языковой картине мира, регулируют поведение говорящего/пишущего и читающего/слушающего, оратора и аудитории.

То, о чем пойдет речь, чаще всего вне поля зрения и живет в так называемом неконтролируемом речевом поведении, остается для многих из нас вне этического осмысления, поскольку создает впечатление благополучия (пока не приобретает гротескные, очевидные формы).

Этика, как и многие ключевые понятия, отражающие человеческую суть, — понятие многозначное. Самое древнее его значение восходит к греческому **этос** — обычай, нрав. Оно было введено в научный обиход Аристотелем.

Во втором значении **этика** — это совокупность норм поведения, общих и профессиональных, и в этом смысле часто употребляется как синоним понятий **мораль** и **нравственность**, но с более широким, общим значением. В основном в этом же значении данное понятие и будет употребляться.

Этические нормы действуют всегда, когда человек начинает в той или иной форме общаться с Богом, другими людьми, «братьями нашими меньшими». Они направлены на то, чтобы обеспечить: 1) психологический комфорт, приемлемость, предсказуемость коммуникации (и вербальной, и невербальной) для всех ее сторон; 2) взаимоуважение

даже при отсутствии взаимопонимания, соблюдение прав личности; 3) гарантии, что ни одной из общающихся сторон не будет нанесен ущерб физическому и психическому здоровью, репутации дезинформацией, манипулированием сознанием и поведением индивида.

Этические нормы функционируют совместно с законодательными, юридическими и дополняют их, захватывая в сферу своего влияния и то, что подчиняется законодательному регулированию, и то, что остается вне зоны законодательства. В обиходе юристов есть типичная профессиональная речевая формула, которая отражает как раз это свойство: *Этот вопрос/аспект/проблема не регулируется законодательством, что позволяет его отнести к области этического регулирования*. Как видим, этика шире и многоаспектнее, поскольку для нее не существует незначимых коммуникативных ситуаций, а для законодательства — есть, и много.

Возьмем типичный пример: речь телевизионных героев (даже некоторых популярных ведущих развлекательных программ) бывает пересыпана непечатными выражениями. Пускать ее в эфир без купюр запрещено законом: матерная брань, тем более в СМИ, — это хулиганство, которое карается согласно закону, поэтому журналисты ее «запикивают». Таким образом закон не нарушается: речь формально прилична. Однако этично ли их поведение? Наверное, большинство из нас скажет «Не всегда» по нескольким причинам. Содержание этих «пиков» ясно даже самому неопытному «бойцу на поле русской брани». Сами «пики» только привлекают внимание, более того — управляют им не хуже специальных риторических и психологических приемов, придают речи чаще всего немотивированную агрессивность. И, наконец, самое главное: поскольку публичная речь в эфире до сих пор воспринимается аудиторией если не как эталон, то как стандарт общения, сам факт допуска в СМИ брани (с купюрами или без — это неважно!) снижает культурный ценз и массовой коммуникации, и культуры речи в целом, только делает это постепенно. Однако вода, как известно, и камень точит.

Важнейшая часть и этики, и законодательства — описание того, что должно быть, что вменяется обществом каждому из нас в качестве **нормы поведения**, как профессионального, так и обиходно-бытового.

Совокупность норм отражает понятие **должное**. Должное предписывает общественно приемлемые, желательные формы поведения. В каждом обществе сложились свои представления о должном. Должное как система этических ценностей складывается из **этических идеалов**, конкретных **этических норм**: корректности, скромности, уважения к собеседнику, добросовестности и т.п.

Чтобы получить целостное представление об этических нормах общества, достаточно заглянуть в любой словарь пословиц и поговорок[1]. Например, среди основных духовных ценностей русского этноса, помимо названных ранее, стремление к порядку, правосудию, справедливости, правде, труд, правдивость, открытость, совестливость, соборность, уважение к семье, старости и т.д. Перечислять этические идеалы можно бесконечно.

В значительной степени, особенно в той части, которая касается общечеловеческих ценностей, в разных культурах эти идеалы совпадают. Например, в любом обществе предписано ценить труд, уважать старших, быть вежливыми, доброжелательными, учиться слушать и слышать не только себя, но и собеседника.

В области юридического регулирования **нормы** поведения и сосуществования отражены в формулировках законов и соответствующей системе терминологии: *семья, дальний родственник, клевета, оскорбление, сведения* (о важнейших их коммуникативных, регулирующих и познавательных свойствах и проблемах применения см. далее).

Важнейшее свойство нормы (и этической, и юридической) — **санкционированность** обществом.

Нормы закона закреплены в текстах документов (см.: 3.5.1), имеют ограниченные сроки и сферы применения (скажем, и формулировки законов, и юридическая терминология могут меняться от одной редакции к другой) и вступают в силу после прохождения обязательных процедур регламента (обсуждения в парламенте, издание указов и распоряжений и т.д.). Все перечисленное призвано сделать действие законодательства неотвратимым, общеобязательным, что отражено, например, в формулировках *дух и буква закона, незнание закона не освобождает*

[1] См.: *Даль В. И.* Пословицы и поговорки русского народа. М., 2009; *Свитич Л. Г.* Нравственные ценности как регулятор профессионального поведения журналиста // Этика речевого поведения российского журналиста. СПб., 2009. С. 60–62.

от необходимости его исполнения/ответственности за его нарушение, а толкование его предельно однозначным. Это безусловные плюсы такой формы отражения и закрепления в языке и коммуникации юридических норм. Однако у норм закона есть и существенные минусы, в частности произвольность формулировок (как намеренная, так и ненамеренная) и фрагментарность законодательства. И то и другое нашло отражение в языковой картине мира в общеизвестных формулах: *дыры в законе*, *закон что дышло: куда повернул — туда и вышло*. Можно привести такой пример из жизни: в постсоветском российском обществе коррупция и педофилия стали бичом, но до 2010-х гг. в языке юристов не было определений ни того, ни другого; в результате количество фактов указанных преступлений увеличивалось, а судить за них было затруднительно. Законодательство может отставать от жизни, поскольку не предвосхищает проблемы, а решает их по мере возникновения, и нужно время, чтобы их осознать.

Коммуникативное поведение членов общества законодательно регулируется прежде всего законами о СМИ, авторском праве, уголовным и административным законодательством в той части, которая касается речевого поведения, его целей, форм и последствий. Скажем, в нормативных правовых актах можно найти определения таких противоправных деяний, как *ложь, клевета, диффамация, умаление чести, достоинства и деловой репутации, плагиат, оскорбление, призывы к разжиганию религиозной и национальной вражды* и многое другое. Основная форма законодательной защиты прав и интересов — судебное разбирательство, которому могут предшествовать досудебные процедуры: претензии, экспертизы, опровержения в прессе, публичные извинения и т.п. Иначе говоря, законодательная защита прав достаточно жестко регламентирована, как и любое действие в деловой сфере коммуникации и в деловом стиле языка.

Для **этически должного** регламент чаще всего не нужен, оно предписано каждому в силу принадлежности к определенной культуре, этносу, времени. При этом должное этически так же общеобязательно, как и должное по закону, хотя часто существует только как **неписаное правило, неписаный закон**, которые, однако, всем известны и едва ли не более обязательны, чем юридический закон (строгость последнего в русском языковом сознании, да и на практике, как известно, компенсируется неисполнением).

Нарушение этических норм поведения влечет за собой санкции общества в целом, группы или профессионального сообщества. В русском языке идея этических санкций выражена понятием **нерукопожатность** и приобретает в зависимости от ситуации различные формы: табу на межличностное общение, профессиональные разбирательства и санкции. В интернет-сообществе, например, нарушителя этических конвенций (где они предусмотрены) просто **забанят** — лишат доступа на сайт (**забанить** (от англ. *ban* — запрет) на интернет-жаргоне значит прекратить доступ на ресурс).

В языковом сознании этноса **должное** и этически, и по закону (хотя последнее не всегда) отражено в **идеальной языковой картине мира**, которая потому и идеальная, что никогда полностью не совпадает с реальной по разным причинам. О последних лучше могут рассказать философы и юристы. Чаще человек все-таки стремится следовать норме, идеалу.

5.2. Должное и сущее в коммуникации

Человек может игнорировать норму, например потому, что не осознает неэтичности/противозаконности своего поведения. Так, никому из наших чиновников, которые придумали аббревиатуру *ОПОП — общественный пункт охраны правопорядка*, видимо, так и не пришла в голову мысль, что оно, мягко говоря, не совсем прилично и смешно. Зато это сразу заметили рядовые граждане. А каково сотрудникам правоохранительных органов работать в этом самом *ОПОПе*?

Нарушаются предписания и вполне осознанно — тогда, когда групповые/личные интересы оказываются важнее. К примеру, современные глянцевые журналы, рассчитанные на девушек до и немного за 20 лет, часто насаждают чуждые русскому менталитету идеи. В частности, понятия **культура**, **образованность**, **ум** нередко сводятся к утилитарному знанию набора модных цитат из классики и бестселлеров, чтобы, вовремя их озвучив, можно было бы блеснуть «эрудицией». Быть умным «поможет» формула счастья типа «Ешь больше рыбы, закусывай зеленым салатом и запивай соком оранжевого цвета». Умение выглядеть модно и стильно, по мнению некоторых девушек, поспособ-

ствует обретению *достойного* (читай: состоятельного, богатого) спутника жизни (читай: *спонсора*), к охоте за которым сведено личное счастье. Конечно, ничего плохого подобные издания не советуют, нередко просто хоть как-то восполняя образовательный вакуум в данной сфере, но при этом упрощается, выхолащивается представление о душе, интеллекте, культуре, наконец, о взаимоотношениях людей. Последнее сложно совместимо с этикой, поскольку *пóшло*, а пошлость — этическая категория из разряда антиценностей — не приветствуется.

Возникает вопрос: отдают ли себе отчет сотрудники журналов, что делают? Безусловно. Тогда зачем они так настойчиво и цинично идут против культурных ценностей этноса? Ответ прост: журналисты зарабатывают деньги. Барышни до 23—25 лет — самая благодатная целевая аудитория для рекламы модных торговых марок одежды, обуви, косметики, парфюмерии. Ведь рекомендуют в этих изданиях не просто товары, а товары определенных брендов, и такая информационная политика — эффективный способ манипулирования потребительским поведением аудитории.

Реальность, жизнь отражают другое философско-этическое понятие — **сущее**, т.е. то, что есть на самом деле. В эту категорию попадает как то, что совпадает с должным (доброта, справедливость, такт, терпимость, великодушие и подобные ценности), так и то, что не совпадает, но имеет место (цинизм, эгоизм, пошлость, вульгарность, жестокость, презрение и к своему герою, и к аудитории и т.д.). Сравнение должного (того, что мы хотим) с сущим (тем, что имеем) дает наглядное представление о глубине этических и юридических проблем, о противоречиях современности, которые есть всегда, но обостряются в кризисные, переломные моменты жизни общества, когда ослабевает влияние традиционной системы ценностей. Так было в Англии времен буржуазной революции в XVII в., во Франции во время Великой французской революции в XVIII в. и в России в начале и в конце XX в. и до сего дня. Само время бросает обществу юридические, этические, коммуникативные вызовы.

Возьмем один частный пример: любой скандал в русской культуре рассматривается как явление, безусловно этически негативное, но в российских СМИ третьего тысячелетия появилась новая должность — *скандальный репортер*, не говоря уже о появлении множества изданий, для

которых скандал — основа информационной политики и в интерпретации которых все становится скандальным.

Почему и насколько далеко мы отступаем от должного, меняют ли действительность и время наши представления о нем, если да — то как, какие конфликты в сознании порождает и как это бывает отражено в живой речи, коммуникации? На эти вопросы мы и попытаемся ответить далее, обращая внимание прежде всего на этику речевого поведения как более широкую систему регулирования коммуникации.

5.3. Нравственный закон в контексте коммуникации и в науках о языке. Научная и наивная этика

Философы не раз отмечали, что в сферу этики легко вовлекаются смежные области, если они так или иначе связаны с коммуникацией — речевым и неречевым общением людей. Так, этической оценке подлежит политика[1]. Справедливость этого утверждения легко прокомментировать с точки зрения лингвистики (в частности, культуры речи) и коммуникации. Например, в СМИ никогда не утихнут споры по поводу того, есть ли в принципе совесть у политика (**совесть** — важнейшее понятие этики); под давлением этических императивов, в частности оценки любого явления с точки зрения того, благо это или зло (**благо** и **зло** — также всепроникающие этические категории), складываются стереотипы массового сознания, т.е. обобщенные упрощенные представления о действительности (*политика — грязное дело*); самих представителей этой профессии, если они приносят благо государству, называют *крупными государственными деятелями*, *государственными мужами*, но если вред — *политическими авантюристами, мелкими политиками, политиканами*.

С точки зрения языка, коммуникации, прагматики правомерно было бы сказать наоборот: не смежные области вовлекаются в сферу этики, а этика проникает в них, становится их неотъемлемой частью, поскольку регулирует их развитие наряду со специфическими явлениями. Это находит отражение не только в жизни, но и в ее научном описании, хотя чаще всего связь с этикой не постулируется.

[1] *Гусейнов А. А.* Этика. М., 2004.

Возьмем в качестве примера, казалось бы, чисто филологическую дисциплину, предмет нашего курса — культуру речи. Она включает три аспекта владения языком: нормативный, коммуникативный и (обратите внимание) этический. И тут мы вспомним такие ее качества, как *вежливость, такт, уместность, доброжелательность*: все это — этические нормы.

Изучая **речевой этикет** как составную часть курса культуры речи, мы рассматриваем не только коммуникативные, но одновременно и этические правила ритуала коммуникации, поскольку последний — система устойчивых формул речевого общения, предписанная обществом для установления, продолжения и окончания речевого контакта в зависимости от цели речи, коммуникативной ситуации, социальных ролей и статуса коммуникантов. Все названное — параметры, в соответствии с которыми выбираются выражения, для того чтобы сделать общение предсказуемым, психологически и социально комфортным, удобным. Эти же аспекты — предмет и этического осмысления. Точно такие же внутренние органические связи этики можно проследить и с другими науками о языке, коммуникации, человеке.

5.4. Язык законодательной и этической нормы, его коммуникативные особенности: общее, отличия, проблемы

5.4.1. Язык закона и научной этики как проявление делового стиля

Между языком этики и законодательства есть и сходство, и различие, которое определяется тем, в каком стиле языка, в какой сфере коммуникации и каким образом закреплены юридические и этические знания и нормы.

Язык законодательства — принадлежность делового стиля (законодательный — это, как говорилось выше, один из его подстилей). Даже в устной сфере профессиональной коммуникации, вторичной, производной для этого письменного стиля (на заседании суда, например), он все равно опирается на основные свойства деловой речи и реализует их.

Таким образом, язык законодательного регулирования коммуникации по свойствам однороден.

Язык этики, напротив, весьма неоднороден, поскольку этическое регулирование существует и осуществляется в разных формах. Сначала необходимо выяснить, каковы они, в каких стилях языка, в каких видах языкового сознания закреплены и каковы различия, проистекающие из всего перечисленного.

Первая, привычная для нас, форма — научная этика, в том числе и профессиональная. Ее зарождение обычно связывают с именем древнегреческого философа Аристотеля, и на ее основе в учебных заведениях преподаются курсы общей и профессиональной этики и принимаются этические соглашения журналистов, рекламистов, юристов и представителей других профессиональных сообществ[1]. Скажем, самый древний этический профессиональный кодекс — клятва Гиппократа.

Этические знания представлены в форме профессиональных принципов, норм, например, достоверности, правдивости информации, противодействия экстремизму и ограничению гражданских свобод по признакам пола, расы, языка, религии, политических и иных взглядов. Эти принципы реализуются в виде правил поведения — предписаний и запретов. Например, достоверные данные могут быть получены только из авторитетных источников самим автором, не допускается плагиат, намеренная неверная интерпретация информации, сокрытие последней. Здесь перечислены некоторые основополагающие положения профессиональной морали журналистов.

Кроме того, все мы независимо от рода деятельности руководствуемся общими этическими нормами, одна из которых является универсальной, сформулированной в так называемом золотом правиле этики — *не делай другому того, чего не хочешь, чтобы делали тебе*.

Источником многих из рассматриваемых норм послужила христианская нравственность. Например, шесть из 10 заповедей, данных Моисею на горе Синай и получивших название декалог: *чти отца и мать своих, не убивай, не кради, не лжесвидетельствуй, не прелюбодействуй, не возжелай жены ближнего* (последнее — о зависти) —

[1] См.: URL : http://www.sovetnik.ru/documents/codes/russian/codex_prof_ethics/

легли в основу не только нравственности, но и законодательства многих стран мира.

Понятийный аппарат научной этики, как и в любой другой науке, представлен в терминологии — системе самых общих этических понятий (*добро, зло, счастье*) и частных (*доброта, мудрость, милосердие, скромность, эгоизм, любовь, ненависть*)[1]. Для курса культуры речи особую значимость представляют те, которые отражают этическую суть вербальной коммуникации: *такт, правда, ложь, истина, корректность, вежливость, уважение, клевета, цинизм, пошлость, оскорбление* и т.п.

За каждым термином закреплено определение, чаще всего это дефиниция, в которой значение раскрывается через родовое понятие, уточняемое видовыми отличиями. К примеру, понятие мужество определяется как *этическая добродетель, характеризующая нравственную меру в преодолении страха*. Здесь родовым понятием является добродетель, а все остальное — видовые отличия.

Термины этики, как правило, существуют не изолированно, а в терминосистемах, в которых они, во-первых, иерархически организованы, а во-вторых, значение одного опирается на значение другого. Скажем, термин мужество входит в более общее понятие добродетель, которое определяется как *способность личности сознательно и твердо следовать добру*. В свою очередь добро — *ценностное представление, выражающее положительное значение чего-либо в его отношении к некоторому стандарту*. Наконец, самое общее положительное понятие добро противопоставлено такому же важному и всеобъемлющему отрицательному понятию — зло.

Все названные свойства языка научной этики и практической профессиональной и общей морали, т.е. первой языковой формы представления и закрепления этических знаний, ценностей и норм, те же самые, что и у языка законодательного регулирования коммуникации. В связи с этим далее язык законодательства и язык научной этики будут рассматриваться совместно, как одно обусловленное общими свойствами целое.

Важнейшее познавательное, семантическое и коммуникативное свойство языка закона и научной этики — экспли-

[1] *Кон И. С.* Словарь по этике. М., 1981; Этика : энциклопедический словарь / под ред. Р. Г. Апресяна, А. А. Гусейнова. М., 2001.

цитность, т.е. выраженность значения в словах (а не подразумеваемых и вытекающих из слов смыслах), однозначность, общепринятость, закрепленность значения (в первую очередь термина) в сфере знаний. Все перечисленное ограничивает трактовку слов заранее заданным, общепринятым набором смыслов.

Кроме того (и это важнейшее свойство), такие нормы закрепляются в коммуникации по всем правилам делового стиля — в текстах документов. Принимая законы, подписывая соглашения, хартии, все коммуникативные стороны обязуются исполнять эти нормы.

Данные свойства позволяют доказательно квалифицировать тем или иным образом какое-либо явление действительности, в том числе и в вербальной коммуникации, опираясь на принцип, норму или ряд перечисленных в определении термина признаков, что является, в свою очередь, языковой основой для принятия компетентными органами решений и назначения санкций.

Однако у рассматриваемой языковой формы есть и оборотная сторона.

Эксплицитно выраженным в виде термина или правила бывает только то, что осознано обществом как этически/законодательно необходимое, значимое. Нередко законы и профессиональные этические нормы формулируются вдогонку действительности — только тогда, когда явление приобрело вопиющие, гротескные формы.

Например, в Хартии телерадиовещателей, принятой в России в конце 1990-х гг., появилась норма, предписывающая отказ от немотивированного использования иностранных слов, жаргона и сленга. Проблема перестала осознаваться как исключительно стилистическая, и это очень хорошо, поскольку немотивированное, непонятное читателю заимствованное слово по меньшей мере мешает беспрепятственно понимать текст, а то и вводит его в заблуждение (и то и другое — этические аспекты коммуникации). По существу это была запоздалая реакция профессионального сообщества на языковую ситуацию того времени, когда в СМИ, наряду с лексикой социальных низов, хлынул поток американизмов.

Ценность таких документов неоспорима, но они не могут охватить все многообразие жизни. К сожалению, многое из того, что считается в обществе по крайней мере неэтичным (а то и противоречит общепринятым представ-

лениям о законности), долгое время остается неоформленным в виде закона, правила или термина. В связи с этим возникает ситуация, когда негативное явление очевидно, а квалифицировать его затруднительно. Нет нормы — нет проблемы. Документы, как правило, несколько отстают от жизни, поскольку реагируют на проблему, которая зрела не один день, а пока документ не принят, проблема значительное время остается вне этической профессиональной критики. Например, с начала 2012 г. китайские власти запретили выпуск огромного числа развлекательных передач с этическим вердиктом — за низкопробность и вульгарность. Некоторые наши (не желтые) СМИ прокомментировали это так: *Между тем российским телеканалам, где «низкопробные» передачи захватили практически все «золотое» время, судя по действиям властей, еще далеко до кастрации.*

Представление действительности независимо от темы через секс и все, что с ним связано, — любимая манера современных российских СМИ. Чаще всего такой глумливый, глуповатый язык аморален, поскольку циничен и пошл. Однако определения, что и по каким признакам считать аморальным, циничным, пошлым, нет ни в законодательстве, ни в этических кодексах. А если нет нормы — и порицать не за что.

Вот показательный в этом смысле комментарий того же события в российских СМИ: в информации под заголовком «“Дом-2” бы не выжил. В Китае сократили количество тупых развлекательных телепередач» был такой фрагмент: *телеканалы перестали транслировать те передачи, которые китайские власти посчитали чрезмерно развлекательными или низкопробными (привет, «Дом-2»)*[1]. Для ясности: на скандальное реалити-шоу «Дом-2» иски за аморальность, несоответствие этике, цинизм, нравственное развращение аудитории подавались несчетное количество раз, и ни один не был удовлетворен, потому что эксперты не обнаруживали законодательно закрепленных квалифицирующих признаков этих явлений, например порнографических сцен или обесцененной лексики (по-русски — матерной брани), которую режиссеры при необходимости «запикивали». Телеаудитория между тем прозвала эту передачу *«Публич-*

[1] URL : http://www.siapress.ru/society/item/16257 (обращение на ресурс 31.01.2012).

ный дом-2», «Дурдом-2», и это более чем красноречивая этическая оценка со стороны общества.

Законодательные и этические термины часто весьма широки по значению, что дает возможность противоположным образом квалифицировать одно и то же явление. Например, *пошлость* определяется так: *морально-эстетическое понятие, характеризующее такой образ жизни и мышления, который вульгаризирует человеческие духовные ценности, низводит их до уровня ограниченно-обывательского понимания, понижает саму идею достоинства личности*. Проявления пошлости — *ограниченность интересов, низменность мотивов, мелочность в действиях, прикрываемые высокопарными рассуждениями и сентиментальной мечтательностью*[1]. Как видим, в определении перечислено много отличительных черт явления. Пошлость все мы чувствуем, но классифицировать что-то как пошлость, следуя перечисленным признакам, и вынести вердикт, который, возможно, повлечет за собой этические санкции, крайне затруднительно.

Эта же неуловимость термина становится семантической основой манипулирования понятиями, навешивания ярлыков. Так, в 1960-е гг. как пошлость в СМИ квалифицировали все, что не согласовывалось с официальным искусством, так называемым социалистическим реализмом. Любимый заголовок того времени *Осторожно, пошлость!*[2] превратился в газетный штамп.

И, наконец, коммуникативно сфера законодательства и научной, эксплицированной этики ограничена деловой коммуникацией, которая включает юриспруденцию, науку, профессиональную экспертную оценку, разбирательства в уполномоченных органах, и учебными вузовскими курсами. А в коммуникации, прежде всего профессиональной, мы вспоминаем о категориях этики, закона и их значениях в острых ситуациях.

5.4.2. Наивная этика в соотнесении с научной. Язык наивной этики как не маркированный деловым стилем

Помимо науки, с ее особыми требованиями к языку, этические представления отражены и в наивной этике

---

[1] Пошлость // *Кон И. С.* Словарь по этике.

[2] *Рубинштейн Л.* Осторожно, пошлость! // URL : http://grani.ru/Politics/Russia/m.146385.phtml.

этноса — неотъемлемой части русской языковой картины мира. Языковая картина мира — это исторически сложившаяся в сознании языкового коллектива и отраженная в языке совокупность представлений о мире, охватывающая все известные и значимые для нас явления действительности. В научном понимании — это научная картина мира; в наблюдениях и трактовке народа — наивная картина мира. Соответственно, в научной картине мира отражена научная этика, закрепленная в системе терминологии и предписаниях, а в наивной картине мира — этические представления народа о добре и зле, хорошем и плохом, достойном и недостойном, о нормах поведения и отношении к себе и окружающим, называемые наивной этикой.

Основные отличия наивной этики от научной заключаются в следующем.

Область влияния наивной этики шире этики научной: она дает себя знать в языке и коммуникации даже тогда, когда люди об этике как таковой не задумываются. Так, испокон веков значимым в истории людям народ давал прозвища — князь Ярослав был *Мудрый*, царь Иван IV — *Грозный*, император Петр I стал *Великим*, а Николай II за давку на Ходынском поле — *Кровавым*. Как видим, все эти прозвища мотивированы не в последнюю очередь этически, хотя о науке этике народ едва ли знал, особенно в Древней Руси. Однако императивы наивной этики руководили его жизнью, в том числе и языковым поведением.

Наивная этика и вербально отражена намного шире. Наиболее наглядно мы наблюдаем это в лексике и фразеологии, поскольку прежде всего эти уровни знаковой системы языка отражают в слове явления действительности либо в научном, либо в наивном осмыслении.

Язык законодательства и научной этики далеко не всегда совпадает в трактовке явлений с наивной этикой. Как в научной картине мира героиня наивной картины *чудо-юдо рыба кит* оказалась млекопитающим, так и наивная этика не всегда и не во всем согласуется с научной. Это порождает разные квалификации одного и того же и непонимание, а подчас совсем не тот результат, который ожидался.

Например, принцип политкорректности, сформулированный в конце XX в. как основной в диалоге политических противников в научной этике, потребовал от комму-

никантов даже бóльших ограничений в выборе слов, чем испокон веков существовавший в наивной этике принцип терпимости и вежливости, но породил неожиданные коммуникативные ситуации, противоположные задуманному. Политкорректность — принцип словоупотребления, согласно которому из речи исключались все наименования, способные кого-то ущемить даже намеком. Например, в соответствии с данным принципом даже наименование *дворник* следовало исключить из обихода как обидное для дворников. Идея благородная, но, во-первых, невыполнимая, поскольку переименование дворников в *клининге́ров* или *клининг-менеджеров* не делает профессию более престижной (по крайней мере сейчас и в обозримом будущем), а у нас, как говорят, зови хоть горшком — в печь не ставь. Во-вторых, будучи включенной в обиход, политкорректность только укрепила смысловую основу для развития многочисленных ярлыков типа *расизм, гомофобия* (нетерпимость к нетрадиционной сексуальной ориентации), *религиозная нетерпимость, неполиткорректность*, поскольку квалифицировала как не политкорректную любую отрицательную оценку и для навешивания ярлыков оказалось достаточно, чтобы кому-то что-то сказанное не понравилось. В этом случае говорящего обвиняют в неполиткорректности, которая проявляется, например, в расизме.

Механизм превращения термина в ярлык демонстрирует пример из американской политической истории: белый полицейский арестовал за правонарушение чернокожего профессора. Последний обозвал полицейского *расистом*. Америка заволновалась и встала на защиту якобы ущемленного по расовому признаку чернокожего. Б. Обама попытался уладить конфликт, но безуспешно. Однако самое интересное в том, что политические враги американского президента после этого инцидента стали и его называть *расистом*, имея в виду уже ненависть к белой культуре.

Научное и наивное понимания этического феномена не различаются так очевидно, но все равно не совсем совпадают. Это наблюдается в их толковании. Например, в научной этике и законодательстве понятие цинизм определяется как *позиция демонстративного и тотального негативизма по отношению к общепринятым социокультурным нормам и ценностям*. Курсивом выделены компоненты значения,

которые не совпадают с обыденным пониманием слова, потому что в литературном языке, отражающем в данном случае представления наивной этики, цинизм — *это пренебрежение нормами общественной морали, наглость, бесстыдство.*

Цинизм в наивной этике вовсе не обязательно тотальный и демонстративный, а значит, сознательный: он бывает и не демонстративный, но вполне осознаваемый (вспомните речевое поведение грибоедовского Молчалина или мольеровского Тартюфа), и даже неосознаваемый человеком, наивный (о некоторых его проявлениях см. далее).

Слово в естественном языке, в отличие от термина науки, помимо словарного толкования, составляющего лексический минимум значения, по которому можно опознать соответствующее явление действительности, развивает коннотации — имплицитные, т.е. подразумеваемые, элементы значения, не зафиксированные в объеме понятия в словаре, но выявляемые в речи, в семантике высказывания, текста, в контексте мировой и национальной культуры.

Возьмем одно из основополагающих этических понятий — совесть, — которое по словарю означает *чувство нравственной ответственности перед собой и другими.* Это то, что совпадает по значению с одноименным термином. Нигде не сказано, что мы представляем совесть как живое существо, ведь она может *спать, проснуться, глодать, грызть, быть неусыпной, чистой, нечистой, вершить суд* и делать еще многое, что абстрактной сущности не свойственно. Это уже представление наивной этики, идущее из глубины веков.

Кроме того, в наивной этике этическому осмыслению подвергаются понятия смежных сфер: гендера, государства, политики, семьи, педагогики, культуры, досуга и др. Такое осмысление сказывается в том, что они легко развивают этические коннотации.

Например, согласно словарю, мужчина — это взрослый человек, противоположный женщине по полу, женщина — соответственно наоборот. Это эксплицитно сформулированные значения слов — смысловой лексический минимум, который позволяет по слову идентифицировать явление действительности. Однако в культуре, и прежде всего этически, оба слова неизмеримо богаче и значимей. Что для

русской культуры значат слова *мужчина* и *женщина*, выражено В. Солоухиным в стихотворении «Мужчины», которое приведено ниже с небольшими сокращениями:

Пусть вороны гибель вещали
И кони топтали жнивье,
Мужскими считались вещами
Кольчуга, седло и копье.
Во время военной кручины
В полях, в ковылях, на снегу
Мужчины, Мужчины, Мужчины
Пути заступали врагу.
Пусть жены в ночи голосили
И пролитой крови не счесть,
Мужской принадлежностью были
Мужская отвага и честь.
Таится лицо под личиной,
Но глаз пистолета свинцов.
Мужчины, Мужчины, Мужчины
К барьеру вели подлецов.

А если звезда не светила
И решкой ложилась судьба,
Мужским достоянием было
Короткое слово — борьба.
Пусть небо черно, как овчина,
И проблеска нету вдали,
Мужчины, Мужчины, Мужчины
В остроги сибирские шли. <...>
А женщина — женщиной будет:
И мать, и сестра, и жена,
Уложит она, и разбудит,
И даст на дорогу вина.
Проводит и мужа и сына,
Обнимет на самом краю...
Мужчины, Мужчины, Мужчины,
Вы слышите песню мою?

Рассмотрим первое. Скажем, если один мужчина говорит другому: *Поговорим как мужчина с мужчиной*, он имеет в виду под названием *мужчина* вовсе не возраст и биологический пол, а набор человеческих качеств собеседника, подразумеваемых в национальной культуре как само собой раз-

умеющиеся (благородство, способность защитить слабого, самопожертвование, великодушие) и названных словом *мужественность*. Все перечисленное — этические категории, этические ценности. Таким образом понятие *мужчина*, изначально биологическое, становится в не меньшей (а может быть, и в большей степени) этическим. Правда, выражение: *Поговорим как мужчина с мужчиной* может предполагать и выяснение отношений с помощью кулаков как следствие неуправляемой агрессии, что тоже связано с представлением о сильном поле. Однако сути дела это не меняет: *агрессия* — это тоже этическая категория, только из разряда антиценностей.

Представления наивной этики вездесущи и независимо от сферы и типа коммуникации диктуют нам, что и как называть, какие оценки и когда давать, в каких ситуациях какие грамматические конструкции употреблять, как реагировать на окружающее. Самый очевидный пример — оценочное высказывание типа *Вот такой я бестактный нахал; От скромности ты не умрешь* как реакция на предыдущее высказывание.

Наивная этика проявляет себя повсеместно в отдельном слове, словосочетании, высказывании, тексте, контексте и, наконец, языке.

Все это в комплексе демонстрирует следующий пример из области современных развлекательных СМИ. В русской культуре традиционно мнение, согласно которому чтобы стать *звездой* (получить признание), надо обладать выдающимся талантом и трудиться в поте лица. В речи данное слово до недавнего времени употреблялось как оценка (*Монсеррат Кабалье — звезда оперной сцены*), но никак не в роли грамматического предмета (*звезда поднимается по лестнице*). Приоритет скромности в наивной этике отражен и в обороте *звездная болезнь*.

Все было перевернуто в интерпретации наших досуговых СМИ в 1990—2010-е гг. Наладили даже массовое производство «звезд» на телепроекте «Фабрика звезд». В рассказах о жизни так называемого бомонда обычными стали формулировки: *звездная тусовка; звезда проводила отпуск..; помощник по хозяйству у звезды; я звезда; работает звездой в Голливуде*. Иначе говоря, понятие *звезда* было снижено, выхолощено и опошлено, из него ушли семы *наличия таланта, выдающихся достижений, труда, высокой общественной оценки*. Все это было замещено элементом

значения *публичность*. Далеко не вся аудитория эту самовлюбленность приняла, и в обиход вошли слова *звездулька* и *звездулища*, а просмотр самих досуговых программ с участием «звезд» окрестили словами *ржака* и *тележака*, в значении которых не осталось места осмысленному юмору и смеху (ср. со словами *хохот, укатайка, умора*).

Этические представления народа отражены во фразеологии (*хлеб-соль ешь, а правду режь*). Пословицы, поговорки, крылатые слова и цитаты часто не предписывают, что делать, а просто констатируют положение вещей (*что посеешь — то пожнешь, наглость — второе счастье*), но в целом дают представление о том, что хорошо и плохо, что можно и запрещено в рамках данной национальной культуры. И это представление более полное, чем то, что зафиксировано научной этикой.

Влияние этических представлений этноса можно проследить даже на самых отвлеченных от действительности уровнях языка. Так, специалисты в области грамматики по-разному объясняют распространение в русском синтаксисе безличности, выраженной безличными и неопределенно-личными предложениями, но, видимо, к языковым причинам можно добавить и этические — скромность (гагаринское *«Поехали!»*), с одной стороны, и безответственность — с другой (любимые национальные формулы *Получилось*, если желаемый результат достигнут; *Так получилось* или *Хотели как лучше — получилось как всегда*, если наоборот).

Еще пример: считается, что местоимение — чисто грамматическая часть речи, которая, в частности, организует ситуацию общения с точки зрение его участников и их коммуникативных ролей: *я* — говорящий; *ты* — слушающий; *он*, *она*, *оно* — предмет речи, т.е. человек, не принимающий участия в коммуникативном акте, или вообще неодушевленная сущность. Однако и здесь обнаруживаются этические коннотации: единственным местоимением, которое всегда пишется с большой буквы и при этом употребляется во множественном числе, является русское вежливое *Вы* — языковое выражение этического принципа русской культуры общения: приоритета собеседника, уважения к нему, подавления собственного эго (для сравнения: в английском языке тоже есть одно местоимение с большой буквы, только это местоимение — *Я*).

Таким образом, если сравнивать области влияния законодательства, научной этики (включая профессиональную), с одной стороны, и наивной — с другой, можно сказать, что область законодательного регулирования наиболее узка, поскольку ограничивается только наиболее важными, зафиксированными законодательством аспектами коммуникации (скажем, в ее область попадает *клевета, оскорбление, разглашение государственной тайны* и тому подобные деяния).

Намного шире, но опять-таки не всеохватно влияние научной и профессиональной этики, которые устанавливают общие этические принципы и правила коммуникации (*использование достоверных источников информации, тактичное отношение к жертвам терактов, чистота и правильность языка, тактичное отношение к родственникам больных или жертв происшествий*).

Наивная этика далеко не всегда нами осознается как регулятор коммуникации, но как исторически сложившаяся система национальных этических предписаний и представлений действует всегда и во всем. Скажем, ни законодательство, ни научная этика не запрещают никому не известному исполнителю с сомнительным талантом спеть про себя с экрана телевизора: *Круто! Ты попал на ТВ, / Ты звезда, ты звезда, / Давай народ порази. / Круто! Ты попал на ТВ, / Ты звезда, ты звезда, / Давай народ удиви / На ТВ. Ты звезда...* (из песенки-заставки телепроекта «Фабрика звезд-4». 2004 г.). Наивная этика тут же реагирует на такое самомнение словом *звездулька,* этически ориентируя наше поведение, даже когда сами мы сознательно не контролируем его с данной точки зрения. Это происходит в силу того, что наивная этика составляет важнейшую часть так называемого культурного кода, образно говоря, «сетки», «которую культура набрасывает на окружающий мир, членит, категоризует, структурирует и оценивает...»[1].

Отсюда и очевидный вывод: конечно, все мы обязаны знать и соблюдать законодательство и правила общей и профессиональной морали, но не в меньшей степени нужно быть чутким к любому сказанному слову, потому что в любом случае оно будет оценено аудиторией и с точки зрения этики.

---

[1] *Красных В. В.* «Свой среди чужих»: миф или реальность? М., 2003. С. 297.

5.5. Контролируемое и неконтролируемое речевое поведение и его этические следствия, наивный цинизм

Словооупотребление в коммуникации, особенно в массовой, т.е. в публицистическом стиле, а также в научном и деловом, принято считать осознанным, хорошо и постоянно контролируемым, подчиненным целенаправленному отбору речевых средств. Говорящий всегда должен следовать этическим предписаниям и отдавать себе отчет в том, что, как, зачем, кому, в какой обстановке и почему он говорит и какие к каким результатам его речь может привести. На практике бывает по-разному. Мы можем сознательно и целенаправленно по каким-то причинам нарушать профессиональную мораль, и тогда, конечно, это будет замечено и повлечет какие-то следствия. Это может происходить и ненамеренно, когда человек просто следует в русле общих тенденций словоупотребления, осмысления действительности. В этом случае многое, хотя и требует этической оценки, остается без нее.

Приведем лишь один, но наглядный, на наш взгляд, пример из области досуговой журналистики. В газете «Спид-инфо»[1] была опубликована статья А. Никонова «Добей, чтобы не мучился», в которой автор предлагал усыплять при рождении детей — глубоких, неизлечимых инвалидов — в следующем тоне: *Рождение в семье дебила — трагедия. А граждане рожают себе детей для удовольствия, а не для мучений. Поэтому абсолютное большинство нормальных людей сдает бракованных детей государству. Оно у нас доброе, возится с ними подальше от глаз людских, потому что зрелище это не для слабонервных. Наши приюты и так-то не сахар, а уж богадельни для слабонервных вообще туши свет...*

Вокруг статьи разгорелся скандал, состоялось профессиональное разбирательство не столько относительно идеи эвтаназии, основной в тексте, сколько относительно формы изложения. Далее речь пойдет только о последней.

Бракованный ребенок — это даже не живое существо, которому может быть и больно, и страшно, а предмет, вещь, товар, лишенный положенных потребительских качеств, потому что глагол *браковать* и все его формы, в том числе и *бракованный*, обозначают действия контролера отдела

[1] Спид-инфо. 2009. № 25.

технического контроля с продукцией и соответственно сочетаются только с неодушевленными существительными, называющими изделия. В переносном значении — то же самое. Таким образом, ребенок в языковой картине мира автора тоже становится товаром, причем негодным к употреблению. Такая позиция оценивается журналистом как норма, потому что люди, которые так считают и *сдают государству* таких детей, как макулатуру или металлолом, — это *нормальные люди* (по мнению автора).

И читатели, и профессионалы-журналисты были обоснованно возмущены вопиющим, демонстративным цинизмом статьи. Автору пришлось заплатить штраф. Случай с А. Никоновым — этическая коллизия времени: манера его изложения недопустимо циничная, но мотивированная тем, что в то время должность его была скандальный репортер, и манеру изложения он выбирал вполне осознанно, а позже, во время профессионального разбирательства, назвал ее идеальной.

Можно посмотреть, что происходит в нашей повседневной не скандальной коммуникации и остается незамеченным. Чем лучше *бракованных детей*, например, официальное (!) наименование *паралимпийские игры* (аналог олимпиады, но для инвалидов), взятое нашими чиновниками от спорта с Запада? (кстати, данное название вошло в официальный обиход с орфографической ошибкой: приставку *пара-* добавили к прилагательному *олимпийский*, соответственно, написано оно должно быть так — *парА-Олимпийский*). Для справки: приставка *пара-* в переводе на русский — это *почти, около-, недо-* и обозначает либо близость одного предмета к другому (*парагрипп, парапсихология*), либо недостаточное проявление каких либо качеств. Оба эти значения совмещены в наименовании *паралимпийский*: по сути это *околоолимпийский, недоолимпийский*. А *паралимпиец* — соответственно *НЕДОспортсмен*, если не сказать недочеловек. Кроме пренебрежения к людям в таком наименовании нет ничего.

Приведенный пример — не единственный. В 1990 г. в повседневный обиход из милицейского языка вошла аббревиатура *бомж* — без определенного места жительства. И не просто вошла, а органично вписалась в нашу языковую картину мира, поскольку сразу породила массу производных слов: *бомжиха, бомжатник, бомжеский, бомжеватый*, даже ласковые *бомжик* и *бомжонок*. Некоторые

вошли в толковые словари литературного языка с пометой *прост.* — просторечное, а само слово *бомж* — вообще без помет как вполне литературное слово без ограничений в коммуникативных правах; таким образом стилистическую оценку это словообразовательное гнездо получило. А этическую? Нет. И, наверное, не столько из-за того, что помета *неэтичн.* в словарях пока не предусмотрена, сколько потому, что над этим не задумывались.

Если подумать, с точки зрения языка, *бомж* — странная аббревиатура, в которой потеряно главное слово — *кто. КТО — без определенного места жительства?* Для справки: до революции таких граждан называли *босяками, бродягами,* потом появилась аббревиатура *бич — бывший интеллигентный*, но все-таки еще *человек*. Какой бы он ни был, это гражданин государства. В словах *босяк, бродяга, бич* сема (элемент языкового значения) *человек* основная и выражена эксплицитно, в самом слове. Ее-то и отбросили за ненадобностью. И так понятно, что собаки *бомжами* не бывают.

Теперь обратим внимание на то, как в названиях людей социального дна возрастает степень цинизма: в языковой картине мира *босяк* — однозначно принадлежит к категории *человек* (хотя и не самый симпатичный); *бич* — тоже пока еще *человек*, хотя в слове уже проявляются элементы отношения к нему как к предмету, вещи, поскольку аббревиатурами обычно для краткости называют события (*ВОВ — Великая Отечественная война*), организации (*ГД — Государственная Дума*), абстрактные понятия (*КЛЯ — кодифицированный литературный язык*), но не людей; и, наконец, в слове *бомж* категория *человек* вообще вынесена за скобки.

Цинизм проявляется не только по отношению к представителям социального дна. Опять же из языка чиновников в массовую коммуникацию проникли аббревиатуры *УВОВ, ИВОВ, ВВОВ* — соответственно *участник, инвалид, ветеран Великой Отечественной войны*. Так что, к сожалению, *бомж* или *ветеран войны* — особой разницы нет.

Приведенные примеры из области практически не контролируемого речевого поведения. Изобретая эти слова, чиновники думали о точности и краткости наименования, но не об этических коннотациях. Такое словоупотребление филологи назвали *наивным цинизмом*.

Язык — зеркало, в котором, присмотревшись, легко увидеть и время, и общество, и самих себя. Что мы в нем увидим?

Вопросы и задания для самоконтроля

1. Какие формы общественного регулирования речевой коммуникации существуют и каковы сферы их влияния (сравните широту охвата)?
2. Дайте определение, что такое научная и наивная этика.
3. Что общего и различного между законодательным регулированием коммуникации и профессиональной моралью?
4. Каковы основные недостатки регулирования коммуникации с помощью законов и профессиональных этических кодексов?
5. В чем основные отличия научной и наивной этики?
6. Почему и как в сферу этики вовлекаются понятия других областей, в частности гендера, политики?
7. В каких формах зафиксированы в языке этические представления народа?
8. Каковы основные отличия контролируемого и неконтролируемого речевого поведения и что такое наивный цинизм?

Литература

1. *Аверинцев, С. С.* Риторика и истоки европейской литературной традиции. — М., 1996.
2. *Адо, И.* Свободные искусства и философия в античной мысли ; пер. с фр. — М., 2002.
3. *Александров, Д. Н.* Риторика. — М., 2000.
4. *Альбала, А.* Искусство писателя: начатки литературной грамоты. — Пг., 1924.
5. *Анненкова И. В.* Риторика для журналистов. Историко-культурный, теоретический и практический аспекты : учеб. пособие с приложениями. — М., 2006. — 164 с.
6. *Аннушкин, В. И.* Искусство мыслить и говорить. Риторика и культура речи // Виноград. Православный педагогический журнал. — СПб. : Слово, 2008. — № 4 (24). — С. 70—76.
7. *Аннушкин, В. И.* Риторика. Вводный курс : учеб. пособие. — М., 2007.
8. *Аннушкин, В. И.* Риторика. Экспресс-курс : учеб. пособие. — М., 2008.
9. Античные риторики / под ред. А. А. Тахо-Годи. — М., 1978.
10. *Аристотель.* Риторика. Поэтика. — М., 2000.
11. *Барт, Р.* Избранные работы: Семиотика. Поэтика. — М., 1994.
12. *Барт, Р.* Система моды. Статьи по семиотике культуры. — М., 2004.
13. *Береговская, Э.* Занятная риторика / Э. Береговская, Ж.-М. Верже. — М., 2000.
14. *Богданов, Н. В.* Словарь основных понятий и терминов риторики. — М., 2001.
15. *Болотнова, Н. С.* Коммуникативная стилистика текста: лексическая регулятивность в текстовой деятельности : монография / Н. С. Болотнова [и др.] ; под ред. Н. С. Болотновой. — Томск, 2011.
16. *Бредемайер, К.* Провоцирующая риторика? Меткий ответ! : пер. с нем. — Ростов н/Д ; Краснодар, 2008.

17. *Бредмайер, К.* Черная риторика. Власть и магия слова : пер. с нем. — М., 2008.
18. *Бухаркин, П. Е.* Риторика и смысл. — СПб., 2001.
19. *Введенская Л. А.* Риторика и культура речи / Л. А. Введенская, Л. Г. Павлова. — Ростов н/Д, 2003.
20. *Виноградов, С. И.* Культура парламентской речи / С. И. Виноградов [и др.]. — М., 1994.
21. *Волков, А. А.* Основы риторики. — М., 2003.
22. *Вомперский, В. П.* Риторики в России XVII—XVIII вв. — М., 1988.
23. *Головин, Б. Н.* Основы культуры речи. — М., 1988.
24. *Гурвич, С. С.* Основы риторики. — Киев, 1988.
25. *Дейк, ван Т. А.* Язык. Познание. Коммуникация. — Благовещенск, 2000.
26. *Дюбуа, Ж.* Общая риторика / Ж. Дюбуа [и др.]. — М., 1986.
27. *Женетт, Ж* . Фигуры : в 2 т. — М., 1998.
28. *Зарецкая, Е. Н.* Риторика: теория и практика речевой коммуникации. — М., 2001.
29. *Землянова, Л. М.* Зарубежная коммуникативистика в преддверии информационного общества : толковый словарь терминов и концепции. — М., 1999.
30. *Ивин, А. А.* Риторика: искусство убеждать. — М., 2002.
31. *Ивлев, Ю. В.* Теория и практика аргументации : учебник. — М., 2009.
32. *Ильин А.* Отзвук слова. Из опыта работы спичрайтеров первого президента России / А. Ильин [и др.]. — М., 1999.
33. *Исаев, М. И.* Словарь этнолингвистических понятий и терминов. — М., 2003.
34. *Иссерс, О. С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. — М., 2002.
35. *Йегер, В.* Пайдейя. Воспитание античного грека : в 2 т. — М., 2001.
36. *Кайда, Л. Г.* Композиционная поэтика текста. — М., 2011.
37. *Клушина, Н. И.* Стилистика публицистического текста. — М., 2008.
38. *Клюев, Е. В.* Речевая коммуникация. — М., 1998.
39. *Клюев Е. В.* Риторика (Инвенция. Диспозиция. Элокуция). — М., 2001.
40. *Кожина, М. Н.* Пути развития стилистики русского языка во 2-й половине XX в. // Stylistyka, VI. — Opole, 1997.
41. *Кормилицына, М. А.* Язык СМИ / М. А. Кормилицына, О. Б. Сиротинина. — Саратов, 2011.

42. *Корнилова, Е. Н.* Риторика — искусство убеждать. Своеобразие публицистики античной эпохи. — М., 1998.

43. *Кроче, Б.* Эстетика как наука о выражении и как общая лингвистика. — М., 1920.

44. Культура русской речи : учебник для вузов / под ред. Л. К. Граудиной, Е. Н. Ширяева. — М., 1998. — 560 с.

45. Культура русской речи : энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева. — М., 2003.

46. *Лаптева, О. А.* Русский разговорный синтаксис. — М., 1976.

47. *Лахманн, Р.* Демонтаж красноречия. Риторическая традиция и понятие поэтического : пер. с нем. — СПб., 2001.

48. *Леммерман, Х.* Уроки риторики и дебатов. — М., 2002.

49. *Лотман, Ю. М.* Текст и структура аудитории // *Его же.* История и типология русской культуры. — СПб., 2002.

50. *Марру, А.-И.* История воспитания в античности : пер. с фр. — М., 1998.

51. *Марченко, О. И.* Риторика в контексте культуры // Введение в культурологию : курс лекций / под ред. Ю. Н. Солонина, Е. Г. Соколова. — СПб., 2003.

52. *Маслова, В. А.* Лингвокультурология. — М., 2001.

53. *Матвеева, Т. В.* Учебный словарь: русский язык, культура речи, стилистика, риторика. — М., 2003.

54. *Михайличенко, Н. А.* Риторика. — М., 1994.

55. *Михальская, А. К.* Основы риторики. — М., 2001.

56. *Михальская, А. К.* Русский Сократ. Лекции по сравнительно-исторической риторике. — М., 1996.

57. *Назаров, М. М.* Массовая коммуникация в современном мире: методология анализа и практика исследований. — М., 2000.

58. *Никитина С. Е.* Экспериментальный системный толковый словарь стилистических терминов / С. Е. Никитина, Н. В. Васильева. — М., 1996.

59. *Панченко, А. М.* О русской истории и культуре. — СПб., 2000.

60. *Петров, О. М.* Риторика. — М., 2001.

61. *Почепцов, Г. Г.* История русской семиотики. — М., 1997.

62. *Рождественский, Ю. В.* Принципы современной риторики. — М., 2003.

63. *Рождественский, Ю. В.* Словарь терминов (общеобразовательный тезаурус). Мораль. Нравственность. Этика. — М., 2003.

64. *Рождественский, Ю. В.* Теория риторики. — М., 1999.

65. *Розенталь, Д. Э.* Практическая стилистика русского языка. — М., 1977.

66. *Романенко, А. П.* Образ ритора в советской словесной культуре : учеб. пособие. — М., 2003.

67. *Рузавин, Г. И.* Логика и основы аргументации. — М., 2003.

68. Русская разговорная речь / под ред. Е. А. Земской. — М., 1973.

69. Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. — М., 1983.

70. Русская риторика : хрестоматия. — М., 1996.

71. *Салимовский, В. А.* Функциональная стилистика в ее отношении к эстетическому идеализму: возможны ли элементы синтеза // Stylistyka, XVIII. — Opole, 2009.

72. *Сенкевич, М. П.* Культура радио- и телевизионной речи. — М., 1997.

73. *Сиротинина, О. Б.* Современная разговорная речь и ее особенности. — М., 1974.

74. *Смелкова, З. С.* Риторические основы журналистики. Работа над жанрами газеты / З. С. Смелкова [и др.]. — М., 2002.

75. *Солганик, Г. Я.* Практическая стилистика русского языка. — М., 2006.

76. *Стернин, И. А.* Практическая риторика. — М., 2003.

77. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожиной. — М., 2003.

78. *Сусов, И. П.* Лингвистическая прагматика. — Винница, 2009.

79. *Формановская, Н. И.* Культура общения и речевой этикет. — М., 2002.

80. *Хазагеров, Г. Г.* Политическая риторика. — М., 2002.

81. *Хазагеров, Г. Г.* Риторика для делового человека : учеб. пособие / Г. Г. Хазагеров, Е. Е. Корнилова. — М., 2001.

82. *Хазагеров, Г. Г.* Риторический словарь. — М., 2009.

83. *Хазагеров, Т. Г.* Общая риторика. Курс лекций и словарь риторических фигур / Т. Г. Хазагеров, Л. С. Ширина. — Ростов н/Д, 1994.

84. Язык и культура. Факты и ценности. (К 70-летию Ю. С. Степанова). — М., 2001.

85. Язык средств массовой информации / под ред. М. Н. Володиной. — М., 2008.

Терминологический словарь смыслового анализа текста

Алогизм — 1. Логическая ошибка. 2. Стилистический прием, основанный на намеренном нарушении какого-либо логического закона или правила в целях речевой характеристики героя, выражения иронии, создания комического эффекта, выражения оценки явления: *Все животные равны, но некоторые равнее других* (Оруэлл); *Внизу были лавочки с хомутами, веревками и баранками* (Г.); в рекламе — для фиксации внимания аудитории на рекламируемом брэнде: *Гуляешь с друзьями — гуляй с «Пепси-колой»* (сочетание в однородном ряду хозяйственных товаров и продуктов в первом примере и упоминание людей и предметов в одинаковых синтаксических конструкциях во втором приводит к нарушению правила единства основания логического деления — см.: Ошибки логического деления).

Альтернатива — 1. Каждая из двух (см.: Дилемма) или более взаимоисключающих возможностей. 2. Суждение, обозначающее необходимость выбора между двумя или более взаимоисключающими возможностями: *У меня теперь из этого дома есть только два пути: либо я ее веду в ЗАГС, либо она меня ведет к прокурору; Этот человек или сангвиник, или холерик, или меланхолик, или флегматик.*

Логически правильная А. отвечает следующим требованиям: 1) строится на основании взаимоисключающих понятий; 2) должны быть перечислены все без исключения А., иначе невозможно выбрать верную А.

Частный случай А. — дилемма.

Анализ связочных средств языка — исследование автором/редактором в ходе логического анализа текста правомерности употребления союзов, местоименных наречий (*поэтому*), текстообразующих вводных конструкций (*во-первых, значит, итак*), частиц (*тем не менее, тем более*), знаков препинания, которые служат средством выраже-

ния смысловых отношений между логическими именами и высказываниями в тексте. Такой анализ проводится для выявления и последующей правки логико-синтаксических ошибок. Следует иметь в виду, что сами эти средства не формируют смысловых отношений имен и высказываний, а лишь выражают их, причем, возможно, неправильно.

Выбор связочного средства может быть продиктован как смысловыми отношениями между логическими единицами текста, так и точкой зрения автора (в высказывании *Холеры нет, зато менингит наступает* с помощью союза *зато* вместо *однако* выражена злая ирония врача). Подлежат правке только те связочные средства, которые употреблены автором ошибочно (*Стоматология: лечение геморроя; Огурец большой, но зеленый; За окном минус десять, зато отопление не работает; Мы выметем скверну терроризма не только из России, но и из Москвы*).

Среди связочных средств есть однозначно выражающие отношения (союзы *потому что, если* и др.; вводные слова *следовательно, во-первых* и др.; знаки *двоеточие* или *тире* и др.) и многозначные (союзы *и, а*; знаки *запятая, точка с запятой, точка*). Значение последних зависит от контекста, и, следовательно, нужно особенно внимательно анализировать именно его. Имея одно из значений, которому соответствуют смысловые отношения проверяемых единиц текста, многозначные средства связи могут быть неправильно интерпретированы. В ответе на вопрос *Вы мечтали о карьере телеведущего? — Нет, я знаю, что ничего случайного не бывает* — запятая после отрицания прочитывается многими как союз *потому что*, устанавливающий отношения причинности, тогда как отвечающий имеет в виду противопоставление: *Нет, но я знаю...*

Анализ силлогизма и энтимемы — процедура логического анализа текста, направленная на выявление ошибочности или подтверждение правильности рассуждения, построенного как силлогизм или энтимема или содержащего их в качестве простейших элементов, входящих в более сложные его формы. Силлогизм и энтимема считаются логически состоятельными, только если соблюдены правила их построения, истинны посылки, заключения и точны смысловые связи между ними. Анализ энтимемы предполагает предварительное восстановление подразуме-

ваемых посылок или выводов, т.е. приведение энтимемы к развернутой форме силлогизма.

Восстановление посылки позволяет редактору убедиться в ее фактической ошибочности или сомнительности и, следовательно, несостоятельности заключения энтимемы (например, в энтимеме *Продукты генной инженерии являются самыми безопасными, так как их негативное влияние на человека не имеет фактических подтверждений и именно такая продукция подвергается строгому контролю* подразумевается: *Если негативное влияние продуктов на организм человека не доказано, то они являются самыми безопасными* — и это сомнительно). Эта процедура помогает и в выявлении некорректных логических связей.

Убедившись в истинности посылок, редактор должен проверить соблюдение основных логических правил иллогизма: общий термин обеих посылок должен употребляться в них в одном и том же значении; должен быть взят в полном объеме (т.е. охватывать всю совокупность предметов, называемых им) хотя бы в одной из посылок; термин, не взятый в посылке в полном объеме, не может быть взят в полном объеме в заключении; хотя бы одна из посылок должна быть утвердительной; если одна из посылок отрицательная, то и заключение отрицательное. Несоблюдение хотя бы одного из правил, неистинность посылок, неточность смысловых связей ведет к неправильному умозаключению.

Анализ смысловых связей — исследование правильности отношений между основными смысловыми единицами текста (именами и высказываниями) и корректности употребления слов и знаков препинания, служащих для выражения этих отношений, в ходе логического анализа текста.

Исследуя логические имена, надо учитывать их объемные отношения, логические операции, которые производятся с именами в тексте, и то, какую роль выполняет каждое из них. Между членами логического деления правомерны только отношения внеположенности: *на завтрак кофе, булочка и фрукты* (о правилах и нарушениях правил логического деления см.: Ошибки логического деления). Между именами, использованными автором при многократном назывании в тексте одной и той же реалии, правомерны отношения равенства или подчинения: *птица, домашняя птица, курица, наседка*. Следует обратить вни-

мание на возможные затекстовые связи имен (см.: Неопределенность имени (II)).

В процессе анализа смысловых отношений высказываний проверяется соблюдение основных логических законов в тексте (см.: Определенность текста; Противоречия в тексте; Правка противоречий в тексте; Обоснованность текста), связи логического и временного следования, обоснованность обобщений частными примерами (см.: Обобщение; Поспешное обобщение).

Смысловые отношения имен и высказываний в тексте нередко бывают выражены с помощью служебных частей речи, вводных конструкций и знаков препинания (см.: Анализ связочных средств языка).

Аналогия — 1. Сходство различных предметов или явлений по ряду признаков. 2. Разновидность индуктивного умозаключения, при котором вывод о наличии у предмета некоторых свойств делается на основании его сходства по ряду признаков с другим предметом, у которого искомое свойство есть. А. позволяет делать выводы только вероятные, и точность их тем выше, чем больше признаков сходства между предметами найдено и чем больше самих предметов привлечено к анализу. 3. Одна из основных форм текста рассуждения, в котором представлено умозаключение по сходству.

Антитеза — 1. Противопоставление. 2. Стилистический прием намеренного столкновения противоположностей. Как средство выражения А. нередко использует антонимы: *Ты богат — я очень беден; Ты прозаик — я поэт.* 3. То же, что антитезис.

Антитезис — смысловой и структурный элемент опровержения, суждение, отрицающее ложный, с точки зрения автора, тезис, рассматриваемое автором как истинное и далее доказываемое (см.: Опровержение).

Аргумент — довод, приводимый в качестве обоснования истинности какого-либо положения, необходимый элемент любого доказательства или опровержения. В доказательстве А. обосновывает истинность тезиса, в опровержении — ложность антитезиса. Логические требования к А. — 1) истинность, доказанность независимо от доказываемого с его помощью положения; 2) достаточность одного

А. или их суммы для обоснования истинности или ложности выдвинутого тезиса.

Классическая логика и риторика выделяют А. к истине, разуму и А. к публике, к человеку, т.е. логические и эмоциональные, направленные соответственно на мыслительную или эмоционально-волевую сферы сознания адресата. А. к истине — основа любого доказательства или опровержения. Их источниками служат общеизвестные факты, общепринятые теории, аксиомы, определения, ссылки на авторитетные мнения.

А. к публике, человеку (например, рассмотрение личных качеств человека) могут только дополнять А. к истине, если же они заменяют первые, то это свидетельствует о логической необоснованности доказательства или опровержения или о логической уловке. А. бывают убедительные (нередко для обоснования точки зрения достаточно одного такого А.), средней силы и сомнительные.

Определение вида А., его логической состоятельности и оценка его роли производится редактором в ходе логического анализа текста. Оценка убедительности А. требует учета особенностей аудитории. Особого внимания редактора требуют аргументы к человеку, поскольку нередко используются этически несостоятельные приемы, например апелляция к чувству страха, незащищенности. Сомнительные аргументы могут попасть в рассуждение только по недосмотру автора и редактора.

Аргументация — 1. Предъявление фактов, доказывающих истинность какого-либо суждения. 2. Обоснование высказывания в рассуждении другими высказываниями, истинность которых доказана (см.: Аналогия, Доказательство, Умозаключение, Опровержение); логический процесс, в котором истинность какого-либо положения выводится из истинности аргументов.

Аргументированность — см.: Обоснованность.

Вывод — 1. Логический итог рассуждения. 2. Заключительное суждение, полученное по правилам умозаключения в результате сопоставления двух или нескольких посылок.

Двусмысленность — 1. Логическая ошибка или уловка, отрицательное качество речи, при котором одно и то же имя или высказывание можно трактовать по-разному, следствие нарушения закона тождества и потери текстом

смысловой определенности (см.: Определенность текста). Д. нередко используется как прием недобросовестной полемики, сознательного ухода от темы, манипуляции сознанием аудитории, демагогии. 2. Высказывание, содержащее неприличный намек.

Демагогия — не доказанное фактами или рассуждениями сообщение, преднамеренное искажение фактов, извращение смысла, лживые обещания с целью склонить аудиторию в свою сторону.

Дилемма — суждение, в котором предмету приписывается два противоречащих признака, исключающих возможность третьего, частный случай альтернативы. Д. образуется на основе понятия и его отрицания с помощью частицы *не*: *Или пан, или пропал* (= не пан). Попытки построить Д. на основании понятий, расположенных на противоположных сторонах оценочной шкалы, на которой между ними возможны промежуточные деления (*Этот человек добрый или злой*, *толстый или тонкий*) приводит к логической ошибке — нарушению закона исключенного третьего: из двух одновременно отрицающих друг друга суждений одно непременно истинно; третьего не дано. Подобная Д. дает возможность выбора промежуточного варианта, т.е. третьего.

Довод — см.: Аргумент.

Доказательность — важнейшее логическое свойство любой разновидности рассуждения, его логическая принудительность. Д. проявляется в обоснованности тезиса аргументами; логических посылок выводами.

1. Доказательство — 1. В гносеологическом значении обоснование истинности суждения — посылки Д. предъявлением соответствующих фактов или путем его логического выведения из аргументов — других суждений, истинность которых очевидна. Любое Д. должно учитывать уровень знаний и интересы аудитории, на которую оно рассчитано, быть ясным, достаточным, но не чрезмерным, непротиворечивым, последовательным. При подборе и формулировании посылки, аргументов и выводов следует соблюдать логические правила доказательства, которые обеспечивают его логическую корректность. Основные из этих правил следующие: 1) посылка и аргументы должны быть сужде-

ниями точно определенными (см.: Определенность текста); 2) посылка должна оставаться тождественной самой себе на всем протяжении доказательства; 3) аргументы должны быть суждениями истинными, доказанными независимо друг от друга и от логической посылки (см.: Ошибки доказательства).

По способу доказывания и его цели выделяют Д. прямые (см.: 2. Доказательство) и косвенные (см.: Опровержение). По форме умозаключения различают Д. дедуктивные (см.: Умозаключение) и индуктивные (см.: Аналогия). 2. Факт, аргумент, подтверждающий какое-либо суждение.

2. Доказательство — разновидность рассуждения, в котором тезис (высказывание, истинность которого необходимо обосновать) обосновывается с помощью одного или нескольких аргументов (априори истинных суждений) и демонстрации — структурной и смысловой связи между тезисом и аргументами. Демонстрация проявляет себя в расположении элементов Д. по отношению друг к другу и в использовании специфических логических связок: *во-первых, потому что, следовательно, итак* и т.п. Как факультативные смысловые элементы в Д. могут присутствовать разъяснения к тезису и аргументам и вывод, по сути повторяющий тезис, но уже как доказанное, истинное суждение.

Чтобы Д. было логически состоятельным, оно должно соответствовать логическим правилам доказательства.

В текстах СМИ Д., во-первых, предполагает вывод, лишь наиболее вероятный, в отличие от научного Д., требующего абсолютной достоверности; во-вторых, выполняет не столько задачу получения нового знания (сам процесс доказывания уже проделан автором), сколько убеждения адресата в достоверности информации. Особенности аудитории традиционно учитываются при выборе варианта расположения тезиса и аргументов в Д. Порядок «тезис — аргументы — вывод» используется, если аудитория подготовлена и расположена воспринимать информацию текста, и обратный, так называемый сократический порядок «аргументы — вывод (тезис)» применяется, если аудитория тематически плохо подготовлена или настроена скептически по отношению к теме.

Проверка состоятельности Д. в целом и каждого его элемента проводится редактором во время логического

анализа текста на этапе аналитического чтения. Основные редакторские требования к Д.: обоснованность выбора данного способа изложения, поскольку далеко не каждое утверждение нуждается в обосновании истинности; учет темы, интересов и уровня знаний аудитории при выборе смысловых элементов Д.; соблюдение автором логических правил доказательства.

Логико-синтаксическая ошибка — логическая ошибка, проявляющаяся в нарушении закономерностей построения языковых единиц и традиционно относимая к сфере практической стилистики. Таковы ошибки логического деления, которые проявляются в построении ряда однородных членов предложения, ошибки в употреблении сочинительных и подчинительных союзов (см.: Анализ связочных средств языка) в простом и сложном предложении, многие плеонастические конструкции (*полицейский, майор полиции Кудинов*).

Логическая культура пишущего или говорящего — одна из важнейших составляющих общей профессиональной культуры в областях, связанных с речевой коммуникацией. Профессиональная подготовка в этих сферах предполагает: четкое знание основных логических законов и правил; знание типичных текстовых конструкций, в которых они могут быть реализованы; умение различать в речи эти конструкции; проверять правильность их построения и знание типичных логических ошибок (см.: Неопределенность имени; Неопределенность темы; Неправильный вопрос; Подмена имени; Поспешное обобщение; Противоречия в тексте; Необоснованные суждения в тексте; Уход от темы; Ошибки логического деления и др.).

Л. к. предполагает: выработку целеустановки логического анализа текста во время его подготовки, что позволяет сознательно контролировать его логические качества; выработку навыка сознательного, основанного на знании и подкрепленного здравым смыслом логического контроля текста; концентрацию внимания при аналитическом чтении текста на логически проблемных ситуациях в тексте, а это все связи логического следования между смысловыми единицами текста; операции логического деления, частные примеры и обобщения; повторяющиеся в связанных по смыслу логических именах и суждениях, включая цифровые данные в тексте или в таблице.

Логическая ошибка — смысловая ошибка, вызванная нарушением основных логических законов и правил мышления. Л. о. ведут к неадекватному отражению действительности в тексте, нарушению смысловых связей, дезинформации и снижению информативности текста. Причины возникновения Л. о.: 1) мыслительные действия автора неверны (*Можно выделить три группы пенсионеров: только что вышедшие на пенсию, младшую возрастную группу от 55 до 65 лет и тех, кому 80 и больше*; первая группа включена во вторую, а люди от 65 до 80 лет оказались вне классификации); 2) автор не учитывает уровень подготовки аудитории, с чем связаны нередко поспешные обобщения, выводы; 3) мысль, верная по содержанию, неверно сформулирована: *В. Адамс признает на концертах только платья и юбки или стильные блузки* (автор перепутал местами союзы *и* и *или*); 4) невнимательность: *Количество отношений между классами понятий сведено к следующим: 1) тождество, 2) подчинение, 3) подчиненность, 4) перекрещивание, 5) внеположенность* (вторая и третья категории — одно и то же).

Л. о. необходимо отличать от фактической ошибки — смысловой ошибки, вызванной неверным отражением в речи реалий объективного мира и выявляемой только в случае знания предметной области, о которой идет речь в тексте. Для выявления Л. о. чаще всего такое знание не требуется, но наличие Л. о. в тексте нередко сигнализирует и о его фактической неточности, недостоверности.

Особая разновидность Л. о. — логико-синтаксические ошибки.

Наряду с предложенным широким толкованием, существует и более узкая трактовка Л. о. как ошибок в умозаключениях, определениях понятий, доказательствах и опровержениях, вызванных нарушением законов и искажением форм мышления.

Логическая уловка, софизм — сознательное нарушение автором законов логики и/или искажением форм мышления с целью ввести в заблуждение, запутать адресата. Л. у. основаны на неправильном, чисто внешнем сходстве явлений при подборе исходных положений рассуждения, на двусмысленности (см.: Неопределенность имени), подмене имен и прочих логических ухищрениях.

Логические качества текста — определенность, точность, ясность, непротиворечивость, обоснованность

изложения. Л. к. т. обеспечиваются соблюдением законов и правил правильного, результативного мышления: законов тождества, противоречия, исключенного третьего, достаточного основания; правил определения и классификации (логического деления) понятий. Л. к. т. оцениваются на этапе подготовки текста, когда он уже написан, с помощью специальных приемов логического анализа текста (см.: Логический анализ текста).

Нарушение этих требований влечет возникновение в тексте логических ошибок, которые устраняются в ходе правки текста

Логические правила доказательства — система логических норм, которые обеспечивают логическую корректность доказательства. 1. Тезис и аргументы (см.: Аргумент) должны быть суждениями ясными, точно определенными (см.: Определенность текста). 2. Тезис должен быть тождествен самому себе на всем протяжении доказательства. 3. Аргументы должны быть суждениями истинными, доказанными независимо друг от друга и от тезиса (см.: Ошибки доказательства). 4. Аргументы не должны противоречить тезису. 5. Доказательство должно быть полным, т.е. приводимые аргументы должны быть достаточными для обоснования истинности тезиса.

Л. п. д. применимы не только к доказательству, но и к другим разновидностям рассуждения: опровержению, рациональному объяснению.

Оценивая правильность аргументации, редактору следует иметь в виду, что разница в знаниях автора-специалиста и аудитории может спровоцировать непонимание текста.

Логический анализ текста проводится на этапе аналитического, углубленного чтения текста с целью проверки логических свойств текста, выявления логических, и в том числе логико-синтаксических, ошибок, которые нарушают его смысловую организацию и снижают коммуникативное воздействие; уточнения авторского замысла.

Методика Л. а. т. предполагает мысленное членение текста на основные смысловые единицы — имена и высказывания — и их исследование. После выделения логических имен подлежат сравнению все повторяющиеся и связанные между собой по смыслу имена, а также сопоставляет их с обозначенными ими понятиями и затекстовыми реалиями. Редактор проверяет: 1) правильно ли выбрано имя (особого вни-

мания требует терминология, слова в переносном значении); 2) правильно ли установлены и выражены смысловые связи между именами (см.: Анализ смысловых связей; Анализ связочных средств языка; Ошибки логического деления); 3) соблюдены ли правила определения понятий.

Исследование высказываний начинают с их мысленного «свертывания» — приведения к наиболее простой, легкой для анализа форме. Однако не стоит забывать, что одно предложение может содержать несколько высказываний (во фразе *Вы стали архитектором случайно или по рано определившемуся призванию*, помимо вопроса, есть необоснованное утверждение: *призвание рано определилось*). При необходимости мысленно восстанавливаются подразумеваемые, но не приведенные в умозаключении высказывания.

Далее сопоставляются повторяющиеся связанные по смыслу высказывания, в том числе и мысленно восстановленные, между собой и с контекстом — тем, что вытекает из сказанного в тексте, с тем, что известно из других источников информации и из собственного опыта. Особое внимание следует обратить на связи перечисления, временного и логического следования, связи причины и следствия, частные примеры и обобщения, логические посылки и выводы. Таким образом редактор проверяет 1) соблюдены ли основные логические законы: тождества (см.: Определенность текста), противоречия (см.: Непротиворечивость, Противоречия в тексте), исключенного третьего (см.: Правка противоречий), достаточного основания (см.: Обоснованность текста); 2) правильно ли установлены и выражены смысловые связи между суждениями.

Ложное основание — то же, что основное заблуждение (см.: Ошибки доказательства).

Мнимое противоречие — формулировка двух высказываний в тексте, создающая иллюзию их одновременного отрицания друг друга: *В детстве у меня не было детства* (Ч.); *Нельзя было назвать его некурящим; иногда он курил фимиам своему начальнику* (Э. Кроткий). В основе М. п. обыгрывание разных значений одного имени. М. п. нередко становится основой стилистического приема каламбура.

Необоснованное суждение — логическая ошибка, проистекающая из нарушения закона достаточного основания, суждение, логически не вытекающее из других суж-

дений, взятых в качестве его посылок, и нарушающее одно из основных логических свойств текста — обоснованность (см.: Не следует, Неправильное умозаключение). В текстах СМИ Н. с. часто проистекает оттого, что автор не считает нужным объяснять что-либо, считая это и так понятным. Оценивая степень обоснованности суждений, нужно учитывать возможные знания аудитории.

1. Неопределенность имени — логическая ошибка, проявляющаяся в том, что имя, употребленное в тексте, утрачивает свои логические свойства — определенное значение, т.е. набор характерных смысловых признаков, и определенный объем, т.е. способность называть класс предметов, обладающих этими смысловыми признаками. Н. и. возникает вследствие ненамеренного нарушения автором закона тождества и приводит к отсутствию одного из основных логических свойств — определенности текста. Н. и. часто возникает в пределах одного текста при: 1) некорректном употреблении терминологии (например, в тексте массовой информации неприемлемо определение *Селен — уничтожитель радикалов*, поскольку автор пытается раскрыть неизвестное через неизвестное); 2) неверном использовании слов в переносном значении (*Прозрение народа — это духовный атомный взрыв*); 3) контекстной неопределенности значения многозначных слов и омонимов (высказывание *Работа неактуальна* может быть понято как то, что она не важна, или то, что рассматривает несовременные вопросы); 4) игнорировании лексического значения слова (*Выбор мебели шокирует*); 5) пренебрежении возможными затекстовыми связями имен: так, известно три писателя с фамилией Толстой, поэтому любого из них следует называть только с инициалами во избежание непонимания. В обсуждениях проблем, дискуссиях Н. и. провоцирует разночтения.

2. Неопределенность имени — объективное логическое свойство многих имен иметь неясное или недостаточно ясное значение и объем (трудно провести границу между именами *город* и *поселок городского типа* из-за отсутствия точно фиксированных различительных признаков). В массовой коммуникации подобная Н. и., как правило, не вызывает затруднений в понимании сообщения. В научной и деловой коммуникации во избежание непонимания за именами закрепляется строгое, оговоренное терминологическое значение.

Н. и. может быть намеренно использована как прием художественного описания (*В бричке сидел господин, не красавец, но и не дурной наружности, не слишком толст, не слишком тонок; нельзя сказать чтобы стар, но и не так чтобы слишком молод* (Г.)); эвфемизации речи (*Самолет ушел в сторону моря* — был сбит (о корейском пассажирском Боинге)); демагогии (*Приняты определенные меры по устранению замеченных недостатков*).

Неопределенность темы — логическая ошибка, связанная с нарушением закона тождества и состоящая в игнорировании одного из основных логических свойства текста — определенности, нередко в сочетании с игнорированием и других его свойств: последовательности, непротиворечивости и обоснованности. Отличительные признаки Н. т. — невозможность сформулировать тему текста в одном предложении, определить основные смысловые аспекты ее раскрытия, установить их иерархию. Н. т. возникает вследствие неумения организовать и структурировать содержание текста; при чрезмерной детализации изложения; недостатке или избытке информации по теме. Подобные тексты требуют, как правило, кардинальной переработки.

Некоторые частные случаи Н. т. — неопределенность заголовка или других элементов заголовочного комплекса; логически неправильный вопрос.

Неполное противоречие — логическая ошибка, отношение двух высказываний, не отрицающих друг друга (как в истинном логическом противоречии в тексте), но провоцирующих неверную интерпретацию одного из них как отрицания другого: *Здесь еще и сейчас можно увидеть обезьян шу, поедающих листья. Их в этих лесах осталось всего 12 особей.* Хотя названных в примере обезьян можно встретить, но при большом везении, а не регулярно, как следует из первого высказывания. Н. п. выявляются редактором во время логического анализа текста; правятся, как противоречия (см.: Правка противоречий в тексте).

Непоследовательность текста — отсутствие в тексте в целом или в его фрагментах одного из основных логических качеств — последовательности. Н. т. обнаруживается в наличии противоречий в тексте, необоснованных высказываниях, поспешных выводах и обобщениях, нарушении

постепенного, ступенчатого развития мысли, необоснованности переходов от одного аспекта темы к другому.

Неправильное умозаключение — умозаключение, в котором вывод не соответствует действительности. Ненамеренно допущенное Н. у. — логическая ошибка, намеренно — логическая уловка, софизм. Н. у., содержащие логическую ошибку, надо отличать от тех, в которых верная по существу мысль неправильно сформулирована средствами языка. В редактировании последние чаще относятся не к логическим, а к логико-стилистическим или стилистическим ошибкам (например, смешение омонимов в тексте, в том числе и в умозаключении, и др.).

Причина Н. у. — неистинность хотя бы одной из его посылок, нарушение правил силлогизма (см.: Анализ силлогизма и энтимемы).

Наиболее известные нарушения этих правил следующие: 1) использование общего термина посылок в разных словарных значениях, несоответствующие посылкам выводы, например безотносительный вывод из посылок, взятых в относительном смысле (*Чтобы всем здоровым быть, надо «Гениос»* (пылесос) *купить* (чистота в доме полезна для здоровья, но не обеспечивает его); 2) категоричный вывод от следствия к основанию, не учитывающий возможного действия побочных условий (*Если вредное воздействие пищевой добавки на организм не доказано, то она безвредна. Вредное действие добавки С221 не доказано, следовательно, она безвредна* (в примере энтимема *Добавка С221 безопасна, поскольку ее вредное действие на организм не доказано* развернута в силлогизм); вывод может быть неверен, поскольку исследования могли быть недостаточны или несовершенны); 3) ошибка, называемая «от собирательного смысла к разделительному» (*Если работа в целом обоснованная, то и каждое ее положение обоснованно*).

Кроме того, в категорию Н. у. логика относит и ошибки в аргументации (см.: Ошибки в доказательстве; Доказательство; Опровержение; Аргумент).

Неправильный вопрос не позволяет определить, какая информация запрошена, и дать корректный ответ — высказывание, которое содержит истинную информацию, затребованную вопросом.

В логически верно поставленном вопросе вычленяются предпосылки, т.е. известные адресату сведения по его теме

(основная часть вопроса), и запрашиваемая информация (искомая часть вопроса) по какому-либо одному конкретному аспекту, на которую можно дать четкий ответ по принципу: «Один вопрос — один ответ». Вопрос может быть выражен только интонацией или вопросительным знаком либо с помощью специальных вопросительных слов.

Проверяя правильность вопроса и возможность дать на него истинный ответ, нужно обратить внимание на все предпосылки, которые мыслятся как высказывания истинные. Если хотя бы одна из них ложна или неопределенна — возникает Н. в. Так, вопрос *Через сколько лет после избрания Х Президентом России страна будет жить лучше?* содержит предпосылки: 1) в стране проводятся выборы президента; 2) некто Х будет избран президентом; 3) страна после этого будет жить лучше. Вторая и третья из них — высказывания, не позволяющие судить об их истинности или ложности.

Подобные Н. в. могут быть использованы намеренно как средство манипулирования сознанием аудитории в политической и потребительской рекламе.

Часто Н. в. возникает вследствие неумения журналиста выделить в нем главное. В вопросе *Как вы стали архитектором: случайно или по рано определившемуся призванию?* два вопроса: *Вы стали архитектором случайно или по призванию?* и *Когда определилось ваше призвание?*; последний вопрос должен следовать за ответом на первый (*По призванию*), но представлен в виде необоснованного утвердительного высказывания.

Редакторский анализ вопроса проводится при логическом анализе текста и приобретает особую значимость при редактировании интервью и фрагментов текстов иных жанров, построенных в вопросно-ответной форме.

Не следует — логическая ошибка поспешного вывода в рассуждении, проистекающая из нарушения закона достаточного основания, когда в обоснование посылки рассуждения выдвигаются доводы хотя и истинные, но недостаточные для подтверждения ее истинности (см.: Ошибки доказательства; Неправильное умозаключение). В результате положение, которое следует доказать, не вытекает из представленных аргументов. В текстах СМИ часто возникает оттого, что редактор не учитывает разницы в знаниях автора — специалиста в своей области, приводящего аргументы, и аудитории, для которой эти аргументы могут быть недостаточны.

Н. с. — вариант необоснованных суждений в тексте, нарушающих одно из его основных логических свойств — обоснованность (см.: Обоснованность).

Обобщение — 1. Мыслительная операция выделения общих свойств, принадлежащих классу предметов, переход от единичного к общему, от менее общего к более общему; общий вывод, основанный на изучении отдельных фактов, явлений, высказываний. 2. Логическая операция с именем (понятием), состоящая в том, что предлагается более широкое по объему имя, в которое входит исследуемое (*курица — домашняя птица*).

Обоснованность — одно из основных логических свойств текста, состоящее в доказанности, истинности каждого высказывания другими высказываниями, истинность которых сомнения не вызывает. О. возникает как следствие соблюдения закона достаточного основания: всякая истинная мысль должна быть обоснована другими мыслями, истинность которых доказана.

О. в анализе текста соотносится прежде всего с логической аргументацией и используется как критерий оценки текстов или их фрагментов, относящихся к рассуждению как способу изложения и конкретным его разновидностям: умозаключению по аналогии, доказательству, умозаключению (дедуктивному), опровержению. Оценивая О. нужно учитывать уровень подготовки аудитории, поскольку сведения, которые автор текста, специалист в своей области, считает всем известными, очевидными и поэтому не нуждающимися в упоминании или разъяснении, могут быть неизвестны читателю, зрителю или слушателю. В таком случае рассуждение, последовательное и обоснованное для специалиста, перестает быть таковым для аудитории.

Для описательных и повествовательных текстов О. не является критерием оценки их качества, поскольку эти способы изложения не предполагают доказывания истинности одних суждений другими, а высказывания в них априори принимаются автором и адресатом как логически истинные.

О. в рассуждении — необходимое условие убедительности текста.

Проверка О. проводится в ходе логического анализа текста.

Определенность текста — одно из его основных логических качеств, состоящее в смысловой целостности, тематическом единстве, его точности, ясности, а также точности и ясности всех имен и высказываний. О. т. обеспечивается соблюдением закона тождества: если понятие (имя) или суждение (высказывание) многократно воспроизводится в пределах текста, то оно должно быть одним и тем же, т.е. тождественным самому себе. Содержание текста в целом должно раскрывать высказывания, объединенные общей темой. Несоблюдение закона тождества приводит к логическим и в том числе логико-синтаксическим ошибкам: неопределенности имени, подмене имени, уходу от темы, неопределенности темы.

Опровержение — 1. В гносеологическом смысле доказательство ложности или несостоятельности какого-либо тезиса. Может быть осуществлено путем предъявления фактов, противоречащих ему; путем доказательства несостоятельности или недостаточности аргументов, выдвинутых в обоснование тезиса; путем самостоятельного доказательства истинности нового тезиса, противоположного исходному. В построении, логических приемах и требованиях к нему О. родственно доказательству, отличаясь от последнего только целеустановкой автора — доказать не истинность, как в доказательстве, а ложность какого-либо суждения. В СМИ О., как и любое рассуждение, часто предполагает выводы вероятные в большей или меньшей степени и не претендует на их абсолютную достоверность, широко используется при организации дискуссий, различных обсуждений. 2. Разновидность рассуждения, целью которого является доказательство ложности тезиса выдвижением и самостоятельным доказательством истинного, с точки зрения автора, антитезиса — суждения, противоположного тезису. О. состоит из ложного антитезиса, противопоставленного ему истинного антитезиса, аргументов, доказывающих истинность антитезиса. Ход О., структурная связь его элементов проявляется с помощью демонстрации — части О., которая проявляет себя в последовательности элементов О., переходе от одного к другому и в связках между ними. Как факультативный элемент О. может присутствовать вывод, повторяющий по смыслу антитезис, но уже как доказанное положение: *во-первых, во-вторых, следовательно* и т.п.:

Мы много раз видели на телеэкране, как Нейл Армстронг делает исторические шаги по поверхности Луны (тезис).

Но давайте непредвзято подумаем, что именно мы видели: человек в скафандре ходил по какой-то пустынной поверхности. Где доказательства, что это Луна? А вот доказательств, что астронавт ступал не по лунной поверхности, достаточно (антитезис).

Во-первых (элемент демонстрации), *многократно демонстрировался кадр: на установленном на Луне флагштоке колышется знамя. Но флаг может развеваться только на ветру. Ветер возникает от движения атмосферного воздуха. А любому школьнику известно, что на Луне атмосферы нет* (первый аргумент).

Во-вторых (элемент демонстрации), *все помнят исторический снимок: ребристый отпечаток ботинка Армстронга в лунной пыли рядом с лунным модулем. Но отпечаток на грунте может образоваться лишь при наличии влаги, без которой не происходит слипания частиц. А влаги, как известно, на Луне нет. Тем более вблизи только что отработавшего сопла двигателя* (второй аргумент).

В-третьих (элемент демонстрации), *на луне колоссальная радиация: там нет защиты в виде атмосферы и геомагнитного поля. Ни стены корабля, ни скафандр от нее не спасут. Нужен свинец толщиной 80 сантиметров и метровый слой воды. И пока мы видим шагающего по Луне астронавта, он должен набрать дозу 400—500 рентген. Для справки: 200 рентген — это уже полусмертельная доза* (третий аргумент).

Так что (элемент демонстрации) *вся эпопея с высадкой американцев на Луну, на мой взгляд, всего лишь рекламная продукция Голливуда* (вывод).

Логические требования к О. в целом и к его элементам такие же, как для всех форм доказательства 1. Оценка состоятельности О. в целом и его элементов производится редактором в ходе логического анализа текста.

Ошибки доказательства — логические ошибки, допущенные в тезисе, аргументах и демонстрации.

Основные ошибки в тезисе — неопределенность (нечеткая формулировка, нарушающая закон тождества); подмена тезиса.

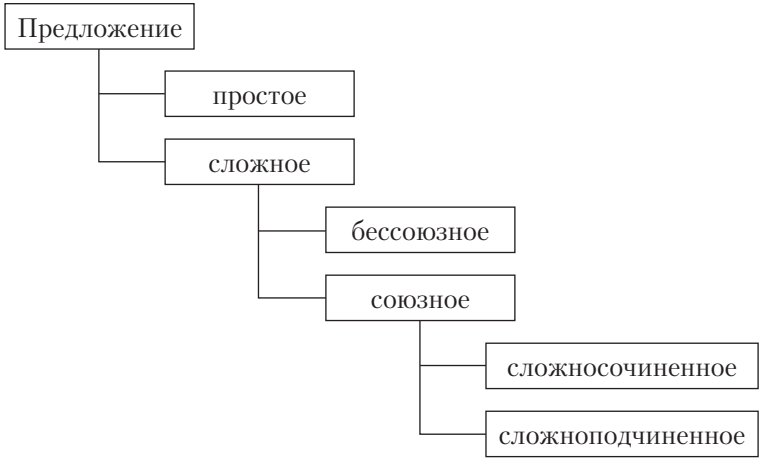
Основные ошибки в аргументации — подбор аргументов, который доказывает не исходный тезис, а другой,

сходный с ним по каким-либо признакам; чрезмерное доказательство («кто чрезмерно доказывает, тот ничего не доказывает») — некорректный подбор многочисленных аргументов, не все из которых относятся к доказываемому тезису; так называемое основное заблуждение — обоснование истинности тезиса ложными аргументами; ошибка «после этого не значит по причине этого»; предвосхищение основания — приведение в качестве аргументов положений, истинность которых нуждается в доказательстве; круг в доказательстве — обоснование тезиса через самого себя, только другими словами; ошибка «не следует».

Ошибки в демонстрации — нечеткость построения доказательства, употребление связок, не соответствующих реальным смысловым отношениям между тезисом, аргументами и выводом.

Большинство из перечисленных логических нарушений может быть использовано как логическая уловка, если оно допускается автором намеренно.

Ошибки логического деления (деления объема понятия) — логические, в том числе и логико-синтаксические, ошибки, проистекающие из нарушения одного или нескольких правил логического деления — операции, при которой предметы, отображенные в делимом, родовом понятии, делятся на виды:



Видовые понятия выделяются из родовых на основании правил: 1) единства основания деления — видовые поня-

тия должны быть выделены из общего родового по общему существенному признаку; 2) соразмерности членов деления — их общий объем должен равняться объему делимого; 3) взаимоисключаемости членов деления — все они должны входить в объем общего родового понятия и не входить в объем друг друга; 4) непрерывности деления — все его члены должны быть соподчиненными общему родовому понятию и непосредственно низшими по отношению к нему.

Может быть нарушено одно или несколько из указанных правил (*обе птицы: орел и человек — мечтают о свободе* (нарушено правило 1); *Всех пенсионеров можно разделить на три категории. Первая — те, кто только что ушел на покой. Вторая — пенсионеры младшей категории (55—65 лет)... И самая проблемная — москвичи преклонного возраста — 80—99 лет* (нарушены правила 2, 3).

Опираясь на правила логического деления, во время логического анализа текста нужно мысленно выделять все родовые и видовые имена, сопоставлять видовые между собой и с родовыми. Особого внимания требуют конструкции с однородными членами предложения, перечни, рубрикация, композиционное членение текста в целом и его фрагментов.

О. л. д. надо отличать от случаев использования алогизма.

Парадокс — неожиданное высказывание, противоречащее общепринятому мнению и даже здравому смыслу, но верное с точки зрения формальной логики; рассуждение, приводящее к взаимоисключающим, но в равной мере доказуемым выводам (см.: Антиномия): *То, что я говорю сейчас, — ложь.*

Паралогизм — ненамеренно допущенное неправильное умозаключение.

Подмена имени — логическая ошибка, связанная с нарушением закона тождества (см.: Определенность текста) и состоящая в полном или частичном замещении исходных смысловых признаков имени на другие, произвольном сужении или расширении его объема. П. и. часто происходит при повторном наименовании предмета (***Стулья — сиденья со спинками*** *— изобрели египтяне. В те времена ими пользовались лишь фараон и его приближенные. В домах*

бедняков сидели на круглых чурбаках или на ***стульях со спинкой, которые вырубали прямо из стволов деревьев***), а также при употреблении коммуникантами одного имени, но в разных значениях. П. и. приводит к нарушению важнейшего логического свойства текста — его определенности (см.: Определенность текста).

В ходе логического анализа текста пристального внимания редактора требуют синонимы, в первую очередь контекстные; понятия, близкие по значению, но не тождественные (например, в тексте о *реставрации* музея последняя незаметно для автора становится то *реконструкцией*, то *ремонтом*). Следует учесть и возможные затекстовые связи имен: прочитав текст без указания инициалов и профессии А. Брюллова *Личные покои императора в Зимнем дворце созданы по проекту Брюллова*, читатель, скорее всего, решит, что имеется в виду знаменитый художник К. Брюллов.

П. и. может быть использована автором намеренно как прием демагогии, намеренного ухода от темы: *Ну как объяснить лозунг «Диктатура закона»? — Я думаю, что еще будучи студентами все усвоили, что диктатура — это нечто чуждое закону, а закон — нечто прямо противоположное диктатуре* (значение слова *диктатура* как *главенство, приоритет*, сознательно подменено автором на значение *самовластье, ничем не ограниченная власть*).

Последовательность текста — одно из основных логических свойств, заключающееся в постепенном, поэтапном развитии мыслей в тексте, прежде всего в рассуждении, когда они логически обоснованно вытекают одна из другой, в отсутствие внутренних противоречий в тексте. П. т. обеспечивает верное отражение явлений действительности в тексте и дает читателю возможность адекватного его понимания.

Оценка текста на предмет П. т. производится редактором в ходе логического анализа текста и требует учета уровня знаний аудитории, поскольку мысли, расцениваемые специалистами как закономерно вытекающие друг из друга, могут показаться неспециалисту, не обладающему необходимыми знаниями, бессвязными, непоследовательными.

Поспешное обобщение — логическая ошибка, вызванная нарушением закона достаточного основания (см.: Обоснованность текста), когда в обобщении не учтены все

причины исследуемого явления, все существенные обстоятельства или когда в тексте они не приведены в достаточном количестве для того, чтобы читатель, слушатель или зритель мог убедиться в правильности обобщения. П. о. нередко возникает, если при подготовке материала к публикации не учтена разница в знаниях автора-специалиста и широкой аудитории.

Поспешный вывод — см.: Не следует.

Правка противоречий в тексте — одна из процедур правки текста, цель которой — устранить обнаруженные во время логического анализа противоречия в тексте и таким образом придать ему в полном объеме одно из основных логических свойств — непротиворечивость.

Гносеологической основой при устранении П. п. т. является закон исключенного третьего: из двух одновременно отрицающих друг друга суждений (высказываний) одно непременно истинно; третьего не дано. Указанный закон предписывает редактору выбрать это истинное суждение и править текст в соответствии с ним и с выводами, которые из него проистекают.

Текст	Правка
Все в этом доме было сделано руками русских мастеров и ***из материалов, добытых исключительно в России****... В революционное время обстановку разграбили, вентиляционную систему разрушили, в столовой разобрали уникальный* ***камин, облицованный каррарским мрамором****.*	*Все в этом доме было сделано руками русских мастеров... В революционное время обстановку разграбили, вентиляционную систему разрушили, в столовой разобрали уникальный* ***камин, облицованный каррарским мрамором****.*

Противоречие в тексте — логическая ошибка, связанная с нарушением закона противоречия (не могут быть одновременно истинны суждение и его отрицание) и приводящая к несоблюдению автором одного из основных логических свойств текста — непротиворечивости.

П. т. выявляются во время логического анализа текста и классифицируются по методу выявления как: 1) явные, когда П. т. обнаруживают два суждения текста (*Новый*

клей медицинский моментально заживляет разрезанные ткани. <...> Срок их сращивания увеличивается почти в три раза); 2) скрытые, когда П. т. обнаруживается между суждением текста и суждением, в тексте не сформулированным, но вытекающим из сказанного (*Вот уже почти год длится эпопея с распределением жилой площади в доменовостройке № 5. <...> Началась эта история еще в 2003 г.* Противоречие между выделенными суждениями выявляется при сопоставлении их с датой выхода материала — 2006 г.).

По расположению в тексте П. т. подразделяются на: 1) контактные, когда отрицающие друг друга суждения расположены в тексте рядом; 2) дистантные, когда они в тексте разделены.

Особого внимания требуют дистантные скрытые, поскольку для их выявления редактору необходимо держать в памяти высказывания, порой значительно удаленные друг от друга, и делать из них выводы. Следует иметь в виду также неполные и мнимые противоречия.

Намеренное обыгрывание П. т. (*Плохой хороший человек; Вот когда умрете, приходите*) лежит в основе алогизма как стилистического приема.

Рассуждение — логизированный способ изложения, назначение которого: 1) исследовать явление, извлечь новое знание из сопоставления известных фактов и положений, истинность которых доказана; 2) обосновать собственную точку зрения, убедить аудиторию в ее истинности; 3) опровергнуть утверждения оппонента, показав их логическую несостоятельность. Р. — сложный и разнообразный по содержанию и построению способ изложения. Рациональные формы Р. — умозаключение, силлогизм, доказательство, опровержение, рациональное объяснение, гипотеза, энтимема.

В текстах СМИ основная задача Р. — обоснование точки зрения автора или опровержение точки зрения оппонента, поскольку явление действительности, которому посвящен текст, уже исследовано автором до написания материала и на первый план при работе с текстом выходит проблема адекватного представления полученной информации с учетом особенностей СМИ и его аудитории. Это сказывается в выборе форм Р., построении текста, употреблении характерных стилистических и риторических средств.

Рациональное объяснение — 1. Совокупность приемов, помогающих установить достоверность суждений относительно какого-либо неясного запутанного дела или имеющих целью создать более отчетливые представления о чем-либо известном. В качестве приемов объяснения могут быть использованы сравнение, аналогия, поиск различий, указание на причины и др. Р. о. лежит в основе исследования произошедшего с помощью выдвижения различных версий и подсказывает его направление. 2. Разновидность рассуждения с исходной посылкой в виде известного факта, существование которого обосновывается с помощью одного или нескольких указаний на его причины, которые могут быть как известны, так и не известны аудитории: *Рухнула крыша рынка, почему?* (посылка). *Возможно, из-за нарушения правил эксплуатации здания* (первая причина), *либо из-за сильного снегопада, налипания снега и чрезмерной нагрузки* (вторая причина), *либо из-за конструктивных ошибок проекта* (третья причина). *Версия теракта была отвергнута сразу*. Или: *В Красноярском крае выпустили водку Ленинская-Шушенская* (посылка), *потому что после первой рюмки человек начинает картавить* (первая причина), *а после второй лысеет* (вторая причина).

Силлогизм — дедуктивное умозаключение, в котором из двух истинных суждений, связанных общим термином, следует суждение, содержащее новое знание. Суждение, называющее общее правило, — большая посылка С.; суждение, называющее конкретный случай правила, — меньшая посылка С; суждение, содержащее вывод из двух посылок, — заключение С., или вывод. Переход от посылок к выводу оформляется демонстрацией — самим построением С. и словами-связками со значением логического следования: *Получив воспаление легких, я, граждане, подохну с голоду* (вывод). *С воспалением легких полагается лежать на парадном входе под лестницей* (большая посылка), *а кто же вместо меня, лежащего холостого пса, будет бегать по сорным ящикам в поисках питания?* (т.е. *я не могу лежать под лестницей* — меньшая посылка) (М. Булгаков).

В С. отражаются реальные связи общего и частного, рода и вида, что сформулировано в аксиоме С.: «Все, что утверждается или отрицается относительно всех предметов класса, утверждается или отрицается относительно каж-

дого из них». Выделяется несколько видов С. в зависимости от характера посылок и общего термина.

В тексте СМИ С., включающий все необходимые смысловые элементы, — явление нечастое, и появляется он в случае, когда автором ставится задача полемически заострить рассуждение, представить его в логически подчеркнутом, обнаженном виде или опровергнуть утверждения оппонентов. Чаще приходится иметь дело с энтимемой.

Знакомство с основными видами С., правилами их построения и знание типичных ошибок, допускаемых авторами (см.: Неправильное умозаключение), — составная часть логической профессиональной культуры в областях, связанных с речевой коммуникацией. Проверка логической правильности С. проводится редактором во время логического анализа текста, но имеет ряд особенностей, обусловленных спецификой этой разновидности рассуждения.

Тезис — 1. Смысловой и структурный элемент доказательства, суждение, истинность которого надо доказать с помощью аргументов. Основное логическое требование к тезису — четкость его формулировки, непротиворечивость, согласованность с суждениями о том же предмете, высказанными ранее, тождественность самому себе на всем протяжении доказательства, что обеспечивает возможность подбора адекватных аргументов. Не следует выдвигать в качестве Т. положение для всех очевидное и потому не нуждающееся в обосновании. Основная логическая ошибка, допускаемая в тезисе, — его неясность или подмена на другой в ходе доказательства. 2. Смысловой и структурный элемент опровержения, суждение, ложность которого надо доказать. Ложному, с точки зрения автора опровержения., Т. противопоставлен истинный антитезис — суждение, отрицающее Т., рассматриваемое автором как истинное и далее доказываемое. Логические требования к антитезису в опровержении те же самые, что и к тезису в доказательстве.

Убедительность текста — свойство текста таким образом представлять информацию, чтобы аудитория воспринимала ее как достоверную, истинную, доверяла ей. Оценка У. т. проводится с учетом темы, жанра, способа изложения, интересов и уровня знаний аудитории, психологических особенностей восприятия сообщения. В рассуждении в аналитических жанрах У. т. традиционно связывают

с обоснованностью. В текстах информационных жанров — с умением кратко, динамично, точно и полно представить событие, факт. Оценка У. т. в текстах рекламы требует тщательного анализа аргументов к человеку, апеллирующих к эмоционально-волевой сфере личности.

Умозаключение — 1. Логическое действие, в результате которого из одного или нескольких известных, связанных между собой суждений следует вывод — высказывание, содержащее новое знание. Если вывод следует непосредственно из одной посылки (*Все простые числа делятся только на себя и на единицу, следовательно, они не делятся на два*), то мы имеем дело с непосредственным У. Выводы таких У., как правило, в тексте не приводятся, поскольку само собой разумеются. Если же вывод следует как минимум из двух посылок, то У. представлено одной из своих основных разновидностей: силлогизмом, энтимемой, индуктивным умозаключением (см.: Аналогия). 2. Вид текста, отражающий данное логическое действие, состоящий из аналогичных смысловых единиц, аналогичным образом связанных композиционно. Чаще всего в тексте СМИ У. входит в состав более сложных разновидностей рассуждения как их простейшая смысловая единица.

Уход от темы — логическая ошибка, которая возникает, когда автор, заявив тему текста, уклоняется от нее. В основе У. о. т. нарушение закона тождества, игнорирование одного из основных логических свойств — определенности текста. Конкретные проявления У. о. т. — немотивированные отступления от темы в монологическом тексте; игнорирование вопроса в интервью; игнорированием тезиса в доказательстве.

Покупайте наши книги:

В офисе издательства «ЮРАЙТ»:
111123, г. Москва, ул. Плеханова, д. 4,
тел.: (495) 744-00-12, e-mail: sales@urait.ru, www.urait.ru

В логистическом центре «ЮРАЙТ»:
140053, Московская область, г. Котельники, мкр. Ковровый, д. 37,
тел.: (495) 744-00-12, e-mail: sales@urait.ru, www.urait.ru

В интернет-магазине «ЮРАЙТ»: www.urait-book.ru,
e-mail: order@urait-book.ru, тел.: (495) 742-72-12

Для закупок у Единого поставщика в соответствии
с Федеральным законом от 21.07.2005 № 94-ФЗ обращайтесь
по тел.: (495) 744-00-12, e-mail: sales@urait.ru, vuz@urait.ru

Учебное издание

Сурикова Татьяна Ивановна,
Клушина Наталья Ивановна,
Анненкова Ирина Васильевна

РУССКИЙ ЯЗЫК И КУЛЬТУРА РЕЧИ

Учебник для бакалавров

Под редакцией *Г. Я. Солганика*

Формат 84×108 $^{1}/_{32}$.
Гарнитура «Petersburg». Печать офсетная.
Усл. печ. л. 12,55. Тираж 1500 экз. Заказ №

ООО «ИД Юрайт»
111123, г. Москва, ул. Плеханова, д. 4.
Тел.: (495) 744-00-12. E-mail: izdat@urait.ru, www.urait.ru